

А. В. МИШУЛИН

СПАРТАК

УЧПЕДГИЗ · 1950

А. В. МИШУЛИН

СПАРТАК

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ОЧЕРК

ПОД РЕДАКЦИЕЙ С. Л. УТЧЕНКО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
МОСКВА • 1950

Второе издание книги А. В. Мишулина выходит под редакцией и с вступительной статьёй доктора исторических наук С. Л. Утченко. В книге рассказывается о жестокой эксплоатации рабов в древнем Риме, о попытках рабов освободиться от рабства и, наконец, о грандиозном восстании их под руководством Спартака, потрясшем всё Римское государство. Большое внимание уделяется тому, как рабовладельцы, напрягая все силы, организовали армии для подавления восстания рабов.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ВОССТАНИЯ СПАРТАКА

Внимательный читатель, ищущий во всемирной истории не эффектных и поверхностных рассказов о действиях королей и полководцев, а интересующийся историей производителей материальных благ, т. е. историей трудящихся масс и их борьбы против своих угнетателей, не может пройти мимо одного раннего, но вместе с тем наиболее яркого примера этой многовековой борьбы — великого восстания рабов в древнем Риме под руководством Спартака. Несмотря на то, что это событие отделено от нас — современников и участников построения первого в мире социалистического общества — огромным промежутком в две тысячи лет, тем не менее оно не потеряло своих жизненных красок, своей исторической свежести и значимости. В нём мы видим одну из первых классовых битв, великую и благородную попытку угнетённого класса восстать против своих угнетателей, против самой системы, при которой свободный человек порабощался, превращался в бесправное существо, в вещь, принадлежащую его хозяину, в «говорящее орудие».

Классики марксизма-ленинизма высоко ценили значение этого величайшего восстания угнетённого класса в древности и личность его выдающегося руководителя — Спартака, который проявил себя незаурядным организатором масс и блестящим полководцем.

В письме к Энгельсу от 27 февраля 1861 г. Маркс писал: «...по вечерам отдыха ради увлекался «Гражданскими войнами в Риме» Аппиана в греческом оригинале. Очень ценная книга. Он — родом египтянин. Шлоссер говорит, что у него «нет души», вероятно потому, что он старается докопаться до материальной подкладки этих гражданских войн. Спартак в его изображении является самым велико-

лепным парнем во всей античной истории. Великий генерал (не Гарибальди), благородный характер, real representative[1] античного пролетариата»[2].

Восстание рабов под руководством Спартака или, как называли его современники, «рабская война» (bellum servile) определялась В. И. Лениным как война освободительная и справедливая: «... иногда войны велись из-за интересов угнетённых. Спартак поднял войну для защиты порабощённого класса. Такие же войны велись в эпоху колониальных угнетений, которые и сейчас не прекратили своего существования, в эпоху рабства и т. д. Эти войны были справедливыми, эти войны не могут быть осуждаемы»[3].

В своей знаменитой лекции «О государстве» В. И. Ленин указывал на огромное историческое значение спартаковского восстания: «...Спартак был одним из самых выдающихся героев одного из самых крупных восстаний рабов около двух тысяч лет тому назад. В течение ряда лет всемогущая, казалось бы, Римская империя, целиком основанная на рабстве, испытывала потрясения и удары от громадного восстания рабов, которые вооружились и собрались под предводительством Спартака, образовав громадную армию»[4].

Заслугой известного советского исследователя древности, покойного профессора А. В. Мишулина, является то, что он посвятил немало времени и труда изучению восстания Спартака. Эта тема сознательно обходилась и замалчивалась буржуазными историками, не заинтересованными в том, чтобы привлекать внимание к тем событиям мировой истории, которые свидетельствуют о борьбе угнетённых классов против своих поработителей. Западноевропейская научная литература о Спартаке и руководимом им восстании рабов чрезвычайно бедна. Поэтому серьёзное исследование А. В. Мишулина «Спартаковское восстание», вышедшее в свет в 1936 г., является не только единственным крупным трудом в марксистской исторической литературе по этому вопросу. Это исследование впервые выдвинуло многие важные проблемы, связанные с оценкой исторического значения важнейшего револю-

---

[1] Истинный представитель.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIII, стр. 15.
[3] В. И. Ленин. Соч., т. XXIII, стр. 192.
[4] В. И. Ленин. Соч., т. XXIV, стр. 371.

ционного движения древности. Данная брошюра является научно-популярным изложением тех основных наблюдений и выводов, к которым пришёл автор на основании многолетней работы. Мы позволили себе внести лишь сравнительно незначительные редакторские изменения в авторский текст, оставив неприкосновенными основные принципиальные выводы покойного исследователя, даже в том случае, если они не представляются, на наш взгляд, вполне приемлемыми и бесспорными.

Бесспорным достоинством работы А. В. Мишулина является подробное и аргументированное доказательство мысли о том, что восстание Спартака было явлением не случайным, а закономерным; явлением, отражающим кризис рабовладельческой системы и обусловленным глубокими причинами, вызвавшими этот кризис. Поэтому А. В. Мишулин совершенно правильно поступает, предваряя своё изложение хода восстания рабов под руководством Спартака общей характеристикой римского рабовладельческого общества, этого «мира рабства и насилия». Особенно убедительной выглядит закономерность грандиозного революционного взрыва, разразившегося в 70-х годах I в. до н. э. на территории Италии, когда автор даёт широкую картину социальных движений эпохи, предшествовавших великой «рабской войне». Мы имеем в виду такие события, как: а) двукратное восстание рабов в Сицилии во второй половине II в. до н. э., а также целый ряд мелких восстаний и заговоров рабов в самой Италии; б) народно-освободительное движение в порабощённых Римом странах: восстание Аристоника в Пергамском царстве, восстание рабов в Боспорском царстве; в) широкое аграрное движение в самом Риме, известное под именем его руководителей — Гракхов и, наконец, г) народно-освободительная борьба италиков против Рима, закончившаяся уравнением италиков в правах с римскими гражданами и известная под именем «союзнической войны». Рассмотрение восстания Спартака на фоне всех этих событий доказывает нам, что причины великой «рабской войны» заключались отнюдь не в случайных и стихийных явлениях внешнего порядка, вроде жестокого обращения с рабами их господ, но что истинные причины восстаний рабов коренились в материальной основе римского рабовладельческого общества. Подобное понимание природы спартаковского восстания даёт право трактовать его не как сти-

хийное, бесцельное и исторически обречённое движение, но как некое сознательное, революционное выступление угнетённого класса.

Большой интерес представляет раздел книги, озаглавленный «Борьба спартаковцев после гибели своего вождя». Здесь А. В. Мишулину удалось достаточно убедительно показать, что борьба с остатками революционной армии Спартака продолжалась значительное время и после трагической гибели вождя восставших рабов. В этом разделе автор, на основании анализа речей Цицерона против бывшего наместника Сицилии Верреса, вскрывает связь спартаковцев с сицилийскими рабами, а затем указывает на наличие союза между оставшимися частями спартаковской армии и пиратами на юге Италии. Всё это показывает, насколько глубокий характер имели причины, вызвавшие восстание Спартака. Вопрос о борьбе остатков революционной армии Спартака после гибели их вождя в буржуазной науке достаточно не изучался. Рассказ о восстании обрывался обычно описанием героической гибели Спартака и ссылкой на известное хвастливое заявление Помпея о том, что он «вырвал самые корни рабской войны». Изучение истории восстания проф. А. В. Мишулиным показало, что господствующему классу Рима пришлось употребить немало времени и усилий на то, чтобы окончательно подавить восстание и ликвидировать последние очаги сопротивления на территории Римского государства.

Одним из центральных вопросов, связанных с оценкой исторической роли восстания, является вопрос о его «программе». Выяснению этой программы выдающийся советский историк уделяет значительное внимание. Мы считаем необходимым остановиться на этом вопросе, тем более что не все выводы, к которым приходит здесь А. В. Мишулин, представляются нам вполне приемлемыми.

Вопрос о «программе» движения в историографии спартаковского восстания всегда выступал как вопрос, связанный с выяснением «разногласий» в среде восставших. Как известно, ряд древних авторов (Саллюстий, Плутарх) упоминают об этих «разногласиях», хотя их сведения настолько неясны и кратки, что оставляют самое широкое поле для предположений и толкований. В буржуазной исторической науке наибольшим распространением и признанием пользовалась точка зрения Моммсена, кото-

рый усматривал причины этих разногласий в пестроте национального состава армии Спартака и считал наличие «разногласий» следствием национальной розни. С точки зрения Моммсена, Спартак, происходивший чуть ли не из царского рода Спартокидов, объединял и представлял эллинов, в то время как Крикс объединял враждебно настроенных по отношению к эллинам галло-германцев. Советский исследователь проф. А. В. Мишулин совершенно правильно выступил против этой распространённой в буржуазной науке теории, показав её политическую несостоятельность и фактическую недостоверность.

А. В. Мишулин в своей книге развивает новый и самостоятельный взгляд на причины разногласий в армии Спартака и «программу» движения. Он прежде всего анализирует состав армии рабов и приходит к выводу о неоднородности социального состава восставших. Вокруг основной массы рабов группировались присоединившиеся к ним разорившиеся земледельцы и солдаты — перебежчики из римских легионов, т. е. те же крестьяне. «В общем крестьянство и солдаты не только симпатизировали освободительной борьбе Спартака, но и участвовали в ней», — говорит А. В. Мишулин. Это широкое участие свободного крестьянства в освободительной армии Спартака и наложило, по мнению А. В. Мишулина, определённый отпечаток на характер и программу движения в целом и было истинной причиной возникших в армии разногласий.

Именно социальный состав усложнял задачи движения: «выдвигались одновременно две задачи, — говорит наш автор, — удовлетворить интересы восставших рабов и интересы крестьянства». Интересы тех и других не совпадали: рабы стремились к восстановлению свободы, а потому к уходу из Италии; крестьяне же были заинтересованы в возвращении экспроприированной у них земельной собственности и поэтому вовсе не желали покидать пределы Италии. Это противоречие обострялось при каждой новой попытке Спартака осуществить план вывода рабов из Италии, причём именно в эти моменты и происходили отпадения отдельных отрядов от армии Спартака.

Однако «наметившиеся в ходе восстания две задачи» не могли быть в тех исторических условиях объединены общим руководством, и это «предрешило неудачный исход всего движения». Таким образом, по мнению А. В. Мишулина, причиной поражения спартаковского восстания яви-

лось то обстоятельство, что рабы, которые играли «роль гегемона в революциях того времени», не сумели повести за собой свободное крестьянство, а последнее ещё не понимало, что разрешение всех вопросов крестьянской революции неотделимо от задачи ликвидации рабовладельческой системы хозяйства в целом. «Именно это обстоятельство, — говорит А. В. Мишулин, — мешало в то время тесному союзу восстания рабов с аграрной революцией крестьянства».

Такова, в общих чертах, концепция советского исследователя восстания Спартака. В чём её сильные и слабые стороны?

Толкование советским историком причин разногласий в армии Спартака, как причин социального порядка, несомненно, сыграло свою положительную роль и показало беспочвенность и несерьёзность теории «национальной розни», господствовавшей с лёгкой руки Моммсена в буржуазной историографии. Действительно, ни одно из предшествовавших великому восстанию Спартака революционных выступлений рабов не даёт оснований судить о том, что момент национальной розни играл в них существенную роль. Наоборот, то, что нам известно из показаний Диодора по поводу сицилийских восстаний, свидетельствует о просчётах рабовладельцев, надеявшихся на межплеменную вражду среди восставших рабов, а также о том, что задача объединения против классового врага всегда отодвигала на задний план частные разногласия. Поэтому нет никаких серьёзных оснований считать, что пестрота этнического состава армии Спартака была почвой, породившей принципиальные разногласия руководителей движения.

Несомненно, что попытка вскрыть социальные корни этих разногласий является более серьёзной постановкой вопроса и заслуживает внимания всякого марксистски мыслящего историка. Но здесь, как нам кажется, А. В. Мишулин, увлекаясь, делает один методологически ошибочный вывод. Его основная идея при определении характера движения, как видно из вышесказанного, сводится к положению относительно союза рабов и свободного крестьянства, правда, союза, оказавшегося недостаточно прочным.

Но можно ли говорить о союзе между восставшими рабами и свободным крестьянством той эпохи? Допустим ли такой союз и какова его принципиальная база? Такой

союз был в принципе невозможен, ибо между рабами и свободными землевладельцами существовали антагонистические противоречия. Ведь свободное крестьянство той эпохи само принадлежало к господствующему классу, классу рабовладельцев. В силу этого обстоятельства не могло быть и речи о союзе между восставшими рабами и свободным крестьянством, которое стремилось лишь к перераспределению земельного фонда, которое боролось за землю и политические права в рамках существовавшего рабовладельческого строя и отнюдь не было заинтересовано в его уничтожении.

Высказанное соображение, однако, не противоречит тому факту, что к армии Спартака в какой-то мере присоединялись деклассированные элементы из числа разорившихся землевладельцев или, как их определяют источники, «свободные крестьяне с полей». Но, во-первых, у нас нет никаких оснований преувеличивать их численность, как то делает проф А. В. Мишулин, а, во-вторых, от наличия в армии Спартака некоторого количества подобных «попутчиков», как их довольно точно определяет Аппиан, до союза между восставшими рабами и свободным крестьянством — было весьма далеко.

Во всяком случае численное соотношение и удельный вес подобных элементов в армии Спартака был настолько невелик, что они не могли оказать заметного влияния на программу и цели движения.

Революционное движение рабов имело перед собой не две, как считает А. В. Мишулин, а одну задачу: освобождение от рабства и, следовательно, в какой-то мере уничтожение рабовладельческих отношений.

Что касается разногласий между руководителями движения, то не следует преувеличивать их значение или придавать им самодовлеющий характер, тем более что они, как об этом согласно свидетельствуют источники, касались лишь военно-тактических вопросов. Как бы то ни было, но, конечно, не наличие этих разногласий привело к поражению восстания рабов, а гораздо более глубокие причины и в первую очередь факт трагической изоляции восставших рабов. Именно в отсутствии союза, единого фронта между рабами и свободными бедняками и следует искать причины поражения спартаковского движения. Революционное выступление рабов в I в. до н. э. имело достаточно чёткую цель и задачи, восставшие проявили бес-

примерный героизм и организованность. Во главе их стоял человек, обнаруживший черты гениального полководца, и тем не менее восстание потерпело поражение в силу полной политической изоляции рабов, поднявшихся на борьбу, и отсутствия единого фронта между ними и свободными.

Только несколько веков спустя, когда исторические условия для подобного союза оказались созревшими, когда в Римской империи место свободного крестьянина — основы и опоры римского рабовладельческого общества эпохи Республики — занял колон (часто вчерашний раб), только тогда сложился тот единый фронт между рабом и свободным бедняком, который и обусловил окончательную победу над рабовладельческой системой.

Однако великое восстание рабов под руководством Спартака, несмотря на то, что оно окончилось поражением, имело огромное значение для дальнейших судеб римского рабовладельческого общества и далеко идущие исторические следствия.

Проф. А. В. Мишулин в своей книге останавливается в первую очередь на ближайших итогах движения. Он, как мы уже указывали выше, справедливо подчёркивает тот факт, что движение отнюдь нельзя считать подавленным в момент гибели его вождя: «борьба рабов продолжалась ещё долго, — пишет А. В. Мишулин, — восстания ещё горели в ряде мест юга Италии, готовые вновь превратиться в зарево огромного пожара».

Подводя итоги «героической освободительной эпопее Спартака», проф. А. В. Мишулин говорит: «Несмотря на своё поражение, она так подорвала рабовладельческий режим, что вызвала глубокие изменения в политическом строе республики, предопределив тем самым её близкое и окончательное падение». И затем А. В. Мишулин ставит в связь спартаковское восстание с переходом господствующего класса Рима к формам военной диктатуры: «В борьбе с революцией рабов рабовладельческий класс приходит теперь к новой форме своей власти».

Этот вывод бесспорно правилен, но недостаточен, ибо он не подчёркивает главного, т. е. тех глубоких и принципиальных изменений в экономической основе римского рабовладельческого общества, которые мы имеем все основания рассматривать как историческое следствие великого восстания рабов под руководством Спартака.

Мы имеем прежде всего в виду тот аграрный кризис, который разразился в Италии в последние годы существования республики и который был связан с глубокими изменениями в самой структуре италийского сельского хозяйства. Переход к экстенсивным типам хозяйства, опустошение полей, дробление латифундий на сдаваемые в аренду мелкие парцеллы — всё это достаточно характерные явления для того периода. Не следует также забывать, что именно в памятниках этой эпохи впервые появляется термин «колон» (colonus) в значении мелкого арендатора. Известно, что именно после восстания Спартака рабовладельцы начинают избегать значительного сосредоточения рабов в своих руках, начинают предпочитать «доморощенных рабов» (vernae) рабам покупным, приобретает широкие размеры отпуск рабов на волю. Всё это вместе взятое приводит к значительному сокращению общего количества рабов, вздорожанию их труда и к попыткам подыскания некоего эквивалента вздорожавшему и вместе с тем малопроизводительному труду раба.

Нельзя не поставить в связь эти явления с той эволюцией рабства и эксплоатации рабского труда, с которой мы сталкиваемся в первый век Римской империи и которая свидетельствует о начавшемся кризисе рабовладельческой системы. Мы имеем в виду возникновение смягчённых форм эксплоатации: пекулия и колоната. Как известно, колонат получил уже достаточно широкое распространение в I в. н. э. Колумелла, например, прямо высказывал своё предпочтение арендатору (по сравнению с рабом); более того, обработку земли рабами он считал основной причиной упадка сельского хозяйства в Италии и рекомендовал сдачу имений в аренду. Наряду с колонатом широкая практика пекулия была дополнительной попыткой оживления сельского хозяйства Италии. Нередко на правах пекулия рабам передавались земельные участки, и таким образом раб, посаженный на землю, превращался как бы в колона.

Вольноотпущенничество, пекулий, колонат — таковы новые, «смягчённые» формы эксплоатации труда, получившие развитие в римском рабовладельческом обществе в I в. н. э. Мы не можем и не должны говорить о том, насколько эти формы оказались «эффективными», мы лишь констатируем сейчас наличие этих форм эксплоатации, как симптомов определённого кризиса рабовладельческой

экономики. Для нас бесспорно, что тем первоначальным толчком, который привёл в движение эти медленно растущие и накапливающиеся силы, было великое восстание рабов под руководством Спартака.

Таким образом, значение этого восстания для дальнейших судеб римского рабовладельческого общества — огромно. Оно привело в конечном счёте к глубоким изменениям в сфере рабовладельческой экономики, оно же, как это подчеркнул А. В. Мишулин, оказало серьёзное воздействие и на политическую надстройку римского рабовладельческого общества.

Поэтому восстание рабов в I в. до н. э. под руководством Спартака, хотя оно и окончилось поражением, мы имеем все основания считать крупнейшим революционным потрясением основ рабовладельческой системы и одним из наиболее ярких проявлений борьбы угнетённых классов.

С. Утченко.

РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКИЙ РИМ

К власти над огромными территориями Средиземноморья рабовладельческий Рим пришёл путём длительных кровавых войн. Завоевание, порабощение народов, грабёж областей и целых государств лежало в основе владычества державного Рима, являлось основой развития рабовладельческой экономики и богатства римской знати. Потоки награбленных сокровищ, огромное количество денег, собранных в виде налогов, текли в Рим из завоёванных стран и областей. Они укрепили могущество Римской державы. Вся история Рима — с основания этого города в VIII в. до н. э. и до образования огромной Римской державы к середине I в. до н. э. — это путь насилия, грабежа и эксплоатации, посредством которых утвердилось господство рабовладельческого Рима почти над всем известным тогда миром.

Беспрерывными войнами Рим расчищал себе путь к власти; он беспощадно расправился с соседними племенами вольсков, эквов, этрусков, привёл к покорности племена самнитов, которые на протяжении более полувека (343—290 гг. до н. э.) героически сопротивлялись римскому порабощению. А после покорения Средней Италии Рим стал на путь завоевания южной её части. На протя-

жении 290—266 гг. до н. э. велись войны с Тарентом и царём Пирром Эпирским, в результате которых владычество Рима распространилось и на юг Италии. Сокрушая всё на своём пути, Римское государство подчинило своему господству почти весь Апеннинский полуостров. Таков был путь от небольшого города Рима к огромной Римской державе.

Параллельно этой внешней борьбе за власть, за новые территории, за богатства и массы рабов происходила внутренняя борьба в самом Риме — борьба свободных и рабов, богатых и бедных, полноправных и бесправных. Ещё в конце VI в. до н. э. реформа царя Сервия Туллия установила общественное разделение граждан на пять классов по их доходам и оформила государственный строй, защищающий рабовладельческую собственность. В конце VI— начале V в. в Риме пала царская власть и на смену ей пришла аристократическая Республика. Римские аристократы (патриции) держали всю власть в своих руках, подчинив себе народное собрание. Это привело к обострению борьбы между патрициями и бесправным населением (плебеями). Настойчивые требования плебеев вынудили патрициев пойти на уступки, и постепенно плебеи были допущены ко всем государственным должностям. Из патрициев и богатых плебеев образовалась особая знать, которая называлась в Риме нобилитетом. Неимущая же часть плебса продолжала борьбу главным образом за землю.

Наряду с этой борьбой бедных и богатых разрасталась борьба свободных и рабов. О первом этапе социальной борьбы в Риме до нас дошли смутные сведения, одни лишь предания. Последние, однако, так или иначе отражали действительность и представляют для нас большой интерес. Всё увеличивающееся количество рабов способствовало их сплочению и подготовило почву для первого, известного нам из римской истории восстания рабов. Древний писатель Дионисий Галикарнасский сообщает о первом таком восстании рабов, которое возникло в 501 г. и продолжалось до 499 г. до н. э. За ним последовало спустя 40 лет, в 458 г. до н. э., большое восстание Гердония, с которым боролись оба римских консула этого года. Из сообщений других древних историков видно, что в 419 г. до н. э. в самом Риме небольшая группа рабов разработала целый план восстания: было решено ночью поджечь Рим со всех сторон, это должно было послужить сигналом к

всеобщему выступлению рабов. Воспользовавшись неизбежным замешательством, они предполагали захватить центр Рима — Капитолий. После овладения жизненными центрами Рима рабы думали расправиться со своими господами и, захватив их имущество и жён, поделить всё это между собой. Но этот тщательно разработанный заговор не удался из-за предательства одного из рабов. Зачинщики были схвачены и повешены.

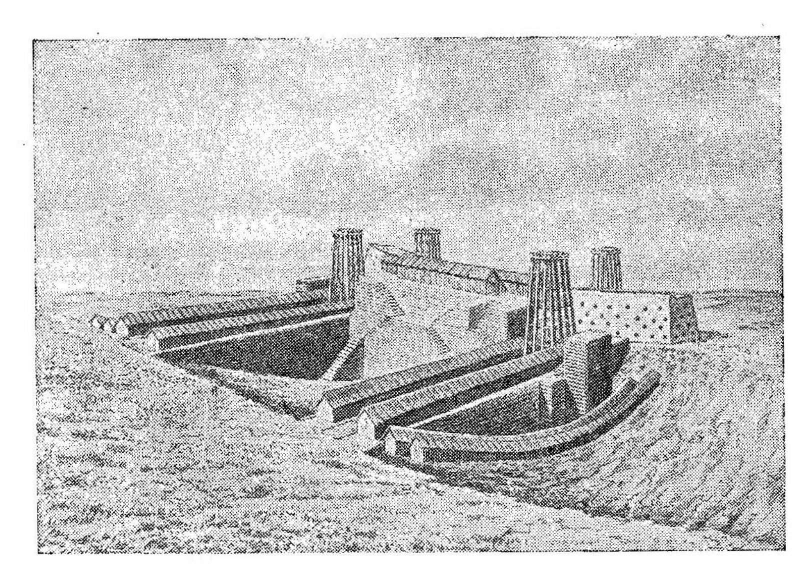
Римские рабовладельцы неустанно укрепляли своё государство и жестоко расправлялись с внешними и внутренними врагами.

В середине III в. до н. э. (264 г.) Рим начал грандиозную войну против своего торгового соперника, богатого государства того времени — Карфагена. Война эта длилась с перерывами более ста лет (до 146 г. до н. э.) и кончилась полной победой Рима. В этот период Рим достиг необычайного внешнего расцвета. Подчинение Греции явилось как бы заключением этой полосы римских завоеваний. Результатом завоевательной политики было присоединение к Римскому государству большого количества новых территорий — «провинций», служивших источником наживы для римской родовой и торговой знати — сенаторов и всадников.

Провинции эти беспощадно обирались путём непомерных налогов и даже прямого грабежа. Из провинций вывозились не только богатства, но и огромное количество рабочей силы — рабов. После взятия Тарента было продано в рабство сразу 30 тысяч человек. В войне с македонским царём Персеем в 157 г. до н. э. также было захвачено 30 тысяч человек. Семпроний Гракх, отец знаменитых римских трибунов, в 177 г. до н. э. в Сардинии обратил в рабство более 30 тысяч человек. Тит Ливий по этому поводу замечает, что тогда продавалось так много рабов и они были так дёшевы, что слово «сардинец» сделалось синонимом вообще дешёвого товара. Отсюда древняя поговорка «дёшев, как сард». Погоня за рабами становилась особенностью римских военных экспедиций того времени.

Захват богатств, распространение власти на различные области, лежавшие вне Италии, развитие торговли в пору расцвета римского могущества усилили господство римской знати, т. е. нобилитета.

Сенат почти совершенно не считался с высшим законодательным органом — римским народным собранием.

Римские укрепления на границе.

В руках сената находились дипломатические сношения, он практически решал вопросы войны и мира, сенат назначал наместников в провинции, в его руках была судьба не только провинциалов, но даже целых царств. Недаром древний писатель Полибий говорил, что народ находился в зависимости от сената и обязан был сообразовать свои действия с ним как в государственных, так и в частных делах.

Опору для римской знати в народном собрании составляли многочисленные клиенты, поддерживавшие своих господ — нобилей — голосами на выборах. Так называемая «клиентела», возродившаяся после Пунических войн, являлась формой особой зависимости масс городского и сельского населения, главным образом вольноотпущенников, от нобилей. Клиенты, т. е. «послушные», экономически зависевшие от своих патронов, были их агентами и выполняли все распоряжения патрона, вплоть до подачи за него голосов на выборах.

Наряду с нобилитетом в условиях рабовладельческой экономики поднималось ещё другое сословие Рима, так называемое всадничество. Это была торговая и денежная знать, которая в своих руках сосредоточила торговлю и

финансовые операции, сбор налогов, получение откупов с провинций. Имущественное превосходство всадников давало им возможность пробиться к государственным должностям, влиять на сенат, на римскую политику.

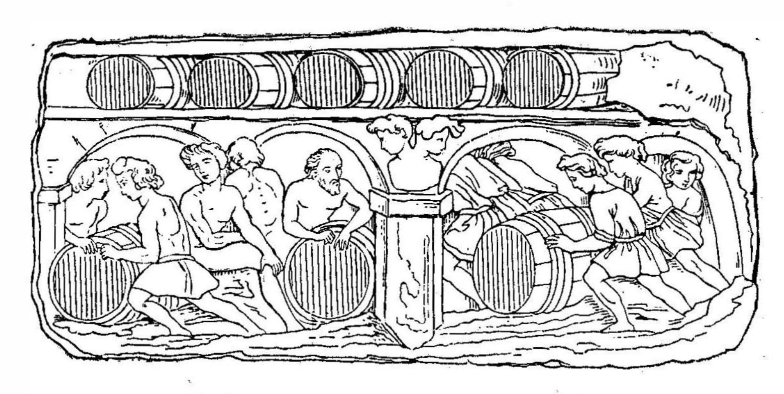
Постепенно нобили и всадники образовали верхушку Римской аристократической республики, и в их руках сосредоточилось всё управление республикой.

Борьба между бедными и богатыми внутри Римской республики продолжалась. Вместе с тем неравномерность распределения политических прав и связанных с ними материальных выгод между римскими гражданами и остальным населением Италии, участвовавшим во всех войнах бок о бок с римскими гражданами, ещё более осложнила общую классовую борьбу.

Эта борьба оказывала непосредственное влияние на движение рабов. В 217 г. до н. э. — в период второй Пунической войны, особенно упорной и опасной для Рима, — был раскрыт, по сообщению римского историка Тита Ливия, заговор рабов в самом Риме. Заговор был раскрыт вследствие доноса одного предателя среди рабов, который за это получил освобождение от рабства и большое денежное вознаграждение. По предположению, организатором этого восстания был один карфагенянин.

Он был пойман и с отрубленными руками выслан в Карфаген, а другие 25 рабов-заговорщиков были повешены на крестах. Вероятно, в этом заговоре принимало участие большее количество рабов, но остальных обнаружить не удалось.

Через несколько лет, в 198 г. до н. э., около самого Рима, в городе Сетии, подготовлялось, как сообщает нам тот же Тит Ливий, новое выступление рабов. В этом городе находилось много заложников из карфагенской знати, которые были взяты для обеспечения незадолго перед тем заключённого мира между Римом и Карфагеном. Кроме того, в Сетии и других городах около Рима было размещено много рабов, бывших солдат и жителей Карфагена, захваченных на войне в плен. Этих рабов карфагенские заложники уговаривали поднять восстание. Подробно разработанный план восстания прежде всего объединил карфагенских рабов — людей одной национальности, легко договорившихся между собой благодаря общему языку. Но в заговоре, очевидно, участвовали рабы и других национальностей, ибо заговор объеди-

Рабы за работой в винном погребе.

нял рабов нескольких городов. По плану заговора восстание должно было произойти в следующих городах, находившихся около Рима: Сетии, Норбе, Цирцее и Пренесте. Намечался даже день для выступления. В Сетии должны были открыться большие празднества с общественными играми и театральными представлениями, на которые должны были собраться и жители близлежащих городов. Заговорщики решили воспользоваться тем, что внимание жителей будет отвлечено играми, и занять центры и укреплённые места намеченных городов. Центр заговора находился в Сетии, и оттуда организаторы восстания через своих представителей действовали в других городах. Но и на этот раз восстание не удалось, ибо два заговорщика выдали план восстания претору города Корнелию Лентулу. Страх рабовладельцев перед восстанием был неописуем. Срочно собравшись, знать предоставила Лентулу чрезвычайные полномочия и поручила жестоко расправиться с мятежниками. Лентул немедленно собрал отряд в 2 тысячи человек и прибыл в Сетию для расправы. Вместе с руководителями восстания было схвачено и казнено около 2 тысяч рабов, заподозренных в заговоре.

Казалось, мятеж был окончательно подавлен, но как только Лентул после расправы уехал в Рим, пришло известие, что уцелевшие руководители восстания готовятся занять Пренесте. Лентул снова был послан на расправу, в результате которой было казнено ещё 500 рабов.

Двумя годами позднее поднялись рабы в области Этрурии, к северу от Рима. Восстанием была охвачена вся

область, так что Риму для расправы над мятежниками пришлось послать целые легионы солдат. Хотя восстание и не было достаточно организованным, восставшие оказали отчаянное сопротивление римским войскам, прибывшим для подавления. Произошла жестокая битва. Тит Ливий описывает её так: «Велико было число убитых, немало было захвачено в плен. Предводители восстания, захваченные в бою, были подвергнуты пытке и распяты на крестах. Остальные — возвращены своим господам для соответствующего наказания».

На протяжении почти десяти лет (192—182 гг.) происходили непрерывные восстания на юге Италии (в Апулии, Лукании, Калабрии). В течение десяти лет из года в год римский сенат снаряжал туда экспедиции для подавления выступлений рабов. В 185 г. до н. э. восстание достигло таких размеров, что римский претор Луций Постумий должен был сам направиться туда с большим войском. В районе Тарента он открыл центр заговора и приступил к расправе. Было схвачено около 7 000 рабов. Многие из них были осуждены и казнены.

Рабовладельческий Рим переживал период своего расцвета. Поэтому все восстания угнетённых масс легко подавлялись. Рабовладельческая система хозяйства имела в то время преимущества перед отсталыми районами, где ещё сохранялись остатки первобытно-общинного строя. Экономическое превосходство, культурный уровень ставили Рим в число передовых стран тогдашнего мира. Город Рим называли столицей мира. Это был самый величественный и грандиозный город того времени.

Римская знать строила себе прекрасные, великолепно отделанные дворцы.

В течение второй половины II в. и на протяжении всего I в. до н. э. Рим постепенно превращался в столицу мировой державы. По некоторым предположениям к концу Республики население Рима приближалось к $1^1/_2$ миллионам.

В 35-летний период от смерти Суллы до смерти Юлия Цезаря Рим украсился многочисленными роскошными постройками. Общественные и частные здания возводились так, чтобы они отвечали блеску и «достоинствам» занимавших их полководцев, трибунов, чиновников и купцов, стремившихся выставить напоказ свои богатства, награбленные на Востоке и Западе. Первый мраморный храм построен был Квинтом Метеллом Македонским в 143 г. до

н. э., а в 44 г., т. е. через сто лет, в Риме было уже более 100 величественных дворцов, храмов, частных зданий. Цицерон уже в 70 г. считал себя вправе назвать столицу прекрасным и богато украшенным городом. Роскошь и разнообразие общественных сооружений и построек Рима производили величественное впечатление. «Где бы человек ни находился, — говорили римляне, — он всегда оказывается в середине города. Куда бы он ни посмотрел вниз, с вершины Капитолия, — его взгляд терялся в массе великолепных построек и различного рода памятников, которые простирались на целые мили, постепенно уходя через холмы и долины в необозримую даль».

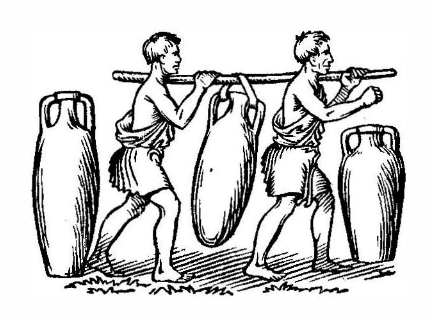
Неудивительно поэтому, что Рим, по замечанию Плиния, представлялся рабовладельческой знати городом победителей вселенной, и в каждом отдельном его строении выражались мощь и величие.

Одним из лучших украшений Рима были его водопроводы. Источники, проведённые в город с гор по подземным трубам либо посредством ряда гигантских арок, сбрасывали с шумом большую массу воды, которая собиралась в прекрасно украшенные бассейны или же поднималась ввысь струями великолепных фонтанов, очищавших воздух.

«Если бы, — говорит Плиний, — кто-нибудь захотел измерить всё количество воды, текущей для общественного употребления в банях, прудах, каналах, дворцах, садах, пригородных имениях, измерить те расстояния, которые она протекает, сооружённые арки, прорытые горы, сравненные долины, то он должен был бы сознаться, что во всём мире никогда не было ничего более достойного удивления».

Всему этому блеску и богатству противостоял мир нищеты, мир угнетённых и порабощённых народов, на труде которых зиждилось всё благополучие Римского государства. История Рима — история борьбы двух миров. Нищеты и богатства, праздности и непосильного труда, рабов и рабовладельцев.

МИР РАБСТВА И НАСИЛИЯ

1. ВИДЫ РАБСТВА И ЕГО МАСШТАБЫ

Несмотря на весь свой блеск, величие и могущество, рабовладельческий Рим имел много опасных врагов. Рим находился в постоянной борьбе со стихийным движением порабощённых народов и частыми восстаниями рабов в пределах своего государства. Протест против системы насилия, против рабовладельческой эксплоатации наполнял всю историю Рима. Со всё возрастающей силой поднимались волны восстаний рабов, подготовляя грандиозное выступление Спартака в 70-х годах I в. до н. э.

Борьба с движениями в провинциях (Испании, Сицилии, Малой Азии) ослабляла Рим извне, а участившиеся же восстания рабов подтачивали его изнутри. Социальная борьба между рабами и свободными составляла одно из основных общественных противоречий Рима.

Свободные и рабы разделялись на два резко противоположных лагеря. Это отразилось и на мировоззрении того времени. Так, по античным понятиям, физический труд считался позорным, и свободный гражданин не должен был им заниматься; только война, политика, наука и искусство были достойными занятиями. Физический труд,

по понятиям рабовладельческого класса, делал неспособным свободного человека к высшему знанию, к добродетели, к познанию наук и искусств. Греческие философы, а за ними и римские писатели настойчиво проводили эту точку зрения. Раньше всех выразил этот взгляд греческий философ Платон, полагавший, что физический труд — не только позорное явление, но и затемняющее ум занятие. Ученик Платона — Аристотель — построил целую теорию, согласно которой молодые люди из числа свободных граждан государства не должны были изучать какие-либо ремёсла, трудовые процессы в сельском хозяйстве и т. д.

Полная свобода от производственной, хозяйственной деятельности провозглашалась идеалом. Аристотель полагал, что свободному гражданину необходимо научиться лишь одному делу: участию в политической жизни, до чего рабы и производители неспособны подняться. Чтобы руководить народом, по мнению Аристотеля, надо было научиться ставить себя выше народа и презирать его. Только таким образом закаляется воля господина, укрепляется власть над массой народа, который считался «презренным стадом».

Характерны в этом отношении взгляды Цицерона. Этот политический деятель и знаменитый оратор древнего Рима необычайно презрительно относился ко всем видам физического труда. Ремесленники, подёнщики и рабы — всё это, по мнению Цицерона, «отбросы города».

Такой взгляд на рабов, на физический труд и на производственную деятельность явился результатом деления общества на рабов и рабовладельцев и господства во всей жизни древнего мира рабовладельческих отношений. При рабовладельческом способе производства вся материально-производственная деятельность, все виды физического труда перекладывались на рабов. Рабы должны были производить все ремесленные работы, все работы в сельском хозяйстве и домашнем быту, чтобы обеспечить праздную жизнь господину. Труд рабов применялся также на общественных работах: на строительстве дорог, водопроводов и т. п.

Рабов использовали иногда в качестве секретарей, чтецов, переписчиков, библиотекарей. Это были главным образом греки, сирийцы и каппадокийцы (с Востока).

Для развращённых вкусов рабовладельческого Рима особенное удовольствие представляли бои гладиаторов. По

преданию, эти зрелища были заимствованы Римом от этрусков. Гладиаторские бои впервые были устроены в 264 г. до н. э. Знатные римляне Марк и Деций Бруты после торжественных похорон их отца показали на площади гладиаторский бой. Позже гладиаторские бои стали устраиваться довольно часто. Вначале в этих боях участвовало всего лишь по нескольку пар гладиаторов. В 216 г. выступили впервые 22 пары, в 200 г. — 25 пар, в 183 г. — 60 пар, а при Юлии Цезаре впервые был организован колоссальный бой, на котором выступило 320 пар гладиаторов. Гладиаторские бои пользовались большим успехом у публики, особенно когда гладиаторы быстро и «красиво» убивали друг друга.

Гладиатор.

Гладиаторов выбирали из наиболее сильных рабов. Нередко рабы попадали в гладиаторы в результате осуждения за различные «преступления», в частности за бегство. Рабы, предназначенные для гладиаторских боёв, воспитывались в особых школах, в условиях сурового режима. Под руководством специальных учителей они обучались различным приёмам борьбы, метанию дротиков и метким смертельным ударам.

О количестве рабов в Риме и о масштабах применения их труда мы можем судить на основании некоторых вполне достоверных фактов. Известный спекулянт и богач, один из душителей спартаковского освободительного движения Марк Красс любил говорить, что только тот достоин звания богатого гражданина Рима, кто может содержать на свои средства целую армию наёмников и рабов. Такие же люди, как поэт Гораций, имевшие приблизительно по 10 рабов, считались малосостоятельными гражданами.

В сатирическом романе Петрония, жившего в эпоху императора Нерона, изображён богатый вольноотпущен-

были возвратиться к отцу и находиться в его полной власти. Отец мог второй раз продать своих детей, и только после третьей продажи дети, в случае освобождения их господином, могли уже не возвращаться к отцу.

Как нам сообщают римские историки Светоний и Тацит, многие римляне тяготились своими детьми и выбрасывали их на улицу, на произвол судьбы. Подброшенные дети обычно обращались в рабство.

Таковы были внутренние пути воспроизводства рабов в древнем Риме. Как мы видим, они были тесно связаны с ростом имущественного неравенства и социального расслоения римского общества.

Эти средства прироста рабов бледнеют перед теми способами, которые процветали на войне, в морском разбое и набегах на мирные «варварские» племена. Вначале побеждённым не всегда обеспечивалась жизнь, но затем, по мере развития рабовладельческого хозяйства, пленники стали обращаться в рабов. Захват побеждённых и обращение пленников в рабство являлись основным источником воспроизводства рабов. Об этом говорят древние свидетельства Тита Ливия, Плутарха, Аппиана и других. Так, например, из этих свидетельств мы узнаём, что после похода римского полководца Эмилия Павла в Эпир там было обращено в рабство 150 тысяч пленных, которых вывезли и продали по всему свету. Из другого свидетельства мы узнаём, что римский полководец Марий после войны с кимврами и тевтонами на севере Италии обратил в рабство 90 тысяч пленных тевтонов и 60 тысяч кимвров. А во время военной экспедиции Лукулла в Малую Азию в Понте, стране очень богатой, было порабощено столько народа, что рабы продавались «по дешёвке» — по 4 драхмы (драхма — 25 копеек). Такие военные походы превращались для полководцев в очень доходные предприятия. Военные экспедиции снаряжались большей частью в страны, ещё не тронутые, населённые и богатые.

Трудно указать какую-либо войну древнего Рима, которая не приводила бы к рабству побеждённые народы. Римские военные вожди обычно хвастались своей добычей. Так, Цезарь сам сообщает, что во время покорения Галлии он продал в рабство 53 тысячи пленных. Количество же всего порабощённого Цезарем населения, по свидетельству историков Плутарха и Аппиана, доходило до 1 миллиона человек.

участвовал в войне, терял в конце концов свою землю, семью и имущество — всё это шло рабовладельцу в виде компенсации за долги, притом вместе с людьми, которые превращались в рабов. Древнеримский историк Тит Ливий, характеризуя положение крестьянства, говорит, что на войне крестьянин подвергался меньшим опасностям, чем в мирное время среди своих сограждан.

Законами XII таблиц (около 450 г. до н. э.) особо защищалась частная собственность рабовладельца и официально узаконивалось превращение должника в раба. Если должнику, работающему у господина, не удавалось уплатить в срок свой долг, его заковывали в цепи, и в течение 60 дней он должен был находиться в заключении. Если в течение этого времени за должника никто не уплачивал долга, он присуждался господину в качестве раба и мог быть продан за пределы Рима, «по ту сторону Тибра».

Так постепенно, по мере роста богатства одних и нищеты других, увеличивалось количество должников и усиливался процесс воспроизводства рабов.

Крестьяне ожесточённо боролись против своего порабощения. В результате этой борьбы возник закон Петелия 326 г., по которому в обеспечение долга шло только имущество, а не личность должника. Однако закон этот, введённый в момент острой борьбы, нередко нарушался. Завоевание новых стран, господство ростовщиков, передача им сбора дани с населения способствовали необычайному росту долгового и кабального рабства. Масса мелких производителей запутывалась в долгах, что приводило неизбежно к рабским оковам.

Количество рабов увеличивалось также благодаря практиковавшимся в Риме продаже и подбрасыванию детей. По римским законам, отец семейства имел неограниченную власть над своими детьми. Один из римских юристов позднего периода прямо говорит, что отец имеет неограниченное право над жизнью и смертью своих детей, он может продать их, подбросить или даже убить. В Риме гордились таким всесилием отца семейства. И действительно, отец имел над детьми власть несколько даже большую, чем над своими рабами. Так, например, если купленный раб получал от господина свободу как вольноотпущенник, он становился свободным навсегда. Сын же или дочь, проданные отцом в рабство, даже в том случае, когда они отпускались на свободу господином, должны

предположения учёных. Так, некоторые учёные, определяя количество населения Рима в эпоху императора Августа в $1^1/_2$ миллиона человек, насчитывают свободных граждан 600 тысяч, а рабов 900 тысяч, т. е. в полтора раза больше.

Примерно ту же цифру общего населения Рима в императорский период называл и Гиббон в своей написанной ещё в 1776 г. «Истории величия и падения Римской империи». Но Гиббон вычисляет не только население Рима, но и всего Римского государства. Исходя из данных переписи, проведённой императором Клавдием во всей Римской империи, Гиббон насчитывал около 120 миллионов населения, из них 60 миллионов, по его мнению, были рабами.

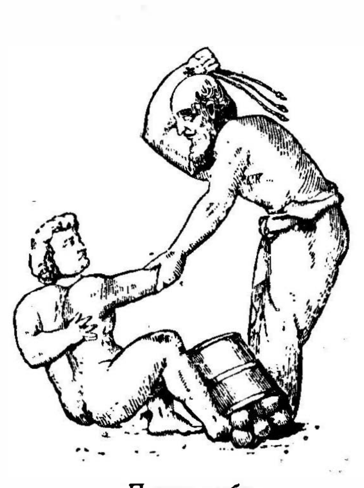
Эти данные, конечно, нельзя признать точными, — они весьма приблизительны, но они, безусловно, дают некоторое представление о масштабе распространения рабства в древнем Риме. Сами римляне никогда не проводили подсчёта количества рабов. Свой подсчёт рабов они выражали краткой поговоркой: «Сколько рабов — столько врагов».

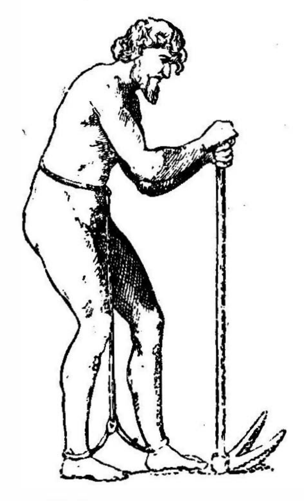
2. ИСТОЧНИКИ РАБСТВА

В рабовладельческом обществе древнего мира существовало много путей и способов порабощения.

Двумя основными путями порабощения были: внутриэкономическое порабощение — закабаление должников и внеэкономическое порабощение — завоевание различных племён и обращение их в рабство.

Превращение свободных в рабов было очень развито в древнейшем Риме. Ещё в ранний период римской истории стала практиковаться отдача несостоятельных должников в рабство. Позднее долговое рабство стало применяться во всё более и более широких размерах. Во время многочисленных войн, ведшихся Римом, вследствие длительных и дальних походов семьи крестьян, оторванных от своих маленьких земельных участков, всё более и более впадали в нищету. Чтобы прокормиться, беднякам приходилось прибегать к займам на кабальных условиях. Сумма долга из года в год возрастала и отнимала у должника всякую надежду когда-нибудь расплатиться с кредитором. Тяжёлое положение должников усугублялось суровым римским законодательством о долгах, которое целиком защищало интересы кредиторов. Таким образом, тот, кто

Порка раба.

Раб в кандалах.

ник, который, просматривая списки рабов, родившихся в его обширном имении, устанавливает, что за сутки количество его рабов увеличилось на 30 мальчиков и 40 девочек. Другое выведенное Петронием лицо хвастает, что на его полях и в имениях в Нумидии (в Африке) было так много рабов, что из них можно составить целую армию, которая могла бы даже осадить город Карфаген.

Несомненно, эти сведения преувеличены, но не столь уж неправдоподобны, если учесть, например, свидетельство Сенеки об одном вольноотпущеннике, который имел целый легион рабов, или свидетельство историка Тацита о Педании Секунде, который имел только в своём доме 400 рабов. Рабов становилось столько, что тот же Сенека говорит о наступившей тесноте в домах и имениях римских богачей.

Количество рабов в Римском государстве достигло таких размеров, что в римский сенат однажды поступило предложение дать рабам особую одежду, чтобы таким образом их можно было отличать от свободных. Это предложение не было осуществлено из опасения результатов такого учёта: рабовладельцы боялись, как бы это не убедило рабов в численном перевесе их над свободными.

Мы, к сожалению, не имеем точных данных о количестве рабов в древнем Риме. Имеются лишь отдельные

Инструментарий в рабском производстве.

Помимо войны, римляне с целью захвата рабов устраивали систематические набеги на чужеземные области. В императорский период такие набеги организовывались в Эфиопию (Африка), в страны Малой Азии, в Сирию, в страны Дуная, где захватывалось и порабощалось мирное население. Такого рода нападения позднее перешли уже в прямые пиратские грабежи на море и суше. Пиратство, наряду с войной, являлось также одним из важнейших внеэкономических способов увеличения армии рабов. Оно получило столь сильное распространение, что сообщение по морям становилось небезопасным даже у самых берегов Италии.

Для торговли захваченными рабами существовали большие рынки, где устраивались настоящие ярмарки. Такие рынки, куда свозились рабы из разных мест, существовали на Кипре, Хиосе, в Афинах и Эфесе. Позднее самым крупным центром работорговли являлся остров Делос на Эгейском море. Здесь имелась гавань для причала большого количества кораблей, сюда свозили рабов тысячными партиями из самых различных пунктов мира; для приёма их имелись соответствующие помещения. Чтобы предупредить возможность восстания такой массы рабов, их быстро распродавали. О быстроте торговых операций

на ярмарке в Делосе сложилась даже поговорка: «Купец, причаливай, выгружай, всё уже продано».

Продавцы должны были особо ставить в известность покупателей, не убегал ли продаваемый раб от своего господина, не выступал ли он гладиатором, не способен ли он на какие-либо опасные поступки. Страх рабовладельцев перед такими рабами был столь велик, что привёл к изданию ряда законов, по которым купля-продажа объявлялась недействительной, если продавец заранее не поставил покупателя в известность об этих «недостатках» рабов.

Захваченные в плен чужеземцы и купленные на рынках вдали от Рима рабы направлялись в римские латифундии, ремесленные мастерские, рудники и домашнее услужение к рабовладельческой знати, где они под надзором надсмотрщиков подвергались самой жестокой и утончённой эксплоатации.

3. ПОЛОЖЕНИЕ РАБОВ. ПЕРВЫЕ ФОРМЫ БОРЬБЫ

Все буржуазные историки затушёвывали вопрос о положении рабов в древности. Так, например, историк Гиббон на всём протяжении своего труда о древнем Риме старался прикрасить рабство. Там же, где приходилось констатировать действительно тяжёлое положение раба и насилие над ним, Гиббон прямо и сознательно оправдывает его указанием на необходимость самосохранения римлян, для жизни и господства которых, дескать, рабы всегда представляли серьёзную социальную угрозу.

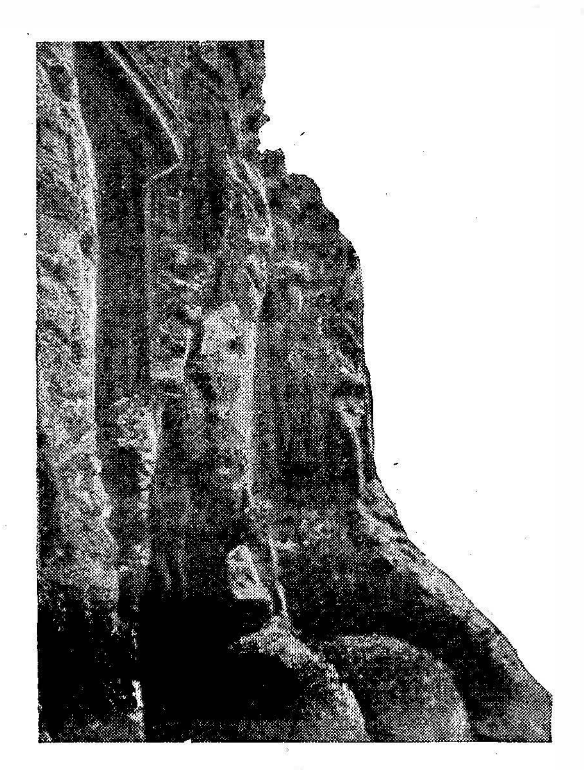
Такой взгляд проводился буржуазной исторической наукой и позднее. Французский учёный Буассье, немецкий учёный Мейер, современные профашистские «историки» всецело оправдывают рабство. Вот что, например, писал о положении рабов Буассье: «Очень может быть, что жестокое обращение с рабами выносилось несравненно легче, нежели мы думаем. Плохой раб, привыкший заслуживать удары, привыкает также и выносить их. Подконец он примиряется с ними, и они не портят его хорошего расположения духа». Нечего, конечно, говорить, что не в интересах буржуазной науки было вскрывать действительное положение рабов, ибо ведь это указывало бы на причины восстаний, заставляло бы приводить образцы борьбы угнетённых за своё освобождение. Буржуазные историки всячески искажают историю или прямо выступают против неё.

Задача советской науки заключается в том, чтобы на основе точно установленных фактов дать им научное марксистское объяснение.

Остановимся на анализе положения рабов в производстве. Ещё великий греческий философ Аристотель установил деление инвентаря каждого рабовладельца на две категории: орудия неодушевлённые и одушевлённые. Аристотель полагал, что у раба нет своей воли — есть лишь воля господина, и душа раба поэтому неполноценна. Она приравнивалась к «душе» вола, мула или лошади. Поэтому раб назывался одушевлённым орудием труда.

Но не только Аристотель так смотрел на рабов. Римский писатель Варрон предлагал инвентарь рабовладельца делить на три части: орудия немые (лопата, кирка), орудия наполовину одарённые голосом (лошади, мулы, быки), и орудия говорящие (рабы). По закону Аквилия, за убийство раба полагалось такое же наказание, как за убийство вьючного животного. «Раб не имеет личности, он не имеет гражданских прав, и в отношении его не может быть никаких обязательств», — говорили римские юристы. А юрист Гай сообщает даже о законе, по которому господину принадлежало полное право распоряжаться жизнью и смертью раба. Таким образом, целиком отрицались гражданские права раба; если же раб обманным путём присваивал себе гражданские права и какие-либо общественные должности, то, по преданию, его за это казнили, сбрасывая с Тарпейской скалы.

Раб рассматривался как вещь, а не как личность. Не приходится уже говорить о том, что ему запрещалось приобретать что-либо в свою собственность, он целиком принадлежал господину. Рабам даже не давали собственных имён, им давали лишь клички, как животным. Древний писатель Квинтилиан говорит, что имя и фамилию имеют право носить только свободные люди, рабы же на это претендовать не могут. Рабы носили прозвища по названиям различных животных (волк, медведь и т. п.) или их называли по имени стран, откуда они ввозились (Ливан из Ливана, Сир из Сирии), или по имени купцов, у которых их покупали. Чаще всего рабы носили клички по имени своего господина, в особенности если в доме господина было немного рабов. Так, раб назывался Марципор — что значит раб Марка, Люципор — раб Люция, Публипор — раб Публия и т. д.

Тарпейская скала, с которой сбрасывали рабов.

Обратимся теперь к рассмотрению условий жизни рабов. По этому поводу мы имеем много свидетельств древних писателей.

Так например, Варрон, говоря об устройстве хлевов для быков, одновременно упоминает и о клетушках для рабов. Это замечание даёт возможность заключить, каковы были помещения, в которых жили рабы.

Дома рабов вырывались глубоко в земле, — так чтобы до окон, расположенных на уровне земли, нельзя было достать рукой. Такие казармы для рабов римляне называли эргастулами. Ещё худшие помещения, сырые и полутёмные, делались специально для тех рабов, которые были закованы в цепи. Это были настоящие тюрьмы, в ко-

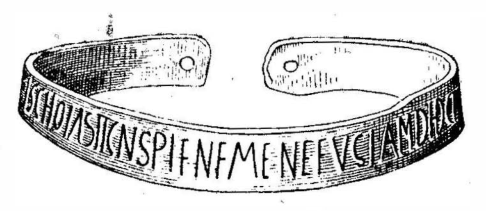
торых их обитатели жили в ужасных условиях, подобно животным.

В пищу рабы, как общее правило, получали, по свидетельству древних, только хлеб и вино, наподобие кваса. После созревания винограда и оливы отпускаемая на человека порция хлеба резко сокращалась. Вместо хлеба выдавались приправы различного рода из отбросов оливы и гнилого винограда. Что касается вина, отпускаемого рабам, то оно приготовлялось по следующему рецепту. Римский агроном Катон советовал для составления вина брать смесь из 10 амфор (кувшинов) молодого вина и 2 амфор пресной воды и смесь эту кипятить в течение 5 дней. Чтобы не было острокислого вкуса, к этому вину потом примешивали ещё морской воды. Такого рода горькая и кисло-солёная смесь выдавалась рабам как вино. Хлеб с таким вином да кое-когда приправа из оливок и рыбы — вот всё, что получали в пищу рабы.

Но самой тяжёлой стороной жизни рабов была изнурительная, непосильная работа.

Римский агроном Катон давал наставления, как следует обращаться с рабами. «Раб, — говорит Катон, — должен работать или спать». Это классическое положение может служить примером того, какой трудовой режим существовал у рабов. Во время римских праздников обычно давали отдых быкам. Но рабы наравне с лошадьми и ослами не могли располагать ни праздниками, ни отдыхом. Только в особые праздники — так называемые Сатурналии — рабам предоставлялись отдых и некоторая свобода. В остальное же время работа должна была производиться без отдыха, под надзором специальных надсмотрщиков, которые ударами кнута или бича подгоняли рабов.

Со старыми и больными рабами Катон советовал поступать, как с негодными и износившимися орудиями. Старых быков, старые повозки, завалявшееся железо, говорит он, следует продавать вместе со старыми, износившимися рабами как лишнее и ненужное в хозяйстве господина. При этом Катон предлагал выгонять из дому и выбрасывать на улицу всех старых рабов, которых никто не хотел покупать. Кроме того, был ещё обычай безнадёжно больных рабов поселять на острове, находившемся на реке Тибре. Это был остров стонов и мучений несчастных людей, которые были брошены на произвол судьбы. Впослед-

Ошейник для рабов.

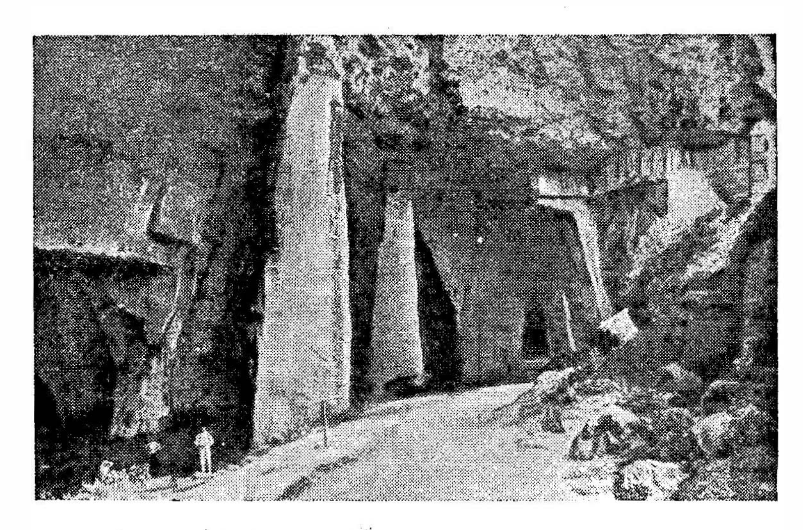
ствии, как бы в насмешку, этот остров был посвящён богу здоровья — Эскулапу, очевидно, потому, что попавшие на этот остров безнадёжно больные не могли рассчитывать ни на что другое, кроме попечения Эскулапа. Светоний, биограф римских императоров, рассказывает, что только впоследствии император Клавдий был вынужден издать декрет, согласно которому было запрещено убивать рабов или отсылать их на остров Эскулапа.

В особенно тяжёлом положении находились сельскохозяйственные рабы и рабы в рудниках. В сельском хозяйстве скоплялась масса невольников. За ними был особый надзор, осуществляемый надсмотрщиками. Кроме того, для предупреждения побегов сельские рабы часто заковывались в цепи. Иногда же на шеи рабов надевались железные цепочки, вроде обруча или воротничка, на которых отмечали, кому принадлежит раб: имя господина и название его имения. Существовали ещё неснимающиеся ошейники с надписями: «Лови меня, ибо я беглый». В Греции, а потом и в Риме была даже специальная профессия — люди, промышлявшие ловлей рабов. В Риме ловлей рабов занимались так называемые фугитиварии — изловители беглых. В случае поимки рабы возвращались обычно своим хозяевам.

Особенно тяжело приходилось рабам с цепями на ногах, стеснявшими их движения. Цепь являлась спутницей многих невольников в эргастулах не только днём, но и ночью.

Необычайно тяжёлое положение сельских невольников не раз служило причиной их массовых побегов, расправ с господином, а иногда и прямых восстаний.

Наиболее трудной была работа по добыче металла и его обработке. В рудники посылались самые крепкие и сильные невольники. Посылали туда и рабов, осуждённых за бегство и другие «проступки».

Сиракузские каменоломни.

Картину невыносимых страданий в рудниках хорошо рисует нам древний писатель Диодор Сицилийский. В своей «Исторической библиотеке» он пишет следующее: «Те люди, которые занимаются работой в рудниках и которые приносят своим господам невероятные по своим размерам доходы, изнывают от своей работы в подземных шахтах круглые день и ночь, и многие из них умирают от чрезмерного труда. Нет у них ни отдыха от работы, ни перерыва в ней. Надсмотрщики бьют их и заставляют переносить весь ужас их бедственного положения, доводя их до смерти. Впрочем, наиболее крепкие физически и выносливые в течение долгого времени выдерживают свой тяжёлый труд, хотя смерть и была бы для них предпочтительнее, нежели жизнь при таких ужасных условиях».

Неудивительно, что рудники являлись позднее местом постоянных восстаний. Рабы в Лаврионских рудниках в Аттике, во Фракии, в Галлии и Испании не раз поднимались против своих угнетателей.

Очень тяжким было положение и других категорий рабов: городских, гладиаторов и домашних.

Городские рабы, работавшие в кузнечных, булочных и других мастерских, всегда были под суровым надзором и угрозой жесточайших репрессий господина. Как выгля-

дели рабы в мастерских, передаёт нам один персонаж, выведенный писателем Апулеем в его произведении «Золотой осёл». «Великие боги, что это были за люди? — пишет он о рабах на мельнице и в булочной. — По всей коже у них были видны синебагровые кровоподтёки; рваные лохмотья не закрывали, а только пачкали спину и члены: у некоторых только у живота болтались какие-то грязные лоскутки; решительно у всех сквозь рубище и дыры сквозило голое тело; клеймо на лбу, голова, обритая наполовину, на ногах кольца от цепей. Мертвенно бледные лица, слабое и скверное зрение, красные веки, воспалённые в постоянном полумраке, где, словно какой-то чад или дым, всегда стояла тонкая пыль от муки. Эта грязнобелая пыль покрывала их лицо и одежду, так что они напоминали тех, которые, готовясь к борьбе, натерли себе песком все тело».

Так жили рабы-ремесленники. Нужна была только искра, чтобы в этих мастерских разгорелся пожар восстания.

Выше мы говорили о рабах-гладиаторах, предназначенных для кровавых зрелищ на арене римских театров. Бесчеловечные сцены гладиаторских боёв прославлялись историками, писателями и ораторами рабовладельческого класса. Так, например, оратор Цицерон считал, что гладиаторские бои служили прекрасной школой, воспитывающей презрение к смерти, хладнокровие и мужество.

Из гладиаторских школ особенно славились школы в Пренесте и в Капуе, причём из последней, как известно, вышел впоследствии Спартак. В школах гладиаторов существовал строжайший режим. Всё было регламентировано, все меры были предприняты на случай какого-либо бунта гладиаторов или внезапного выступления их против хозяина. Так, например, в помпейской школе гладиаторов существовали особые тюрьмы, куда ввергали всякого, кто только пытался протестовать против ужасающей жестокости, царившей в школе. В этих тюрьмах при школах нельзя было стоять, там можно было только сидеть или спать. При раскопках в Помпеях обнаружены были остатки этих тюрем, причём в одной тюрьме были обнаружены ножные кандалы для заковывания сразу десяти узников и тут же скелеты четырёх из них, очевидно, погибших прямо в заточении.

На организацию гладиаторских боёв затрачивались большие средства. Если какой-либо римский магистрат (должностное лицо) старался снискать себе уважение или поддержку у народа в целях личной карьеры, он обычно устраивал гладиаторские бои.

Объявления по поводу предстоявших зрелищ с выступлениями больших партий гладиаторов делались всюду. Краской на стенах, на надгробных памятниках писцы начертывали краткие объявления. Впоследствии надгробные памятники содержали обращения к подобным писцам с просьбой пощадить данную гробницу и не писать тут объявлений о зрелищах.

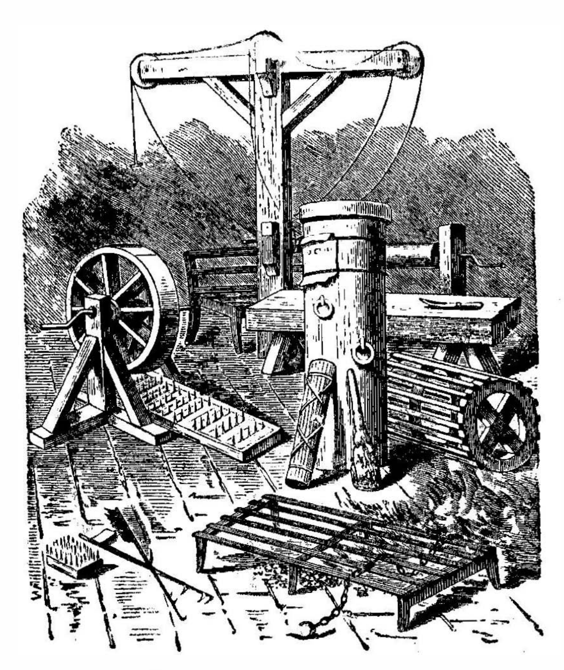
В большом количестве объявления о представлениях в цирке сохранились в Помпеях. Вот пример одного такого объявления: «Гладиаторы эдила А. Светтия Церия будут биться в Помпеях 31 мая. Будет бой зверей и будет сделан навес». В других объявлениях, кроме «навеса», публике обещали «поливку водой» для уменьшения пыли и жары.

Перед выступлением гладиаторов щедро угощали. Всё это делалось для того, чтобы потом, как это говорил римский писатель Сенека, гладиаторы «могли кровью своею всё это вновь возвратить».

Борьба гладиаторов происходила иногда ночью, при свете факелов. Бои эти всегда привлекали множество народа. При приближении конца боя цезарь, или служитель, или посвящённая богам женщина делали знак, определявший судьбу гладиатора: если поднимался вверх большой палец, то побеждённый гладиатор оставался жить, если же палец опускался вниз, то он получал последний удар, который должен был добить его насмерть. Особый служитель обходил убитых гладиаторов и, вонзая в них раскалённое железо, убеждался, действительно ли они мертвы. Другой служитель убирал трупы убитых и при проявлении каких-либо признаков жизни ударом тяжёлого молота добивал несчастных.

Несколько слов об участи женщин-рабынь, находившихся в услужении в богатых домах.

Лёгкая, праздная, изнеживающая жизнь богатых римлянок делала их необычайно капризными и избалованными. Достаточно было простой забывчивости рабыни или неловкого её движения, чтобы тотчас же проявилось бешенство госпожи, приводившее к суровой расправе над

Римские орудия пытки.

рабыней. Иногда для жестокостей над невольницами не требовалось никакой вины, достаточно было одного каприза господина или госпожи.

Некоторые знатные римские матроны имели у себя дома даже палачей, специально для расправы с жертвами рассеянности или какой-либо случайной вины. Рабынь заковывали в колодки, подвергали неимоверным истязаниям.

Любой раб, будь то мужчина или женщина, мог всегда ожидать, по выражению Плавта, «обильной жатвы ударов».

Дикие, нечеловеческие условия жизни рабов, тяжёлая изнурительная работа и, наконец, мучительные истязания — всё это заставляло рабов думать об освобождении, о борьбе со своими угнетателями.

Каковы были первые шаги в этой борьбе? Естественно, что в первое время рабы, изолированные друг от друга и поставленные в условия строжайшего надзора, вели

борьбу в скрытых формах. Возмущение рабов проявлялось главным образом в порче и постоянной поломке имущества рабовладельца. Нередки были случаи самоубийства рабов в виде протеста против рабовладельческой эксплоатации. Иногда рабы, доведённые до крайности, убивали своих хозяев. Свидетельства многих древних историков сообщают о расправах над жестокими господами. Впоследствии рабовладельческая верхушка издала ряд законов, по которым за убийство господина приговаривались к казни поголовно все его рабы. После убийства рабами префекта города Рима Педания Секунда были преданы казни все 400 рабов, имевшихся у него. При Нероне к казни приговаривались наряду с рабами и вольноотпущенники.

Был ещё один способ борьбы с угнетателями — бегство рабов.

Положение беглых рабов в Риме было крайне тяжёлым. Убегавший раб нигде не мог найти себе убежища. В древней Греции таким убежищем мог служить храм, в Риме же храмы не давали рабам права убежища. Кроме того, всякое частное лицо, которое укрывало раба, подвергалось большому штрафу. Пойманный раб отводился назад к господину, который выжигал на лбу беглеца раскалённым железом клеймо или же надевал на его шею железное кольцо.

Классовая борьба угнетённых и угнетателей всё более обострялась. Скрытые и индивидуальные формы борьбы переходили во всё более активные, открытые и массовые выступления рабов. Возникали освободительные движения.

Постепенно рабы приходили к мысли о необходимости сплочения, чтобы путём вооружённого выступления бороться против своих поработителей.

С каждым днём нарастали протест и ненависть против рабовладельческого Рима, против строя угнетения и эксплоатации. Всё чаще вспыхивали восстания, подготовлявшие великое выступление угнетённых под руководством Спартака, давшее образчик освободительной войны в древности.

ВОССТАНИЯ РАБОВ ДО СПАРТАКА

1. ПЕРВОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ РАБОВ В СИЦИЛИИ

Начало активной борьбы рабов с римскими рабовладельцами относится к ранним временам римской истории. Постепенно рабы начинают выступать всё более организованно, всё более сплочённо. В 137 г. до н. э. уже разгорается массовое движение рабов в Сицилии.

Сицилия — первая римская провинция. Её население угнетали римские наместники, ростовщики и спекулянты. Наместники смотрели на провинцию как на своё доходное имение и высасывали из неё путём налогов и всяческих поборов все соки.

Благодаря своему географическому положению Сицилия играла роль посредника в развитии западной и восточной торговли средиземноморских стран. Поэтому там рано образовался ряд больших городов, торговорабовладельческих центров древнего мира. Греческие земельные магнаты, римские денежные аристократы, карфагенские купцы и ростовщики — все они имели здесь доходные дела и предприятия.

Сицилия выделялась и своими естественными богатствами. Здесь были в изобилии удобные для земледелия равнины, богатые виноградники и рощи оливковых де-

ревьев, а также большие запасы мрамора и белоснежного камня — строительного материала древности.

Главное место в хозяйстве Сицилии занимали огромные поместья, так называемые латифундии, и рудники в районе сиракузских каменоломен, где скапливались огромные количества рабов, привозимых из различных стран Средиземноморья. Рабовладельческая система возникла здесь и широко развилась с ранних времён — ещё до завоевания Сицилии Римом.

О тяжёлом положении рабов в Сицилии пишет древний историк Диодор Сицилийский: «Богатея в течение долгого времени и приобретая крупные состояния, сицилийцы покупали множество рабов. Уводя их толпами из питомников, они тотчас налагали на них клейма и отметки. Молодых рабов они употребляли в качестве пастухов, остальных так, как каждому было нужно. Господа обременяли их службой и очень мало заботились об их пропитании и одежде. Поэтому большая часть рабов жила грабежом, и было много убийств, всё равно как если бы существовала целая армия разбойников, рассеянная по всему острову. Римские преторы не осмеливались прибегать к наказаниям рабов из уважения к силе и влиянию господ, которым принадлежали рабы-разбойники, и поэтому были вынуждены допускать ограбление провинций».

Невероятная эксплоатация рабов в Сицилии, постоянные издевательства со стороны господ и огромное скопление рабов не могли не создать здесь обстановки исключительного напряжения. Достаточно было появиться искре, чтобы пожар восстания охватил пламенем весь остров, все города и сёла Сицилии.

Первыми восстали рабы крупного сицилийского магната Дамофила, доведённые до отчаяния нечеловеческими истязаниями со стороны своего господина. Вот что сообщает нам о Дамофиле Диодор Сицилийский: «Покупая большое количество рабов, он обращался с ними жестоко, накладывал раскалённым железом клейма на теле тех, которые были рождены свободными на своей родине, но испытали плен и тяжесть рабства. Одних он отправлял скованными на общие работы, других назначал пастухами, но не давал им ни одежды, ни достаточной пищи. Не проходило дня, чтобы Дамофил в своём самоуправстве не истязал бы нескольких из своих слуг за самые пустые провинности. Жена его, Мегаллида, наслаждаясь изыскан-

ными наказаниями, не менее жестоко относилась к своим служанкам и доставленным к её услугам рабам. Из-за оскорблений и мучительства рабы дошли до полного озверения и ненависти к своим господам и решили, что ничего более худшего по сравнению с тем, что они испытывают, с ними не случится».

Группа заговорщиков собрала вокруг себя около 400 сельских рабов и отправилась ночью испрашивать волю богов.

В подготовке заговора значительную роль сыграл раб-сириец по имени Евн, находившийся в домашнем услужении у одного из жителей города Энны. Евн слыл за пророка и колдуна. Он умел проделывать различные фокусы, например: умел изрыгать огонь изо рта; предсказывая будущее, он приобрёл большую известность среди рабов. Так как в Сицилии были главным образом рабы сирийского происхождения, то сирийцу Евну было нетрудно завоевать авторитет среди соплеменников. Заговорщики обратились к Евну за одобрением плана заговора, и он объявил им, что воля богов на стороне рабов. Он даже возглавил движение рабов. Воодушевлённые верой в победу, восставшие ворвались в Энну и принялись прежде всего истреблять господ-рабовладельцев и освобождать угнетённых. Дамофил с женой были схвачены в парке во время прогулки. Дамофил был убит, а его жена Мегаллида отдана своим бывшим рабыням с тем, чтобы они поступили с ней по своему желанию. Своих господ в отмщение Евн убил собственноручно.

ВОССТАНИЕ

Острая ненависть к угнетателям прорвалась в массовом терроре, но рабы не были слепо жестоки в своей ненависти. Древние писатели, представители рабовладельческой культуры, обычно изображали рабов как варваров со звериной душой, не способных к благородству и гуманности. Однако тот же Диодор Сицилийский вынужден был привести несколько примеров гуманного отношения победивших рабов к тем из рабовладельцев, которые по отношению к своим рабам проявляли хотя бы искру человеческого отношения. Диодор Сицилийский говорит, что рабы Дамофила не тронули его дочь «из-за её человеколюбия

и сострадания к ним». А Евн, убивший своих господ, пощадил тех рабовладельцев, которые, бывая в гостях у его хозяина, относились к рабам мягко и снисходительно.

Гуманность, рассудительность, трезвый взгляд на будущее были проявлены рабами в ряде случаев. Так, Евн, вождь восстания, приказал оставить в живых оружейных мастеров, которые в оковах были направлены в мастерские для производства оружия. Вождь поднявшихся рабов стремился обеспечить восставших оружием. Рабы, разрушавшие крупные имения своих господ, не трогали мелких вилл, не уничтожали ни их имущества, ни самих мелких производителей. Это наводит на предположение, что рабы после победы над рабовладельцами сами думали возвратиться к такого рода мелким хозяйствам.

После своего успешного выступления в Энне рабы приступили к организации власти. Евн был выбран царём и назвал себя Антиохом, а своё царство «Новосирийским». Объявлением «Новосирийского царства», царства Антиоха, рабы противопоставляли свой строй римским порядкам и восстанавливали монархию, т. е. тот строй, который был у них на Востоке. При царе был создан совет, куда были избраны рабы, «наиболее выдающиеся по своему уму». Кроме того, для руководства вооружёнными силами и военными операциями был выделен отличный командир — Ахей, грек по происхождению. Ахей быстро сумел собрать большое войско и удачно отразил нападение римских легионов, высланных против восставших рабов.

Успех выступления в Энне не мог не отозваться по всей Сицилии. В крупных городах Сицилии вспыхивали восстания одно за другим. Вскоре образовался другой революционный очаг в юго-западной части Сицилии, в городе Агригенте. Во главе этого движения стоял киликиец Клеон, собравший армию в 5 тысяч человек. Рабовладельцы надеялись, что среди восставших начнётся междоусобная война, которая ослабит их силы, но они просчитались. Клеон отправился в Энну, добровольно подчинился Евну, и объединившиеся армии рабов начали свои знаменитые победоносные походы против римлян.

Объединённая армия рабов прежде всего разбила римские войска под командой прибывшего из Рима претора Луция Гипсея. После этого в руки рабов перешли почти все крупные центры Сицилии: Тавромений, Агригент, Мес-

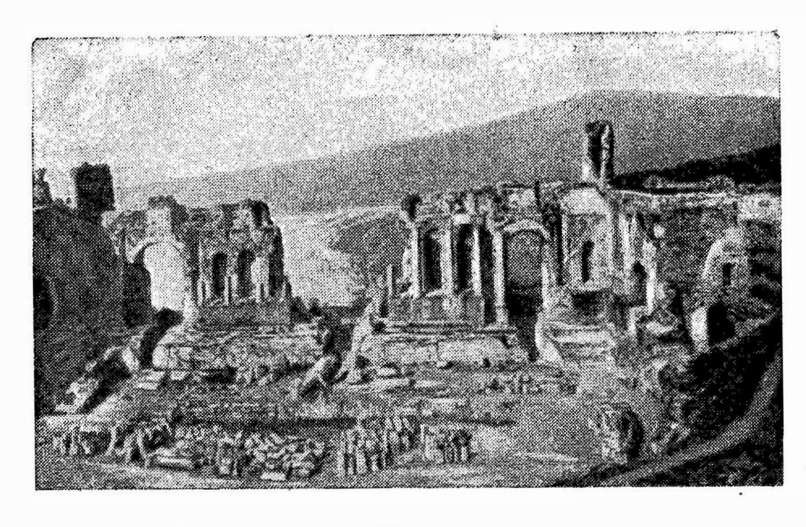
Римские легионеры в бою.

сана и Катана. Армия восставших доходила теперь до 200 тысяч человек. Рабы, свергнувшие власть поработителей, стали хозяевами почти всего острова Сицилия в течение пяти лет.

Возникает вопрос: как был организован социально-политический строй и хозяйственная жизнь в этом сравнительно долго существовавшем государстве освобождённых рабов? К сожалению, материал, которым мы располагаем, не даёт нам ясного ответа на этот вопрос. Можно только предполагать, что на острове, очевидно, протекала нормальная хозяйственная деятельность, и это дало возможность отстаивать столь долгое время завоёванную победу.

ХОД ВОССТАНИЯ

Положение на острове начинало внушать римлянам всё большие опасения, ибо искры революции долетали уже на континент, вызывая там вспышки восстаний. Римляне снаряжали в Сицилию одну экспедицию за другой, но карательные экспедиции не достигали своей цели: рим-

Развалины города Тавромения в Сицилии.

ские полководцы терпели поражения. Тогда Рим вынужден был послать большое количество войск под командой консулов Кая Фульвия Флакка, Люция Кальпурния Пизона и преемника Пизона — консула Публия Рупилия.

Долго велась упорная борьба, наконец, консулу Публию Рупилию удалось выиграть несколько сражений. Рупилий, хорошо знавший топографические особенности Сицилии, подступил к городу Тавромению и осадил его. Рабы героически защищались.

Лишённые всякого продовольствия и доведённые до крайней степени истощения, они всё же не хотели сдаваться своему страшному врагу. Только вследствие предательства одного раба — Серапиона — Рупилию удалось взять Тавромений — одну из главных твердынь революции.

Жестоко расправившись с рабами, Рупилий двинулся далее, к Энне — столице «Новосирийского царства» рабов. Её защищал Клеон, ставший главнокомандующим после объединения его армии с войском Ахея. С небольшим отрядом Клеон сделал вылазку против огромного римского войска и «после героической борьбы, — говорит Диодор Сицилийский, — пал, покрытый ранами».

Рабы мужественно боролись до конца. Только вслед-

ствие измены римлянам удалось взять столицу царства рабов, расположенную на возвышении и являвшуюся труднодоступной крепостью. Евн был захвачен в плен, отвезён в город Моргантину и брошен в тюрьму, где и погиб в ужасных условиях тюремного заключения.

Так закончилось первое выступление рабов в Сицилии, давшее ряд героических эпизодов борьбы угнетённых со своими поработителями.

Несмотря на то что мы имеем весьма недостаточные сведения о программе первого восстания рабов в Сицилии, совершенно очевидно, что оно явилось не просто вспышкой, а массовым революционным выступлением против системы рабовладельческого хозяйства.

Именно поэтому сицилийское восстание не могло не отозваться в самых отдалённых уголках Римского государства.

Отклики на это восстание можно проследить далеко за пределами римского мира — в областях, Риму не подчинённых или по крайней мере им ещё окончательно не завоёванных (Македония, Малая Азия).

ОТКЛИКИ НА ВОССТАНИЕ

Необходимо отметить, что не только рабы, но и мелкие производители в сельском хозяйстве определённо симпатизировали сицилийскому выступлению против крупных рабовладельцев. Восстанию сочувствовало мелкое крестьянство Сицилии. Но не только сицилийские крестьяне были на стороне восставших: весть о восстании донеслась до крестьянства Италии, и Рим был охвачен широким аграрным движением. Развитие рабства в Италии влекло за собой сильную концентрацию земель в руках отдельных собственников и массовое разорение мелких производителей. Естественно, что в таких условиях масса крестьян поднималась, и бедняки готовы были поддержать любое выступление рабов, поскольку последнее направлялось против крупных земельных собственников и рабовладельцев.

Интересно отметить, что в то время как в Сицилии происходило восстание и Рим второй год упорно посылал карательные экспедиции, крестьянство Италии поднялось с требованиями передела земли.

Греческий писатель конца I и начала II в. н. э. Плутарх сообщает, что это требование выражено было повсюду: на

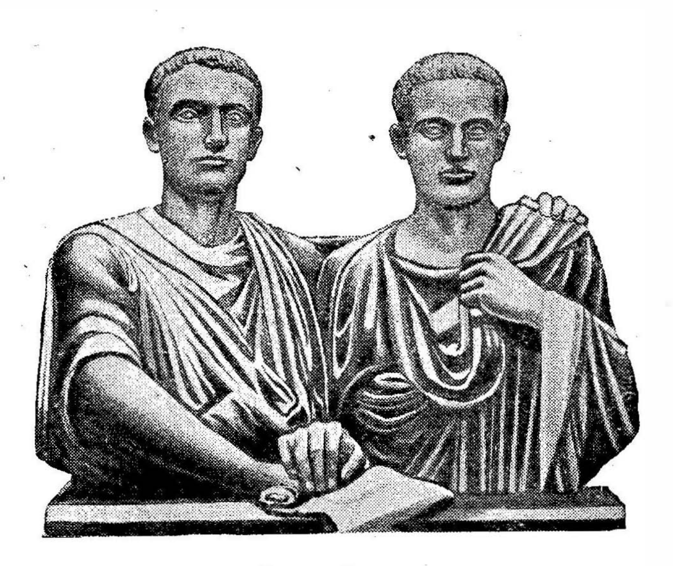
портиках, на стенах зданий, на надгробных памятниках — везде можно было видеть надписи, требовавшие возвращения беднякам захваченной земли. Можно предполагать, что аграрный кризис и движение бедняков-крестьян приняли особо острую форму именно под влиянием выступления рабов в Сицилии. Что крестьянство решило использовать этот затруднительный для Рима и всего рабовладельческого класса момент, видно из одной речи Тиберия Гракха, вождя поднявшихся италийских крестьян. «Дикие звери, — говорил Тиберий, — живущие в Италии, и те имеют нору и логовище, между тем как люди, умирающие, сражаясь за Италию, не имеют ничего, кроме воздуха и света. Они без крова, лишённые постоянного местожительства, бродят с жёнами и детьми». Тиберий предложил провести аграрную реформу, причём настаивал на переделе так называемого «ager publicus», т. е. общественной земли, и раздаче её крестьянству; он протестовал против безмерного увеличения рабов и ссылался на следствие этого увеличения — восстание рабов в Сицилии.

Развитие рабства, которое шло и за счёт разорявшихся крестьян, пугало Тиберия, и, по преданию, он пришёл к выводу о необходимости аграрной реформы в тот момент, когда, проезжая по Этрурии, увидел массы чужеземных рабов, обрабатывавших поля, и полное отсутствие свободного крестьянства. Уменьшение крестьянства означало сокращение мощи римской армии, а увеличение масс рабов в сельском хозяйстве означало рост угрозы для господствующих классов.

Восстание в Сицилии имело отклики далеко за пределами Италии: на острове Делосе, в рудниках Лавриона и в Македонии.

По сообщению писателя V в. Орозия, в ряде крупных пунктов около Рима началось движение рабов. Довольно крупное восстание вспыхнуло в Минтурнах, но оно было подавлено, и 450 восставших рабов были казнены. Ещё более значительное восстание началось в Синуессе; в нём участвовало около 4 тысяч рабов.

Весть о восстании в Сицилии дошла до Делоса, очевидно, из сицилийских портов, которые долгое время находились в руках восставших. Делосские рабы снова решили выступить против своих угнетателей, и это восстание могло бы принять масштабы сицилийского, если бы горожане не предупредили власть о готовящемся вы-

Братья Гракхи.

ступлении. Ещё не развернувшееся в полную силу восстание было подавлено.

Так оказался потушенным, по выражению Орозия, «пожар от сверкающей искры того первого костра», который загорелся в Сицилии.

Более серьёзным отзвуком сицилийского движения было восстание рабов в Аттике, происшедшее в 134—133 гг. Два древних автора — Диодор и Орозий — связывают это восстание непосредственно с сицилийским движением. Восстание произошло в рудниках Лавриона, около Афин. Рабы, которые работали на этих рудниках, находились ещё в худшем положении, чем их собратья, работавшие в других местах. Это были главным образом захваченные на войне чужеземцы или беглые рабы, которые в наказание ссылались на работу в рудники. Лаврийские рудники были основным поставщиком серебра для Греции. Мы не знаем точно, какое количество рабов было занято на работе в этих рудниках, но нам известно, что в эпоху Пелопоннесской войны (конец V в.) у отдельных предпринимателей было по 300—600 рабов, а богач Никий владел даже 1 000 человек. И хотя позднее, в македонскую и римскую эпохи, лаврийские рудники пришли в не-

Кузнечное ремесло.

который упадок, однако там продолжали работать тысячные партии рабов. Во всяком случае, Диодор сообщает нам, что во время восстания поднялось более 1 000 рабов, так что пришлось применить большие военные силы, быстрые и суровые меры для подавления восставших рабов.

Восстание в рудниках Лавриона быстро перебросилось в рудники Македонии.

Описывая различные войны, которые повлекли за собой бедствия и гражданскую разруху, Августин (писатель IV—V вв. н. э.) наряду с сицилийским восстанием упоминает и о большом выступлении рабов в Македонии, в результате чего, по его словам, «вся эта область оказалась опустошённой шайками поднявшихся рабов».

Все эти движения рабов перекликались с грандиозным восстанием, которое происходило в это время в Сицилии, и продолжались несколько лет, но, несомненно, отличались по своему характеру от той борьбы, до которой поднялись рабы в Сицилии. Из материалов о восстании в Сицилии видно, что рабы там были более организованы, имели сильную армию и крепкую власть, и главное — у них была твёрдая цель: разрушить крупное рабовла-

дельческое хозяйство. Рабы на Делосе, в рудниках Лавриона и Македонии находились в иных условиях. Они испытывали на себе двойной гнёт: и своего рабовладельца, и того римского публикана — агента торгово-ростовщического капитала, который поборами военной дани давил на местные власти, на рабовладельцев и ещё более на рабов. Поэтому рабы здесь, вероятно, выступали не только против рабовладельцев, но и против агентов римской чужеземной власти и торгово-ростовщического капитала.

Но все эти мотивы так тесно переплетались, что трудно сделать какой-либо определённый вывод. Иногда восстание рабов поднималось именно в связи с развёртыванием борьбы против иноземных поработителей, против римских завоевателей.

Примером такого восстания рабов, которое переплетается с освободительным движением, является знаменитое восстание Аристоника в Малой Азии, в Пергамском царстве.

ВОССТАНИЕ АРИСТОНИКА

Восстание Аристоника в Пергаме началось в 133 г. и продолжалось до 130 г. Вспыхнуло оно в самый разгар борьбы Рима с сицилийским движением рабов. До нас, к сожалению, не дошли свидетельства о том, было ли это восстание каким-нибудь образом связано с сицилийским. Имеется лишь указание Диодора о том, что, когда в Сицилии развёртывалась революция рабов, «сходные события в это время происходили в Малой Азии». В другом месте Диодор даже прямо говорит о восстании рабов под руководством Аристоника в Пергамском царстве: «Аристоник добивался неприличествующей ему царской власти, а рабы безумствовали вместе с ним благодаря притеснениям господ и повергали многие города в великие несчастья».

Указывая на сходство событий в Сицилии и в Пергамском царстве, Диодор ограничивается только хронологическим совпадением и не вскрывает никакой политической и революционной связи между Сицилией и Пергамом.

Если мы не имеем достаточных данных, чтобы говорить о связи Аристоника с Сицилией, то о наличии связи Аристоника с Римом мы можем судить по данным Плутарха. В момент разгрома аграрного движения в Риме

Рабы в рудниках. Изображение на греческой вазе.

к Аристонику в Пергам бежал ближайший друг Тиберия Гракха — философ Блоссий. Скрываясь от расправы, жертвой которой уже стал Тиберий, Блоссий, конечно, не случайно направился к Аристонику. Несомненно, он предполагал помочь развёртывавшемуся движению Аристоника против великодержавного Рима, против крайностей рабовладельческой системы.

Несомненно, что вожди италийского крестьянства — Тиберий и Блоссий — так или иначе были связаны с вождём рабов в Пергаме — Аристоником.

Каков был характер восстания, руководимого Аристоником? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно представить себе, каково было общее положение в Пергаме.

Пергамское царство образовалось в Малой Азии в 280 г., после распада империи Александра Македонского и борьбы его наследников и полководцев между собой. К середине II в. до н. э. Пергам не только увеличил свою территорию до самого побережья Эгейского моря, но и укрепил своё политическое положение, достиг расцвета и в области культуры (скульптура, архитектура и различные науки). Положение изменилось при царе Аттале III (138—133 гг.), после смерти которого и началось восстание.

Аттал не смог защитить и отстоять самостоятельность своего государства.

В это время Рим уже окончательно завоевал всю Грецию и Македонию. Очередь была за Пергамским царством, которое славилось тогда несметными богатствами и сокровищами искусства. Пергам не смог противиться проникновению римлян. Он сохранял призрачность своей независимости лишь потому, что делал всё по указке римлян. Действительными хозяевами в Пергаме являлись римляне. Когда умер слабоумный царь Пергама Аттал III, то оказалось, что он по завещанию передал своё царство Риму, который и объявил себя единственным законным наследником.

Чаша терпения народных масс Пергама была переполнена. Они ждали смерти Аттала не для того, чтобы отдаться под власть новым поработителям. Народ хотел использовать смерть тирана для того, чтобы изгнать римских поработителей и освободиться от всякого угнетения.

Освободительное движение возглавил побочный брат Аттала — Аристоник, который, по греческим законам, мог наследовать престол своего брата. После смерти Аттала Аристоник предъявил свои права на царство и выступил против передачи Пергама Риму. За Аристоника поднялось и большинство городов, которым была ненавистна власть римлян: Левки, Колофон, Миндос и др.

Аристоник призвал в свои ряды и рабов, и бедняков, и широкие массы ремесленников, и крестьян. Движение принимало широкий освободительный, антиримский характер.

Всю эту массу поднявшихся рабов и крестьянства Аристоник сумел объединить одной идеей: он нарисовал им программу движения, конечной задачей которого была организация «Государства солнца». Это государство, по его замыслу, должно было основываться на свободе и братстве. Все граждане должны были стать равными «гражданами солнца» (гелиополитами).

Как программа Евна в первом сицилийском движении, так и программа Аристоника явно окрашивалась в религиозные тона, что было вполне естественно для той эпохи.

На Востоке, в области Пергама, был широко распространён культ бога Солнца. Этот бог под различными названиями почитался и сирийцами, и вавилонянами, и персами, и с почитанием его связывалось представление о

благостных лучах солнца, подателя земных благ. Солнце как источник радости, произрастания, изобилия и свободы противопоставлялось тьме, печали, царству подземелья и несчастья.

Аристоник со своей армией занял много городов и одержал ряд побед над своими врагами. Его стали опасаться даже соседние государства: Вифиния, Каппадокия и Пафлагония, внутри которых также назревали восстания.

Видя угрожающую опасность и не желая оставлять богатое пергамское наследство в руках восставших, Рим двинул против Аристоника большие силы под командованием консула Красса.

Красс потребовал, чтобы все подвластные Риму государства, окружавшие Пергам, — Вифиния, Каппадокия, Пафлагония и Понтийское царство — выслали силы на помощь Риму против Аристоника. Вождь восстания, казалось, был окружён со всех сторон врагами.

Прежде всего Красс подступил к укреплённому городу Левки. Целую зиму тянулась осада этого неприступного города, который восставшие рабы готовы были защищать до конца. Красс намеревался уже уходить после безрезультатной осады, как вдруг войско Аристоника напало на Красса, разгромило его войско, а самого Красса взяло в плен.

В 130 г. на борьбу с Аристоником был послан консул М. Перперна, который, узнав о поражении Красса, поспешил поправить положение. Перперна высадился в Малой Азии и неожиданным нападением разбил Аристоника, которому пришлось бежать в город Стратоникею, в области Карии. Римские войска зверски расправились с восставшими: непокорные города принуждались к сдаче при помощи отравления питьевой воды, взятые в плен убивались. Город Стратоникея подвергся длительной осаде и, наконец, вынужден был сдаться, а находившийся там вождь восстания был захвачен в плен. Его заковали в цепи и отправили в Рим. Там, в тюрьме, после жестоких истязаний он был задушен по приказанию сената. Товарищ Аристоника — Блоссий — не мог пережить разгрома восстания и смерти своего друга и сам лишил себя жизни.

Римские рабовладельцы и земельные магнаты ликовали: Пергам был завоёван. Спекулянты, чиновники и откупщики снова, словно стая паразитов, бросились в Ма-

лую Азию, чтобы высасывать соки из вновь захваченной добычи.

Но ликование рабовладельческого Рима было преждевременным: не прошло и тридцати лет, как вновь вспыхнуло грандиозное восстание вблизи Рима, на громадных пространствах острова Сицилия.

2. ВТОРОЕ ВОССТАНИЕ В СИЦИЛИИ

ЗАГОВОРЫ НАКАНУНЕ ВОССТАНИЯ

Освободительное движение Аристоника было направлено против римского порабощения, но восставшая масса рабов и бедняков требовала и изменения строя жизни, и улучшения своего положения, и освобождения от рабства. Восстание потерпело крушение, потому что римское вторжение в Пергам привело к объединению сил рабовладельческого общества, и перед этими силами поднявшийся угнетённый народ небольшого Пергамского царства не мог устоять. Борьба с внешними и внутренними классовыми врагами в конце концов истощила силы восставших.

Таким образом, эта грандиозная волна революции рабов, докатившаяся до Пергама из Сицилии через лаврийские рудники и Делос, оказалась отбитой рабовладельческим Римом. Хотя и с большим трудом, но Рим справился с задачей подавления восстания рабов и прочно стоял на базе рабовладельческого хозяйства, которое всё более и более развивалось. Но этот процесс имел и оборотную сторону: рост латифундий, увеличение числа рабов, подчинение Риму многих государств на периферии необычайно обостряли социальный кризис Римской республики. Подчинённые государства поднимались на борьбу за свою независимость, обезземеленная масса крестьянства требовала земли, а рабы и бедняки продолжали организовывать новые восстания против рабовладельческого общества.

В этой обстановке резкого социального кризиса назревало знаменитое второе восстание рабов в Сицилии, продолжавшееся также около пяти лет (104—100 гг.). Классовые взаимоотношения в этот период были резко обострены. «Перед сицилийским восстанием рабов, — говорит Диодор, — в Италии было так много коротких восстаний и мелких заговоров рабов, что как будто само божество та-

ким путём предвещало будущее новое колоссальное восстание в Сицилии». Диодор даже перечисляет некоторые из этих мелких вспышек, разносивших искры восстания далеко за пределы своих районов: одно восстание было в городе Нуцерии, где несколько десятков рабов организовали заговор, который властям удалось ликвидировать; другое восстание произошло около города Капуи, но и это восстание было подавлено благодаря присутствию большого количества римских солдат в кампанских городах.

Кампанья — большая и плодородная сельскохозяйственная область, находившаяся во власти немногих земельных магнатов из римской рабовладельческой знати. Большое количество рабов в латифундиях представляло угрожающую силу, и земельная знать из страха за свою судьбу содержала здесь большие гарнизоны. Ещё более неспокойно было в главном городе этой области — в Капуе, в том самом городе, который, как мы увидим ниже, стал исходным пунктом знаменитой спартаковской революции во всей Италии.

Перед вторым восстанием в Сицилии Капуя была ареной широкого движения рабов. По сообщению Диодора, толчком к этому движению была романтическая история некоего Тита Веттия (Минуция). Веттий был увлечён одной рабыней, которую он хотел выкупить. Не имея достаточно средств для выкупа, он взял её к себе, пообещав расплатиться позже. Но у Веттия не оказалось средств и тогда, когда наступил срок расплаты, он решил составить заговор против своих кредиторов. Он вооружил 400 своих рабов, направил их в деревни и убедил поднять восстание. Себя же он объявил царём. Создав войско из присоединившихся к нему рабов, Веттий направился на захват рабовладельческих поместий. Вскоре у него набралось около 700 человек. Рим, узнав о движении, послал для разгрома и поимки беглых рабов претора Луция Лукулла. Последний, прибыв в Капую, собрал там армию в 4 500 человек, но армия Веттия в это время возросла уже до 3 500 человек. Веттий занял укреплённый холм около Капуи и приготовился к встрече врага. Когда при первой схватке рабы разбили римские войска, Лукулл пустился на хитрость: он подкупил полководца Веттия — Аполлония. Последний предал всё восстание и выдал самого Веттия.

В этом движении важна, конечно, не романтическая история самого Веттия, а то обстоятельство, что рабы всегда готовы были использовать любой повод для борьбы за своё освобождение. Движение Веттия свидетельствовало о том, что почва для восстания подготовлена была во многих местностях Римской республики. По сообщению того же Диодора, «это восстание (Веттия. — *А. М.*) было перед сицилийским самым большим восстанием рабов, являясь как бы прологом к нему».

ХОД ВОССТАНИЯ

Что послужило поводом для нового восстания в Сицилии?

На этот вопрос нам даёт ответ тот же Диодор, которому историческая наука очень многим обязана за его свидетельства, являющиеся важнейшими документами для изучения ранних движений рабов в древности.

Диодор сообщает, что когда на Рим с севера стали наступать племена кимвров, сенат предложил полководцу Марию призвать на помощь Риму союзные государства.

Марий обратился к Никомеду, царю Вифинскому, с просьбой о помощи, но тот ответил, что не может прислать войска, ибо большинство его граждан уведены римскими откупщиками и проданы в рабство. Тогда сенат принял постановление об освобождении всех свободнорождённых союзников и предложил этим вопросом заняться преторам, стоящим во главе провинций. Согласно этому постановлению сената, сицилийский претор Лициний Нерва стал освобождать рабов. Все рабы надеялись получить освобождение, но Нерва освободил только около 800 человек, так как рабовладельческая знать, недовольная постановлением сената, подкупила претора и прекратила дальнейшее разбирательство дел об освобождении. Рабы, приходившие к Нерве за получением свободы, возвращались своим прежним господам. Это вызвало новое восстание.

Началось движение около города Сиракуз, на священном холме, где собравшиеся ночью рабы составили план восстания. В эту же ночь 30 рабов убили своих господ. К ним присоединилось около 200 рабов. Они заняли возвышенное место и приготовились к защите. Нерва через одного предателя узнал о готовящемся восстании и по-

давил это первое движение. Но едва он успел это сделать, как назрело восстание в другом месте.

Второй очаг движения оказался возле города Гераклеи, в западной части острова. Движение приняло грандиозные размеры. 80 рабов растерзали знатного римского всадника Публия Клония и начали собирать силы для восстания. Это восстание было так неожиданно для претора Нервы, что он оказался совершенно неподготовленным к его подавлению. Сил у него оставалось немного, а количество восставших всё увеличивалось. Рабы заняли укреплённую позицию на горе и готовы были принять бой, имея в своём распоряжении отряд в 2 тысячи человек. Нерва прибыл в Гераклею, но, не решаясь из трусости сам выступить против мятежников, назначил командующим Марка Тациния. Рабы обратили в бегство войска Тациния и забрали у бежавших их оружие.

Движение разрасталось. В армии восставших насчитывалось уже около 6 тысяч человек, и встал вопрос об организации восставших и создании соответствующего порядка в армии. По сообщению Диодора, было созвано большое собрание, избравшее для руководства совет, который составлялся «из мужей, отличающихся рассудительностью». Затем был избран царём раб по имени Сальвий, который пользовался репутацией человека опытного в гадании по внутренностям жертвенных животных, в игре на флейте и в различного рода театральных представлениях.

Избранный царём, Сальвий стал приводить в порядок армию восставших. Она была поделена на три части, причём во главе каждой был поставлен особый командующий. Этим трём армиям Сальвий приказал делать разведки, изучать местность, производить нападения. Через определённые промежутки времени командиры должны были сходиться на совет. В результате такой реорганизации очень повысилась боеспособность армии: она насчитывала уже около 2 тысяч конницы и до 20 тысяч вооружённых и обученных пехотинцев. Лошади и скот у восставших имелись в достаточном количестве, и они могли теперь готовиться к широкому выступлению против поработителей.

Сальвий двинулся к городу Моргантине, осадил его, но взять город ему не удалось, ибо защищать его были призваны рабы, которым за это обещалось полное освобождение. Но так как скоро выяснилось, что защитники Моргантины обмануты и не получат обещанной свободы, рабы

бежали к Сальвию, который, таким образом, выиграл больше, чем властители Моргантины.

Одновременно с этим вспыхнула искра восстания в западной части острова Сицилия, около города Лилибея. Главой восстания здесь был раб-киликиец, по имени Афинион, человек очень опытный в военном деле, необычайно энергичный и смелый. Он так же, как и Сальвий, был окружён мистическим ореолом, слыл за астролога, гадателя и предсказателя будущего по звёздам. Будучи избран царём, Афинион быстро собрал армию в 10 тысяч человек. Как человек умный и хорошо, очевидно, изучивший опыт прежних восстаний рабов Афинион прежде всего принялся за организацию своей армии. Он отбирал только самых сильных и наиболее надёжных рабов, остальным же приказывал оставаться на своей прежней работе и вести хозяйство так, чтобы, по выражению Диодора, «в нём поддерживался полный порядок». Эти хозяйственные инструкции Афинион давал несколько раз. Так, в другом месте Диодор сообщает нам, что этот вождь восстания, гадая по звёздам, устанавливал, что в Сицилии будет новое царство, что он, Афинион, будет его царём и потому необходимо беречь страну, сохранять порядок в хозяйстве и следить за имуществом, запасами и животными, как за своей собственностью. Такое наставление рабам — беречь захваченную у рабовладельцев землю, «как свою собственную», — весьма любопытное место в дошедшем до нас документе, ибо оно бросает свет на экономическую организацию восставших в период второго сицилийского движения.

Во втором сицилийском движении есть ряд новых моментов по сравнению с первым. Если задачей первого являлось сохранение мелких крестьянских хозяйств, то во втором восстании задачей, очевидно, являлась какая-то самостоятельная организация захваченных рабами рабовладельческих хозяйств. Судить о том, какова была эта организация, мы, к сожалению, не можем за отсутствием данных. Только одно указание — на необходимость беречь имущество, «как своё собственное», — заставляет сделать предположение о каком-то общинном управлении этой собственностью, ставшей теперь собственностью рабов.

Афинион со своей армией начал выступление на западе. Вся Сицилия была в огне революции. Центр и юго-

Римские войска разрушают укрепления врага.

запад являлись местом операций Сальвия, на крайнем западе действовал Афинион.

Афинион двинулся к городу Лилибею, но, несмотря на то что ему не удалось взять город, восстание продолжало разрастаться дальше. Рабовладельцев объял страх за свою судьбу. Но они надеялись на то, что два вождя перессорятся, ослабят свои силы и дадут рабовладельцам возможность расправиться с восставшими; эта надежда не оправдалась. Когда Сальвий, подступивший к городу Триокале, узнал, что недалеко находится Афинион, он послал за последним, «как царь за полководцем». Афинион двинулся к Триокале со всем своим войском. Все думали, что он будет оспаривать первенство у Сальвия, объявленного до этого царём под именем Трифона; однако Афинион пришёл в Триокалу, объединился с царём Трифоном и, подчинившись ему, принял от него назначение командующего армией. Это был кульминационный пункт восстания, показавший полное единство сил восставших и провал расчётов врагов.

Этот высший пункт в развитии сицилийского движения характеризуется не только полным единством руководства борьбой, но и массовым переходом свободного крестьянства на сторону рабов. Трудно точно выяснить, какие задачи преследовала мелкокрестьянская часть свободного населения Сицилии в этом выступлении, можно

только предполагать, что выступление сицилийских бедняков на стороне рабов имело своей задачей захват земли рабовладельцев и экспроприацию их имущества.

В источниках не осталось никаких указаний на то, как протекал процесс экспроприации землевладельцев и перераспределения их собственности. Имеется только одно указание Диодора, из которого видно, что движение крестьянской бедноты протекало стихийно, без надлежащего руководства со стороны рабов и их вождей. «Не только рабы, но и бедняки из числа свободных, — говорит Диодор, — предавались всевозможным бесчинствам и грабежам, бесстыдно убивая попадавшихся им рабов и свободных, чтобы не было свидетелей их безумия». В этом сообщении, несомненно, проскальзывает классовая оценка писателя, у которого все эти события преломлялись сквозь призму рабовладельческих взглядов. Однако можно смело допустить, что достаточного единства между рабами и крестьянством, правильной организации совместной борьбы во втором сицилийском движении не было. Именно это обстоятельство и вносило во всё движение элемент той анархии, о которой сообщает Диодор. Этот момент важно отметить, потому что он в известной степени объясняет причины поражения рабов в этом восстании.

Несмотря на то что силы Рима были отвлечены борьбой с наступающими с севера племенами кимвров, сенат, обеспокоенный событиями в Сицилии, вынужден был послать на подавление восстания большую армию в 17 тысяч человек под командой известного душителя движений угнетённых Луция Лукулла. Лукулл дал битву рабам около местечка Скиртеи. Сначала битва шла с переменным успехом: одолевала то одна, то другая сторона. Командующий силами восставших Афинион сражался во главе отборного отряда, в первых рядах. Рабы героически сопротивлялись римлянам, потери которых были очень велики. Но после того как раненый Афинион потерял возможность продолжать командование в этой битве, дух армии восставших упал, и они обратились в бегство. Царь Трифон устремился со своим войском в неприступную и хорошо укреплённую Триокалу. Афинион же, получивший сильные ранения, остался на поле битвы, притворился мёртвым и только таким образом спасся от римлян.

Тем временем Лукулл подошёл к Триокале и осадил её. Рабы в отсутствие своего вождя начали колебаться.

Некоторые считали, что следует сдаться и возвратиться к господам, на их милость. Наконец, после долгого спора, победило мнение, что следует сражаться с врагами до последней капли крови. В это время с поля битвы возвратился Афинион, которого все считали погибшим. Его появление ещё более воодушевило рабов. Произошёл решительный бой, в котором войска Лукулла, осаждавшие Триокалу, были разбиты.

Галлы, защищающие свои жилища от римских поработителей.

Рабовладельческий Рим, считавший Лукулла весьма опытным полководцем, не мог понять причины поражения. Даже Диодор, который довольно подробно описывает все эпизоды борьбы с рабами, не может объяснить причину постыдного поражения Лукулла. Любопытно, что он выставляет следующую догадку о причинах позора римского командира: «Из всего того, что необходимо было сделать, претор (Лукулл. — А. М.) ничего не выполнил либо по собственному бездействию, либо за взятку». Мы не знаем, насколько правдоподобна эта догадка Диодора, но нам известно, что Лукулл был отозван, предан суду и понёс наказание.

После этого Рим вынужден был послать другого претора — Гая Сервилия, но и этому претору не посчастливилось в Сицилии: в борьбе с ним рабы показали упорство, стойкость и высокий героизм. Гай Сервилий также был отозван и осуждён на изгнание. После этого наступил последний период сицилийского движения.

Тем временем умер царь Трифон, глава рабов, и его преемником был объявлен Афинион, который с неослабевающей энергией продолжал борьбу с поработителями. Афинион решил взять Мессану, северо-восточный сицилийский город, отделённый от Италии одним лишь небольшим проливом. На защиту Мессаны Рим послал вновь выбранного консула Гая Ацилия, известного своей храбростью. Борьба под Мессаной приняла настолько ожесто-

чённый характер, что Афинион вступил, по выражению Диодора, в «героическое единоборство» с римским консулом. В этом единоборстве Афинион был убит, а римский консул Ацилий сильно ранен в голову. Победа досталась римским войскам, а бежавшие отряды рабов устремились в укреплённые места, где они, очевидно, ещё думали продолжать борьбу с римлянами, но Ацилий осадил укрепления рабов и принудил их к сдаче.

Оставался только один, долго избегавший поражения небольшой отряд рабов под руководством Сатира, принимавший бои с римскими частями. Ацилий, желая захватить отряд Сатира живым, обещал, что если отряд сдастся без боя, то всем будет дарована свобода и рабы даже не будут наказаны. Отряд сдался, но вместо освобождения Ацилий сковал всех рабов и направил в Рим, где они были отданы в гладиаторы. По преданию, это настолько возмутило рабов, что они, не желая служить для потехи римской публики, решили убить друг друга на глазах стражи и зрителей. Сатир последним пронзил себя мечом. Так героически покончил с собой последний отряд сицилийского движения.

Как при первом, так и при втором восстании искры революции рабов разносились далеко за пределы Сицилии. Для нас, ввиду отсутствия материала, остаются невидимыми нити, связывавшие сицилийское восстание со вспышками волнений рабов на периферии Римского государства, но едва ли случайно то обстоятельство, что ряд восстаний совпадает со временем второго восстания в Сицилии.

Так, из сообщения Посидония, оставленного Афинеем, нам известно, что в рудниках Лавриона, где неоднократно происходили волнения рабов, вновь началось восстание. Рабы поднялись, перебили стражу, захватили находившуюся невдалеке крепость Суний и, расположившись там, долго «опустошали Аттику». «Это случилось в то время, — заявляет Посидоний, — когда в Сицилии произошло второе восстание рабов».

ВОССТАНИЕ РАБОВ В БОСПОРСКОМ ЦАРСТВЕ

Насколько велик был кризис, который переживала рабовладельческая система, показывает нам восстание на далёкой окраине Римского государства, в Боспорском царстве.

Это государство, основанное греками ещё в VI в., было расположено на берегах нынешних Таманского и Керченского полуостровов. Это было независимое культурное государство, памятники материальной культуры которого ещё до сего времени находят на юге СССР, в Крыму и районе Керчи. Но со II в., в связи с возвышением Понтийского царства, расположенного на южном берегу Чёрного моря, независимости Боспора стала угрожать опасность: Боспор наводнялся торговыми и военными агентами из Понта.

Положение Боспора было крайне тяжёлым в связи с наступлением на греческие города скифских племён, от которых страдали города Ольвия и Херсонес и которые угрожали и Боспору. Этим обстоятельством решил воспользоваться царь Понта Митридат Евпатор, который послал своего полководца Диофанта на помощь Херсонесу против скифского царя Палака, преемника Скилура. Диофант, отразив нападение скифов на Херсонес, вступил в переговоры с боспорским царём Перисадом о передаче власти над Боспором Митридату. Перисаду пришлось пойти на эту сделку, так как только понтийский царь мог защитить Боспор от натиска скифских племён. Если эта сделка была наруку боспорской знати, то для боспорских скифов-рабов и для крестьянства это означало усиление гнёта, который становился как бы двойным: со стороны местных рабовладельцев и со стороны иноземной власти — понтийского царя и его чиновников.

Когда в Боспоре узнали, что Перисад передал своё царство во власть понтийскому царю Митридату, вся народная масса поднялась на восстание. На этот раз восстание приняло характер широкого освободительного движения, подобного выступлению Аристоника в Пергаме. Главную роль в этом движении играли скифы-рабы боспорских рабовладельцев во главе с рабом Савмаком.

Скифские рабы убили Перисада и выбрали царём своего вождя Савмака. Нам, к сожалению, неизвестны подробности этого восстания. По одной дошедшей до нас надписи, хорошо изученной нашим советским учёным академиком Жебелевым, можно судить лишь о том, что Савмак ввёл свои порядки и отстаивал независимость своего государства от всякого покушения со стороны иноземных завоевателей. Он правил почти два года и даже выпускал монеты со своим именем.

Митридат послал в Боспор карательную экспедицию, и восстание было подавлено, хотя и с большим трудом. Савмак был схвачен и отвезён в Понт на расправу к царю Митридату.

Это восстание произошло в конце II в. и также совпадает по времени со вторым сицилийским движением рабов.

К концу II и началу I в. рабовладельческая система хозяйства настолько угнетала крестьянское население Рима и его периферии, что аграрные движения крестьян и восстания рабов угрожали принять ещё более грандиозные размеры. Римское мелкое крестьянство всё яснее осознавало тяжесть своего положения. После сицилийского восстания, в котором крестьянство Сицилии видело также и для себя выход из тяжёлого положения, назревает широкое движение мелких аграриев в самом Риме. Это движение прорвалось в так называемой союзнической войне 91—88 г., войне за права «италиков», которые несли все тяготы войн наравне с римлянами, но не имели прав римского гражданства.

В результате этой войны городское население получило гражданские права, крестьянству же это восстание ничего не дало. Но подняться самостоятельно крестьяне не могли и поэтому выжидали благоприятного момента. Этот момент наступил, когда в 74 г. до н. э. по всей Италии вспыхнула революция рабов. Подготовленная всем предшествующим ходом событий, эта революция охватила всю Италию и вовлекла в свои ряды не только рабов, но и массы крестьян-бедняков.

Вождём-организатором этого массового движения, его вдохновителем и руководителем был знаменитый Спартак.

ВОССТАНИЕ РАБОВ * ПОД * ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ СПАРТАКА

1. О ПРОИСХОЖДЕНИИ СПАРТАКА

Образ Спартака — фракийского героя, прославившего себя в великом италийском движении рабов, был в древности весьма популярен. О нём говорили и писали почти так же, как о героях греческой мифологии. Но Спартак занимал особое место среди популярных имён древности.

В мифах древние народы старались передать свои представления о возникновении человеческого рода, о делах богов и подвигах героев. «. . .Древние народы, — говорит Маркс, — переживали свою доисторическую эпоху в воображении, в мифологии». Борьбу человека с неумолимыми силами природы, борьбу с невзгодами в человеческой жизни древние олицетворяли в образах различных героев, которые представляли собой добрые устремления людей в противоположность злым стихиям и силам природы. Прометей, Геракл, Антей и другие герои — вымышленные образы, созданные творческой художественной фантазией греков.

Совершенно другое представляет Спартак. Имя его не принадлежит к античной мифологии. Образ этого героя создан не воображением, не мифотворчеством, а реальной жизнью, социальной борьбой в Римской республике I в. до н. э. Но эта борьба за освобождение рабов в древности имела столь исключительный масштаб и приобрела такой грандиозный характер, что образ Спартака сразу же поднялся по своей славе, подвигам и благородству до высот мифологических героев античности.

Кто такой был Спартак? Откуда он происходил? Выяснению этих вопросов помогает частично и античная мифология. В мифологии существует много различных сведений о народе «спартов», жившем на севере Греции, откуда и происходит Спартак.

Так, согласно одному мифологическому сказанию, в Беотию приехал некий Кадм и образовал главный город этой области — Фивы. Там ему пришлось столкнуться с драконом, охранявшим источник воды в честь бога Ареса. Кадм убил дракона и, по совету богини Афины, зубы этого дракона посеял. Из зубов этих выросли гиганты, которые и получили название «спарты», что значит по-гречески «посеянные». Сила этих спартов, по греческой мифологии, была столь велика, что Кадму пришлось выдержать упорную борьбу с ними. Несмотря на то что род Кадма породнился со спартами, в конце концов спарты изгнали Кадма и весь его род.

В другом греческом сказании рассказывается, как отовсюду на севере Греции сходились, вырастая словно из земли, племена спартов, чтобы изгнать приехавшего завоевателя Кадма. Таким образом, и та и другая легенды говорят о некоем туземном народе, который вырос из посеянных зубов дракона. Народ этот, согласно легендам, жил на севере Греции и боролся против попыток Кадма захватить их земли.

Можно было бы не обращать внимания на это сказочное предание о спартах, если бы оно не было столь распространённым в древности. Эту легенду передают писатели Павсаний и Аммиан Марцеллин, а греческий историк Фукидид говорит о существовании города Спартол, который находился в Македонии, на полуострове Халкидике. Этот город был хорошо известен в Греции. Стефан Византийский называет ещё город Спартакос во Фракии, на родине Спартака. Таким образом, мы можем допустить, что

под мифологическим сказанием о спартах кроется какой-то реально исторический факт существования народа под именем спарты. И название городов Спартол и Спартакос, очевидно, связывалось с этим народом.

Но не только название поселений подтверждает достоверность сказания о спартах. До нас дошли две надписи с упоминанием там имени Спартака. Одна надпись (около III—II вв. до н. э.), найденная в Милете, свидетельствует о некоем Спартике из города Эноса, получившем в Милете права гражданства. Другая надпись, начала империи, также упоминает это имя, при этом в правильной и обычной его транскрипции, и говорит о Спартаке, по происхождению тоже из Фракии, но из племени бесов. Из этого видно, что среди фракийцев имя «Спартак» встречается неоднократно и что среди народа спартов оно, очевидно, было самым обычным. Таким образом, и материал мифологии и данные надписей свидетельствуют об народном происхождении имени «Спартак».

Виднейшие учёные считают фракийцев народом очень сильным и воинственным. Источники дают нам достаточный материал для подобных выводов. Фракийцы часто нападали на соседей, занимались грабежом и образовывали даже свои колонии на севере Причерноморья. Русский учёный Латышев, французский — Перро, немецкие — Бек и Моммзен полагают, что и династия цезарей Боспорского царства — Спартокиды, имевшая своей резиденцией город Пантикапей (ныне Керчь), происходила с севера Греции, от фракийцев.

О чём говорят эти данные? Они свидетельствуют о том, что и знаменитый фракиец Спартак, выступивший в качестве вождя всеиталийского восстания рабов, происходил, повидимому, из племени спартов, существование и мощь которого отражены в греческой мифологии. Соотношение в названиях «спарты» и «Спартак» такое же, как «римляне» и «Ромул» или «галлы» и «Галл». В имени «Спартак» отражена народная традиция о сказочном народе спарты, обитавшем в древности на родине Спартака.

Как же попал фракиец Спартак в Рим? Какие превратности судьбы заставили его покинуть родную Фракию и очутиться в качестве гладиатора в городе Капуе? У древнего историка Аппиана мы находим ответ на этот вопрос. В своих «Гражданских войнах» он пишет: «Спартак воевал с римлянами, но потом попал к ним в плен».

В этот период (с 80-х и до средины 60-х годов до н. э.) Рим вёл упорную и долгую войну в Малой Азии. В сущности, это было широкое движение различных племён, в том числе и фракийцев, поднятых Митридатом, царём Понта, против Рима.

Гладиаторские шлемы.

Фракийские племена выделялись своей храбростью и отвагой, страстной приверженностью к свободе и независимости. Во времена покорения севера Греции римскими отрядами Фракия оказывала самое упорное и длительное сопротивление. Лёгкие и ловкие на горных тропинках, неутомимые в тяжёлых походах, сильные и храбрые в столкновениях с римскими отрядами, фракийцы всё время одерживали победы над последними. Авл Клавдий, Гай

Скрибоний, Марк Лукулл последовательно сменяли друг друга во главе карательных экспедиций. Наконец, фракийцы благодаря численному превосходству римлян и их высокой военной технике были разбиты и подчинены Риму.

Но гордые фракийцы не могли привыкнуть к неволе. И когда в Малой Азии поднялся против Рима Митридат, фракийцы сразу же присоединились к нему для совместной борьбы за свободу.

В одном из боёв за свободу родины попал в плен и Спартак. Все древние писатели говорят, что он происходил из «номадов», т. е. варваров, как обычно назывались все неримские и негреческие племена. Варварами считались и фракийцы. Но, напоминая своей необычайной смелостью, физической силой и ростом обычного варвара, Спартак был умом и гуманностью похож на эллина. Так отзывался о Спартаке греческий писатель Плутарх.

Римляне, обратившие внимание на выдающиеся качества этого фракийца, продали его в рабство прямо в Рим. За необычайную силу его отдали в школу гладиаторов в Капуе.

В тяжёлых условиях этой школы, под сильной охраной владельца школы Лентула Батиата, Спартак должен был обучаться искусству гладиаторского боя, уменью метко наносить смертельные удары в боях с противником на римской арене. Но Спартак решил суровую подготовку и закалку бойца гладиаторской школы использовать и применить для организации освободительной борьбы рабов.

2. НАЧАЛО ВОССТАНИЯ

Выступление Спартака в 74 г. было для Рима полной неожиданностью. Рим в это время находился в крайне затруднительном положении: на востоке и на западе сгущались тучи, которые всё более и более угрожали благополучию Римской республики. На западе, на Пиренейском полуострове, бушевало народное восстание всех обитавших там племён, которые давно ждали повода, чтобы подняться против римского владычества и освободиться от ига римских откупщиков, ростовщиков и чиновников. Возглавлявшееся Серторием, бывшим сторонником демократической партии Мария, народное восстание продолжалось уже более пяти лет. Посланный против Сертория с

большой и хорошо вооружённой армией Гней Помпей не мог справиться с испанскими племенами, объединившимися вокруг Сертория в борьбе против римлян. Ни в 76, ни в 75 гг. ещё не замечалось перелома на этом фронте в пользу римлян. Восстание в Испании крайне беспокоило Рим.

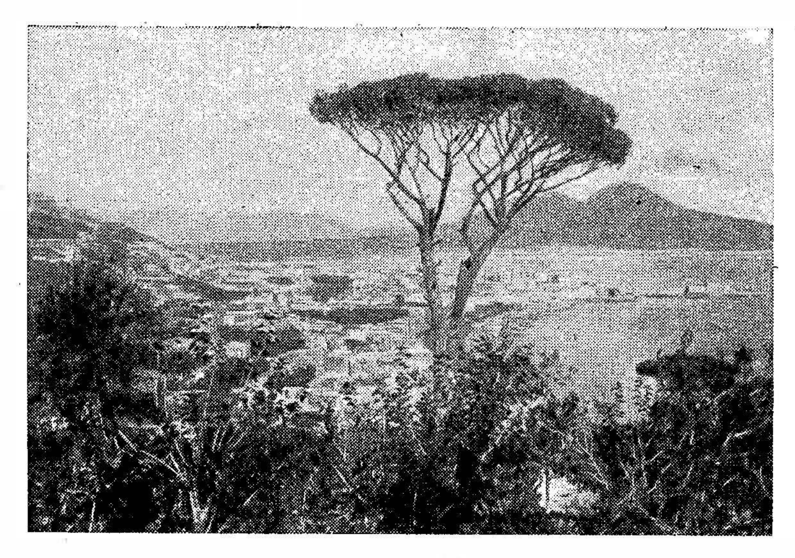
Народная масса различных порабощённых Римом племён бушевала и в Малой Азии. Использовав затруднительное положение Римской республики в связи с войной против Митридата, малоазийские племена решают свергнуть римское владычество. В результате возникло широкое движение, в котором участвовали и рабы. Для ведения военных операций против Митридата Риму пришлось послать обоих консулов 74 г. — Луция Лукулла и Марка Аврелия Котта.

Митридат послал двух офицеров — Луция Фанния и Луция Магия — к Серторию. Через этих посланцев было достигнуто соглашение, в которое были втянуты также и оперировавшие в Средиземном море пираты. Правда, против пиратов в 74 г. был послан Марк Антоний, но последний потерпел неудачу и был разбит пиратами у острова Крита. Пиратство продолжало развиваться. Наконец, как только началось восстание Спартака, Митридату стало известно об отделении от Рима многих племён, с которыми, особенно с галлами, он хотел заключить союз против римлян.

Так угрожающе для Рима складывались события и на востоке.

Занятые борьбой на внешних фронтах, римские рабовладельцы несколько ослабили бдительность внутри страны. Вот почему выступление Спартака застало Рим врасплох.

Школа Лентула Батиата в Капуе была широко известна в Римской республике. Она являлась поставщицей гладиаторов для зрелищ в различные центры государства. И в первую очередь эта школа должна была поставлять хорошо обученных гладиаторов в Рим как для государственных цирков, так и для отдельных представителей римской знати. В школе Батиата сосредоточивались большие партии рабов: здесь были и фракийцы, и самниты, и лигурийцы, и кельты. Все они проходили соответствующую подготовку, чтобы быть готовыми в любой момент к отправке в Рим.

Вид на гору Везувий, где скрывался Спартак со своим отрядом.

Большое скопление рабов-гладиаторов у Батиата заставляло последнего принимать самые строгие меры для предупреждения восстания. Помимо того что все рабы находились под строгим надзором, а некоторые из них были закованы в кандалы, каждый шаг рабов был регламентирован, и жили они в условиях тюремного режима.

Тяжёлая, беспросветная жизнь и перспектива смерти на арене на потеху римской публике заставляли гладиаторов более других рабов стремиться к освобождению от неволи.

Большую роль в качестве непосредственной причины восстания гладиаторов, а вслед за ними и других рабов, сыграли последствия голода 75 г. Может быть, именно в связи с голодом зародилась идея заговора у Спартака, который лишь выжидал момента, удобного для выступления.

Война с Серторием и Митридатом, господство пиратов на море подрывали снабжение Рима. О том, что голод продолжался вплоть до 73 г., свидетельствует закон консулов 73 г., по которому увеличивалась хлебная подать, Сицилия превращалась в «житницу» Италии, а внутри Италии

в связи с недостатком хлеба прибегали к реквизициям. Крестьяне разорялись, пополняя собой ряды люмпенпролетариата. Вызванное голодом общее снижение жизненного уровня, конечно, с особенной силой отозвалось на разоряемых крестьянах и рабах.

Это усиливало рост недовольства среди них и создавало благоприятную обстановку для выступления. Всё это, очевидно, учёл Спартак, давно ожидавший подходящего момента для восстания. Организовав гладиаторов, он приступил к действиям.

Летом 74 г. 78 капуанских гладиаторов бежали из школы и укрепились на Везувии. Как мы уже говорили, силы Рима в это время были отвлечены Серторианской войной на западе и войной с царём Митридатом на востоке, а консулы этого года были вне Рима и руководили военными операциями в Малой Азии. Поэтому правительство не обратило должного внимания на бегство 78 гладиаторов.

В начальный период восстания, как говорит писатель Орозий, римляне «просто смотрели» и не предприняли быстрых и решительных мер к подавлению его. Аппиан говорит даже о презрении, с которым римляне отнеслись к борьбе с небольшой кучкой гладиаторов.

Но и гладиаторы не предпринимали сразу решительных действий. Их было ещё немного, и они были недостаточно вооружены, чтобы вести активную борьбу против Рима. Вся осень и зима были для них периодом собирания сил. Активное развёртывание борьбы начинается только с 73 г.

3. БОРЬБА РИМА СО СПАРТАКОМ

Расположившись на Везувии, вождь движения Спартак с помощью своих помощников Крикса и Эномая не только организовал небольшой отряд, постоянно беспокоивший Кампанию набегами, но и сумел постепенно навербовать большое войско из земледельческих рабов, гладиаторов и даже, как говорит Аппиан, из «свободных граждан с италийских полей». По свидетельству Флора, автора II в., у Спартака перед началом выступления набралось до 10 тысяч человек, которые теперь уже беспокоили всю Кампанию. Отобрав оружие у отряда везших военное снаряжение для одной гладиаторской школы и

пополнив свой отряд людским составом, Спартак решил перейти теперь в наступление.

Рим, вначале считавший ниже своего достоинства воевать с гладиаторами, приступил к активной борьбе со Спартаком.

Нам недостаточно известны первые мероприятия Рима против Спартака и, в частности, имена первых командиров, выступавших на подавление восстания. Первым командиром, направленным с трёхтысячным легионом против Спартака, Плутарх считает претора Клодия; Аппиан же говорит о некоем Варинии Глабре. Такое разногласие показывает, что начальный период борьбы Рима со Спартаком не был точно фиксирован. Очевидно, первые выступления Рима для подавления восстания представляли собой отдельные мелкие военные экспедиции. Возможно, что в начале выступил Вариний Глабр, о котором сообщает Аппиан, а затем уже претор Клодий.

Посылка Клодия являлась серьёзным мероприятием со стороны Рима. Клодий действовал решительно и смело. Через некоторое время Спартак на Везувии оказался окружённым отрядом Клодия. Только благодаря своей храбрости и дарованиям полководца Спартак путём головоломной военной хитрости сумел прорваться через враждебное кольцо, вывести своё войско и, зайдя в тыл Клодию, разбить его наголову.

Армия Спартака всё увеличивалась: к нему стекались со всех сторон рабы и частью крестьяне.

Вся Кампанская область была теперь во власти Спартака.

Осенью этого же года Рим поспешно снарядил экспедицию нового претора — Публия Вариния, который со своим многочисленным отрядом должен был задержать Спартака, двинувшегося через южноиталийские области к берегам Адриатического моря.

Но Спартак был теперь уже достаточно силён и мог смело принять бой с римскими легионами. Он разбил двух квесторов Вариния и чуть было не захватил в плен самого Вариния. Характерно, что историк Саллюстий рассказывает о совершенно упадочном настроении римских войск и их нежелании сражаться со Спартаком. Аппиан говорит даже о перебежчиках с римской стороны в армию Спартака. Но нужно отметить, что Спартак был осторожен и не всех принимал в свою армию.

Колебания в римской армии свидетельствуют о положении того мелкого италийского крестьянства, из которого набирались римские легионы. Крестьянство юга Италии приняло определённое участие в движении рабов, — об этом нам рассказывают некоторые более поздние авторы.

Состояние римской армии таким образом способствовало увеличению армии рабов и создавало численный и моральный перевес войск Спартака. Массы рабов, свободные крестьяне и перебежчики продолжали вливаться в его отряды. Войско Спартака выросло в угрожающую для Рима силу. «Теперь, — говорит Плутарх, — Спартак был могуществен и страшен, и не из одного стыда и позора восстания раздражённый сенат высылает теперь против рабов обоих консулов 72 г.».

В 72 г. восстание рабов охватило уже всю южную Италию. Это заставило Рим, ввиду опасности положения, откомандировать на борьбу с рабами самих консулов. Но в этот период в рядах восставших происходит известный перелом в связи с разногласиями в штабе восстания.

Разногласия между руководителями восстания, Спартаком и Криксом, касались дальнейшего плана борьбы рабов, плана их дальнейших походов. В то время как Спартак предлагал двинуться к Альпам и, перейдя их, вернуть рабов на родину, другой вождь, Крикс, настаивал на борьбе с Римом, на походе против Рима и на продолжении экспроприации землевладельцев римских областей. Когда движение охватило собой не только южную, но и северную часть Италии, когда после объединения 120 тысяч рабов перед восставшими встал вопрос о плане освобождения рабов по всей Италии, разногласия внутри штаба восставших обострились и вызвали перелом во всём движении. Они привели к тому, что Спартак двинулся на север во исполнение своего первоначального плана, а Крикс с отрядом германцев отделился от войск Спартака и остался на юге. Ослабленный разъединением с отрядами Спартака, Крикс потерпел поражение в столкновении с отрядом консула Люция Геллия у Гарганской горы. Спартак же в это время, минуя Рим, со всем своим войском двигался к Альпам.

Разногласия в армии рабов дали возможность римлянам расправиться поодиночке с Криксом и Эномаем (по-

гибшим при обстоятельствах, нам не известных) и обрушить все силы на войско Спартака. Оба римских консула двинулись на Спартака.

Но вождь рабов и в этих условиях показал свои блестящие способности полководца. Он мобилизовал все свои силы, правильно расставил их, составил план нападения и разбил поочерёдно обоих консулов. Галлия была открыта для Спартака. Предстоял трудный переход через Альпы. Спартак беспрепятственно вступил в Галлию и в битве при Мутине разбил войско её наместника, проконсула Кассия.

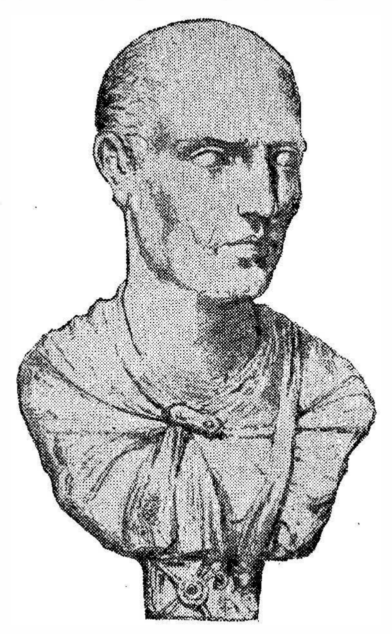
Гней Помпей.

Теперь вся Италия от Галлии до Бруттийского полуострова была объята пожаром восстания. Ничто не могло противостоять рабам, никто не решался взять на себя командование против Спартака. Сенат осенью 72 г. с большим трудом нашёл соответствующую кандидатуру. За подавление восстания взялся принадлежавший к нобилитету богатый ростовщик и спекулянт Марк Лициний Красс, который думал на этом сделать карьеру. Красс должен был заменить неудачливых консулов 72 г., которые отзывались в Рим.

С выступлением Красса начинаются более решительные действия против восставших. Мобилизовав большие силы, призвав, по свидетельству Саллюстия, в войска даже тех, «в старческом теле которых ещё жив был воинский дух», и расправившись посредством так называемой «децимации» (казни каждого десятого в строю) с теми отрядами, которые не хотели сражаться с рабами, Красс выступил открыто против Спартака и думал покончить с ним в первом же сражении. Остановившись у границы Пиценума [1], Красс ожидал Спартака, который во изменение своего первоначального плана двинулся на юг, на-

[1] Пиценум — область в средней Италии.

встречу римским войскам. Можно предполагать, что Спартак, учтя трудности перехода через Альпы и не получив поддержки со стороны зажиточного крестьянства севера, изменил план вывода рабов и устремился на юг, думая переправиться в Сицилию и оттуда морским путём вывезти рабов в их родные страны. При первой встрече с войском Красса Спартаку удалось разбить его. Армия рабов снова двинулась в Луканию и оттуда к морю, чтобы осуществить свой новый план.

Марк Лукулл.

Все лето 71 г. прошло в неудачных для Красса стычках с рабами. Оттеснив Спартака на Бруттийский полуостров, Красс решил изолировать рабов громадным рвом, стеной и оградой, проведёнными через весь перешеек, чтобы не допустить таким образом их возвращения на север. Но после возведения всех этих укреплений у Красса всё же не было уверенности в том, что он сможет расправиться со Спартаком. Поэтому Красс вызвал в помощь себе Помпея, который должен был возвратиться из Испании после борьбы с Серторием. Вскоре и Лукулл, говорит Аппиан, по дороге из Фракии в Рим высадился в Брундизии, чтобы оказать помощь Крассу. Очевидно, римский сенат, озабоченный неудачами борьбы со Спартаком, решил принять все меры, чтобы обеспечить победу Красса. И Помпей и Лукулл были направлены на помощь Крассу.

Спартак оказался в затруднительном положении. Киликийские пираты, договорившиеся со Спартаком, не выполнили своего обязательства перевезти рабов через пролив из Италии в Сицилию. Осуществить план переправы

Спартаку не удалось, несмотря на мобилизацию всех имевшихся у рабов материальных ресурсов. Попытки переговоров с Крассом, имевшие целью выиграть время, также окончились неудачей. Наконец, в самом лагере рабов часть войск на почве разногласий по поводу маршрута походов отделилась от Спартака. Спартак, ощущая недостаток в провианте, решил прорваться через крассовские укрепления, намереваясь пройти в Брундизий. В тёмную ночь Спартак двинулся на крассовские укрепления и разбил его войска, а затем через Луканию направился на север и далее в порт Брундизий. Тогда Красс, получив известие о приближении Помпея, решил дать первым генеральное сражение. Ни Помпею, ни Лукуллу Красс не хотел уступить победу над рабами и потому начал бешеное наступление на Спартака. Это сражение Спартак был вынужден принять, ибо он узнал, что на помощь Крассу идёт и Лукулл, высадившийся в Брундизии. Войска Спартака не смогли выдержать натиска войск Красса. Спартак, как свидетельствуют источники, пал геройской смертью, сражаясь в первых рядах.

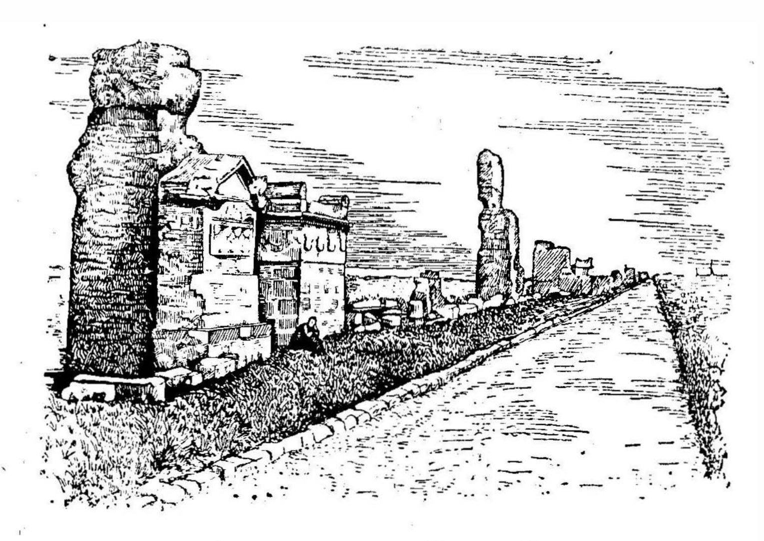
Шесть тысяч рабов, захваченных в плен, были, по сообщению Аппиана, повешены на протяжении всей дороги от Капуи до Рима.

Спартак погиб, но остатки спартаковской армии продолжали борьбу. Восстание ещё долго не было подавлено. Мы знаем, например, по данным Цицерона, что небольшой отряд, продолжая борьбу, удержался в бруттийском городке Темесе, вёл наступление, брал города на юге Италии. Искры восстания были занесены также и в Сицилию.

Такова в общих и кратких чертах история хода восстания.

4. ОРГАНИЗАЦИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

В спартаковском восстании необходимо выделить те специфические особенности, которые отличают его от других восстаний рабов в древности. Таких особенностей можно наметить три. Прежде всего это подготовка восстания рабов; впервые в истории были показаны образцы организации борьбы, умелое руководство восстанием как особым видом искусства в социальной борьбе. Вторая особенность — масштаб восстания и социальный состав восставших. И, наконец, последняя — это социально-политическая программа восстания Спартака. Все эти во-

Дорога из города Капуи в Рим.

просы мы намечаем только в порядке их постановки, а не для какого-либо окончательного их разрешения. Скудные источники не дают нам достаточно оснований для решительных выводов, и на помощь источникам должна прийти научная гипотеза.

Знание военного искусства Спартак сумел показать в ряде случаев с совершенным мастерством. Возьмём для конкретного примера два случая: во-первых, эпизод из борьбы с Клодием в начальный период восстания и, во-вторых, борьбу на Бруттийском полуострове.

Эпизод с Клодием произошёл, как мы уже отмечали, в самом начале выступления, когда небольшая кучка гладиаторов засела на Везувии, собирая силы для дальнейшей борьбы. Клодий со всех сторон окружил Спартака отрядом, численно превосходящим рабов, и ожидал скорой победы. Положение гладиаторов было исключительно тяжёлым, ибо перед ними стоял трёхтысячный легион, хорошо вооружённый, а единственный путь, по которому только и представлялось возможным выйти из окружения, был уже занят Клодием. Но Спартак, готовый «скорее погибнуть от железа, чем от голода», нашёл выход в головоломном, сопряжённом с большим риском предприятии: он

решил спуститься ночью со скалы по лестницам, сплетённым из виноградной лозы. Спартак отдал приказ. Лоза дикого винограда была собрана, лестницы искусно свиты и спущены, и операция была выполнена. Только один из рабов погиб при спуске. Спустившиеся в тылу противника рабы были сконцентрированы в кулак и брошены против врага. В результате несколько когорт Клодия должны были отступить перед кучкой гладиаторов. Смелость и находчивость, стремление идти до конца в борьбе за освобождение настолько характерны для этого эпизода и самый эпизод настолько был известен в древности, что о нём свидетельствуют одновременно несколько писателей.

Другой эпизод, в котором Спартак показал, что он умело держался наступательной тактики, для того чтобы создать хоть небольшими успехами моральный перевес на стороне своей армии, имел место в последний год борьбы, на Бруттийском полуострове. После того как киликийские пираты, обещавшие перевезти войско Спартака в Сицилию, обманули его, вождь рабов мобилизовал все силы восставших, чтобы всё-таки совершить переправу. Рабы самостоятельно, как описывает Саллюстий, приготовляли плоты, подвязывая под них для большей безопасности бочки. За неимением верёвок эти бочки прикреплялись к плотам простыми ветвями. Но разыгравшаяся буря разметала и унесла плоты в море. Однако Спартак и тут не растерялся. Несмотря на то что он оказался в ловушке, так как от Сицилии его отделяло море, а от материка — глубокий ров, вырытый по приказанию Красса и сильно укреплённый заграждениями, он разработал новый план борьбы. Он подготовил наступление на крассовские укрепления с тем, чтобы дать окончательный бой и вырваться из вражеского кольца. Нужно было, не теряя времени, обрушиться на врага и успешно довершить дело. Ров, вырытый солдатами Красса для изоляции Спартака, рабы заполнили деревьями, сучьями, телами пленных и трупами лошадей из собственной кавалерии; затем Спартак прорвал крассовские укрепления, вывел через ров свои войска и разбил отряды Красса. Это дало ему возможность построить новый план похода в Брундизий, откуда он должен был вывезти рабов на родину. До противоположного берега Греции от Брундизия было совсем небольшое расстояние.

Ретиарии, набрасывающие сетку на своих врагов.

В этих эпизодах, представляющих интерес скорее для военного специалиста, чем для историка, важно отметить следующее обстоятельство: гражданская война проводилась рабами с поражающей военной организованностью, при исключительной мобилизации всех возможностей. Именно этот момент особенно отличал данное восстание от всех предшествовавших движений рабов древнего Рима, от сицилийских выступлений и восстания Аристоника. Этот момент следует особо подчеркнуть в связи с высказываниями Маркса и Ленина о вооружённом восстании как особом искусстве. Спартак владел этим искусством, и это определило на долгое время успех его борьбы.

Вопросу организации армии Спартак придавал огромное значение. Тотчас же после разгрома Клодия в войсках рабов была создана кавалерия, а также отряды тяжело вооружённой и лёгкой пехоты. Вооружение армии Спартака стояло на должной высоте и, вероятно, немногим уступало вооружению врага. В армии рабов были кузнецы, здесь выделывались щиты и были созданы мастерские для ковки холодного оружия.

В ходе войны обращают на себя внимание также некоторые моменты тактики Спартака по отношению к мирному населению. Его войско, соприкасаясь с населением, не чинило насилий, не обижало его, а в случае сбора необходимых продуктов или оружия для армии оплачивало их полностью. Особенно же бережно Спартак относился к мелкому крестьянству. Всё это в достаточной мере подтверждается данными источников.

Чёткая организация армии, разделение её по родам войск, продуманная стратегия и тактика, умелое снабжение армии, производство оружия силами своих мастеров, наконец, контакт с населением занятых областей — всё это характеризует Спартака как вождя освободительного движения.

5. СОСТАВ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ АРМИИ СПАРТАКА

При изучении революции Спартака встаёт вопрос о количестве участников всеиталийского движения рабов и о социальном составе армии Спартака. Несомненно, спартаковская освободительная борьба потому и вошла в историю, что это было первое массовое организованное движение рабов. По сообщению Аппиана, в армии Спартака было 120 тысяч рабов. Эту цифру нельзя признать точной, но она очень показательна. В самом начале движения количество рабов, участвовавших в восстании, как мы знаем, было очень невелико. К моменту борьбы гладиаторов с Клодием и Варинием в 73 г. войска рабов выросли до довольно внушительной цифры в 10 тысяч человек. После же поражения этих преторов, по свидетельству Аппиана, армия Спартака увеличилась до 70 тысяч рабов. Что движение приобрело в этот момент определённо массовый характер, мы заключаем не только по количеству восставших, но и по тому, какие области приняли участие в разраставшемся движении рабов,

Вслед за Кампанией поднялись Апулия и Лукания; восстание перебросилось в Калабрию и Бруттий. Вся южная Италия противостояла Риму. Гражданские войны 90-х годов половинчато разрешили выдвинутые крестьянским движением вопросы. Теперь борьба велась на другой основе. И не случайно опять выступили именно южные области Рима. В 73 год — в год перехода восставших рабов к активной борьбе — италийский крестьянин уже начал понимать, что завоёванные им в Союзнической войне гражданские права давали мало результатов и, главное, вовсе не гарантировали от разорения и эксплоатации. Ростовщический капитал в союзе с крупным землевладением, ещё глубже вторгнувшись в южные области Рима, продолжал там разрушительную работу. Среднее крестьянство разорялось. Мелкий пахарь с его небольшим наделом попадал в зависимость от своего кредитора — крупного землевладельца. Бремя воинской повинности, притеснения администрации и, главное, усиление налоговых поборов на основе консульского закона 73 г. — всё это в обстановке повторявшихся неурожаев накаляло атмосферу и вызывало волнения крестьянства южной Италии. Если раб восставал против господина, борясь за свободу, то крестьянин поднимался, защищая ускользавшую собственность, свои мелкие земельные участки.

Характерно, что ещё за несколько лет до восстания рабов крестьяне-бедняки и рабы на юге Италии объединились в разбойничьи шайки, которые причиняли столько беспокойства рабовладельцам, что в борьбе с ними ещё в 77 г. специально был издан консульский закон, в котором впервые появилось понятие «грабежа», в то время как старое римское право не выделяло «грабежа» из общего понятия «кражи». Понятно, что в момент восстания рабов крестьянство поддерживало это движение. Это подтверждается и рядом сведений из источников. Аппиан, например, совершенно определённо указывает, что кроме земледельческих рабов к Спартаку сбегались и «свободные крестьяне с полей», причём количество их беспрерывно увеличивалось.

Тот же Аппиан говорит, что наряду с рабами и слугами из свободных к Спартаку шли так называемые «попутчики» (или «разный сброд»). Несомненно, под «попутчиками» Аппиан подразумевает здесь тех «свободных крестьян с полей», о которых он говорит ранее. Но это,

очевидно, были безземельные крестьяне и пастухи, иначе они были бы прямо названы или рабами, или крестьянами.

Наконец, Саллюстий говорит о «колонах», которые сочувствовали Спартаку. О симпатиях колонов, т. е. в ту пору ещё свободных крестьян, к восставшим рабам мы можем судить также и по тому, как неохотно римские войска сражались с армией Спартака. По данным Саллюстия, Плутарха и Аппиана видно, что римские войска не только неохотно сражались со Спартаком, но среди них было сильно развито и дезертирство. Аппиан говорит, что перебежчики с римской стороны в такой массе присоединялись к восставшим, что Спартак просто отказывался принимать их. А эти перебежчики из солдат римских легионов могли быть только свободными, т. е. крестьянами, так как рабов в армии не было. Возможно, что в число солдат вследствие спешной мобилизации попадали недовольные Римом крестьяне из южных областей Италии (об этом упоминает Аппиан). В общем крестьянство и солдаты не только симпатизировали освободительной борьбе Спартака, но и участвовали в ней.

Пастух.

Об участии свободных в освободительном движении рабов мы можем судить не только по данным авторитетных историков Аппиана и Саллюстия. Более поздний писатель Фемистий, например, говоря о причине успеха спартаковской борьбы, утверждает, что «причиной этого тогда была не храбрость этих двух рождённых рабов (имеются в виду Спартак и Крикс. — *А. М.*), но проклятые доносчики и запятнанные кровью шпионы, заставившие италийцев стремиться охотно ко всякой другой, сравнительно с существующим, перемене».

Что следует из этого указания Фемистия?

Во-первых, указание на существование доносчиков и шпионов свидетельствует о наличии в самой римской армии сочувствующих Спартаку.

Во-вторых, ссылка Фемистия на италийцев, стремившихся к перемене «сравнительно с существующим поряд-

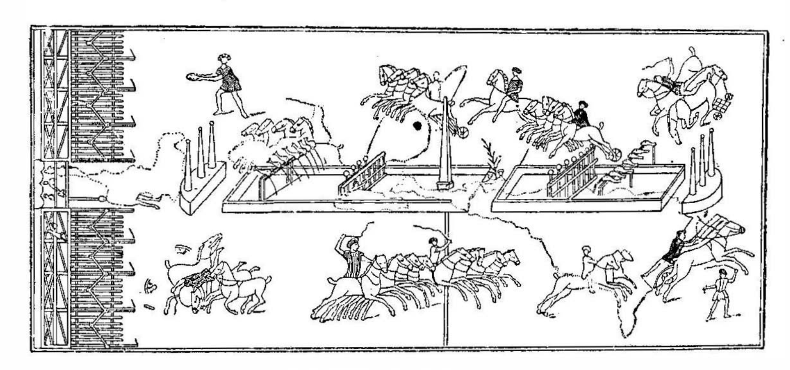
ком вещей», наводит на мысль не о простых симпатиях, но об открытом присоединении италийцев к восстанию рабов с целью добиться перемены существующих условий.

Но если на юге Спартак собрал вокруг масс восставших рабов также и крестьянские элементы, то у нас нет данных говорить о таком же присоединении свободных на севере. О том, как реагировало крестьянство северных провинций на восстание рабов, источники не дают никаких сведений. Может быть, зажиточное и крепкое крестьянство севера выступало против Спартака. Для нас здесь достаточно указать на отношение крестьянства южных областей, где всего острее отразился социально-экономический кризис. Присоединившееся к массовому восстанию рабов мелкое крестьянство выступало под руководством рабов как основного класса, противостоящего рабовладельческому строю. Движение принимало, таким образом, более массовый, подлинно революционный характер, что и выделяет его из предшествовавших движений рабов. Но, с другой стороны, такая разношерстность состава спартаковской армии не могла не отразиться на характере движения. Выдвигались одновременно две задачи: удовлетворить интересы восставших рабов и интересы крестьянства.

6. ВОПРОС О „ПРОГРАММАХ" СПАРТАКА И КРИКСА

Нам остаётся теперь поставить последний, ещё почти совершенно не выясненный в науке вопрос — о «программе» спартаковского освободительного движения. Приходится ещё раз указать, что при скудости источников по этому вопросу трудно прийти к какому-нибудь категорическому суждению. Поэтому сейчас приходится только ограничиться постановкой вопроса с целью дальнейшего его изучения. Буржуазная наука не могла разрешить этот вопрос, ибо буржуазные учёные его сознательно обходили. Между тем источники при всей бедности своей дают всё же некоторый материал для разрешения вопроса о наличии определённой программы у Спартака. Советские историки заинтересованы в том, чтобы этот вопрос правильно понять и правдиво разрешить.

Наше внимание должно быть прежде всего обращено на то обстоятельство, что древние авторы — и Аппиан и Плутарх — говорят, что заговор Спартака, в котором

Конные состязания.

вначале участвовало несколько сот рабов, безусловно намечал широкий план освобождения от рабства. «Спартак, — говорит Аппиан, — убедил своих товарищей выступить и скорее подвергнуться опасности за свободу, чем для утехи публики на гладиаторских зрелищах».

Спартак — свободный по происхождению фракиец — не мог примириться со своим рабским положением. Что он не раз пытался освободиться и убежать от своих владельцев, прежде чем попал в гладиаторы, видно из того места у Плутарха, где говорится, что Спартак сначала был привезён в Рим и в первый раз продавался в рабство именно там. Кроме того, в источниках есть сведения, что Спартак был незаконно продан в гладиаторы. А так как гладиаторство было тяжёлым наказанием за большие преступления, то можно полагать, что именно систематическое бегство Спартака от своих владельцев и привело к тому, что он был отдан в гладиаторы. Вполне естественно, что после безуспешных попыток бегства, предпринятых в одиночку, у Спартака мог созреть план общего выступления рабов.

Сбросив цепи рабства, Спартак организовал массовое движение рабов. И когда в 73 г. восстание рабов охватило почти всю южную Италию, движение за освобождение вступило в новую стадию. Теперь, в сущности, вопрос стоял не столько о новой вербовке рабов в стан восставших, сколько о закреплении уже завоёванной свободы и обеспечении её в дальнейшем. Спартак даже отказывался от чрезмерного увеличения своей армии, выбирая

более надёжных, главным образом из числа рабов, а не из перебежчиков и крестьян.

Дальнейшая борьба за свободу требовала выработки твёрдого плана действий. В связи с этим и возникли разногласия внутри штаба восстания, на которые определённо указывают источники. Обратимся к древним источникам, повествующим о спартаковском освободительном движении. Что они говорят по вопросу о разногласиях?

Римский историк Саллюстий.

В одном дошедшем до нас фрагменте (отрывке) Саллюстий указывает, что в 73 г., в переломный момент восстания и борьбы с Варинием, Спартак, удвоив свою армию, предложил план похода на север, отказываясь от нападения на Вариния. Крикс же, возглавлявший «германо-галльскую» часть войск, стоял за то, чтобы двинуться навстречу и вступить с ним в бой. Разногласия не были ликвидированы даже после того, как Спартак и Крикс решили совместно выступить против Вариния. Вариний был разбит, но разногласия приняли ещё более острый характер. В то время как Спартак, по сообщению Плутарха, двинулся весной следующего года на север, Крикс отделился от Спартака и стал заниматься экспроприациями в южной Италии.

Таковы были первоначально эти разногласия. В чём же их сущность?

Немецкий историк Моммсен говорит, что эти разногласия явились следствием национальной розни. В то время как Спартак дескать объединял эллинов, Крикс объединял галлов и германцев, которые находились во вражде с эллинами. Такое объяснение ничего не даёт для уяснения позиций обоих вождей, хотя оно и может опираться в известной степени на сообщения Саллюстия. К тому же такое объяснение и неверно, что явствует из следующих обстоятельств. Прежде всего неверно, что

в войсках Спартака были одни только эллины. Согласно сообщению Плутарха, можно установить, что в войсках Спартака были не только эллины, но и галлы, причём последних было, очевидно, не меньше, чем эллинов. Когда Спартак двинулся к Альпам, то, перейдя их, он предполагал одну часть армии рабов (эллинов) направить во Фракию, другую часть (кельтов или галлов) — в Галлию. Стало быть, как говорит Плутарх, среди его войска были и галлы. С другой стороны, если встать на точку зрения Моммсена, кажется непонятным и другой вопрос: почему галло-германские племена во главе с Криксом остались на юге и не пошли за Спартаком, в то время как у них должно было быть больше тяготения именно к северу, к областям их родины, куда и направился Спартак? Галло-германцы не пошли в Галлию, в то время как эллины, оказывается, устремились именно туда. Ссылка Моммсена на Плутарха неудачна, ибо в этом пункте у самого древнего автора имеется определённое противоречие, которое Моммсен не разрешает, а ещё более обостряет и делает очевидным.

Национальную рознь среди рабов мы не можем проследить исторически. Во всяком случае, такие факты нам неизвестны. Есть указания на то, что рабовладельцы старались посеять эту рознь. Если даже мы допустим, что между рабами из отдельных племён и существовала какая-либо рознь на почве различий языка, религии, культуры, обычаев, то она никогда не проявлялась в моменты восстаний, когда перед лицом общего врага эти племенные различия отступали на второй план.

Для подтверждения этого стоит только вспомнить сицилийские движения. Диодор, характеризуя положение в лагере восставших рабов при первом восстании в Сицилии, сообщает о надеждах рабовладельцев на то, что сириец Евн вот-вот рассорится с другим вождём — киликийцем Клеоном. Но эти надежды на междоусобную войну среди рабов не оправдались, ибо, по выражению Диодора, рабы различных племён, «против ожидания, объединились», к полному огорчению рабовладельцев, делавших ставку на национальную междуплеменную рознь.

Это огорчение рабовладельцев в результате крушения надежд на междоусобную войну отмечает Диодор и при описании второго восстания в Сицилии. Все думали, что между одним вождём восстания — сирийцем Сальвием и

другим — киликийцем Афинионом наступят раздоры и «война легко прекратится». «Но судьба, — досадует Диодор, — как бы нарочно увеличивая силы мятежников, сделала так, что вожди их вступили в соглашение друг с другом».

Из этих исторических справок видно, что «национальная рознь» больше придумывалась, нежели существовала на самом деле.

Однако в штабе Спартака действительно существовали разногласия. Что же их вызывало?

Совершенно ясно, что споры между вождями восставших велись вокруг вопроса о плане дальнейшего движения рабов. Какой-то принципиальный момент в установках обоих вождей был несомненно. Нам остаётся это выяснить и подтвердить источниками, документальными данными. Все крупные авторы древности — Саллюстий, Аппиан, Плутарх — указывают определённо на то, что Спартак вполне сознательно уклонялся от похода на Рим. Это уклонение объяснялось тем, что Спартак наметил генеральный поход рабов на север с целью возвращения рабов на их родину — во Фракию и Галлию. Об этом плане не только сообщают древние авторы, но план этот определённо виден и в самих походах Спартака, причём во всех его походах, в том числе и в походе на юг. Трудности ли перехода через Альпы, стратегические или другие мотивы заставили Спартака во изменение первоначального плана вывода рабов через Альпы двинуться теперь на юг, на это источники не дают никакого ответа. О причинах изменения маршрута походов нам ничего неизвестно. Но характерно, что, направляясь на юг, Спартак опять ставит себе эту же задачу — вывести рабов за пределы Италии. Подтверждением этого является его план переправы в Сицилию, о чём упоминают источники. Наконец, это показывает план последнего, третьего по счёту похода Спартака в Брундизий. Таким образом, задачей спартаковского движения рабов являлся вывод их из пределов Италии в родные страны. Этот момент нельзя признать случайным, ибо он повторяется в плане всех трёх намеченных походов Спартака.

Совершенно другой характер носило движение рабов под руководством Крикса. Последний не задавался целью освободить рабов и закрепить за ними свободу. Во

всяком случае, источники о таком плане не свидетельствуют. Отряд Крикса не поддержал Спартака в его движении на север. Оставшись на юге, Крикс со своим отрядом продолжал нападения с целью экспроприации на богатое население. И даже тогда, когда остатки этого отряда соединились со Спартаком по пути последнего с севера на юг, они не хотели до конца поддержать план Спартака о выходе из пределов Италии. По Плутарху известно, что настроенные против Спартака части под руководством Гая Ганника и Каста в решительную минуту снова отделились от Спартака.

Обращает на себя внимание тот факт, что от Спартака отряды отходят именно тогда, когда он начинает осуществлять какой-либо новый план вывода рабов из Италии.

Чем можно было бы объяснить подобный отход от войск Спартака отряда Крикса, а потом отрядов Гая Ганника и Каста? Приходится сделать предположение, что решающую роль в разногласиях между Спартаком и Криксом сыграло различие социального состава войск. Спартак объединял, очевидно, основную массу рабов, которые стремились освободиться от рабства. Стремление выйти за пределы Италии, на родину, вернуться к своим насиженным местам, к своим земельным угодьям было у них поэтому вполне естественным. Эту цель можно проследить во всех трёх походах Спартака. Это можно считать твёрдо установленным, ибо документы всё это хорошо подтверждают.

Задача же отрядов Крикса была совершенно иной Едва ли отряды Крикса состояли только из рабов. Более вероятно предположить, что в состав этих отрядов входили в основном не рабы, а как раз те самые «свободные крестьяне с полей» — попутчики, перебежчики и италики юга, о которых говорят Аппиан и Фемистий. Это было мелкое крестьянство, которое присоединилось к войску Спартака ради возврата экспроприированной у него земельной собственности. Крестьянство юга Италии, разорившись, шло за рабами на восстание не ради свободы, но из-за своей земельной собственности, мелких наделов, постепенно переходивших в руки земельных магнатов. Только посредством грабежей, нападений и систематических набегов на землевладельцев думали они вернуть похищенную у них собственность. Могла быть здесь и некоторая часть германцев, которые уже давно, со времён

войн Мария с кимврами и тевтонами, прижились в Риме и потому им незачем было уходить из Италии.

Это, конечно, была небольшая часть войска Спартака: у Крикса было не более 10 тысяч войска. Эта часть спартаковской армии выдвигала другой вопрос — вопрос о земле, об экспроприации рабовладельцев. Из скудных источников можно заключить, что своей главной задачей Крикс ставил экспроприацию рабовладельцев и поход на Рим. Изгнание землевладельцев, захват земли, её передел — вот какова могла быть программа Крикса.

В этом заключается социальная подоплёка тех разногласий в штабе восстания, которые привели к отходу от Спартака отрядов, возглавляемых Эномаем, Криксом, а впоследствии Кастом и Гаем Ганником.

В другом фрагменте Саллюстий вкладывает в уста Спартака речь против грабежей и бесчинств в отношении населения, которые допускал Крикс. Из того же фрагмента Саллюстия видно, что Спартак, вынужденный приступить к реквизиции скота, предлагает проводить это очень осторожно. Он советует нападать только на те имения, которые богаты скотом, имея в виду, очевидно, предупредить реквизиции у малоимущего крестьянства. Аппиан же говорит, что, когда Спартаку нужны были железо и медь для ковки оружия, он приказывал покупать их у купцов за полновесную монету и не чинить насилия над приносившими металл.

Таким образом, наметившиеся в ходе восстания две задачи — освобождение рабов от рабства и освобождение крестьян от кабалы рабовладельцев — не были в тех исторических условиях объединены руководителями восставших, и это предрешило неудачный исход всего движения.

Нам, к сожалению, неизвестно, на каких началах была организована жизнь внутри огромной армии Спартака. Только одно место у Аппиана позволяет думать, что дальше потребительского коммунизма рабы не шли и не могли, впрочем, идти в тех условиях. Всё захваченное имущество, пишет Аппиан, рабы делили между собой поровну, чем привлекали к себе массы. Обращает на себя внимание и то, что по приказу Спартака запрещалось употреблять в их стане золото и серебро, о чём сообщает также и Плиний Старший. Больше никаких сведений по этому вопросу мы не имеем.

Этот вопрос в программе спартаковского движения и не мог иметь большого значения, поскольку программа не предполагала и не могла предполагать в то время радикальной реорганизации хозяйственной жизни.

Всё значение задач, поставленных Спартаком, как мы можем об этом судить на основании дошедших до нас данных греческих и римских авторов, раскрывается лучше всего при учёте того высказывания Энгельса, которое сделано им в «Принципах коммунизма»: «Раб может освободить себя, отменив из всех институтов частной собственности одно только рабство, благодаря чему он станет пролетарием, пролетарий же может освободить себя, только отменив частную собственность вообще» [1].

В свете этого замечания Энгельса установка Спартака в его борьбе за освобождение рабов приобретает поистине революционный характер в условиях рабовладельческого Рима.

Борьба с рабовладельческим способом производства означала борьбу за отмену рабства. Отменить же рабство было немыслимо без классовой борьбы рабов за свою свободу.

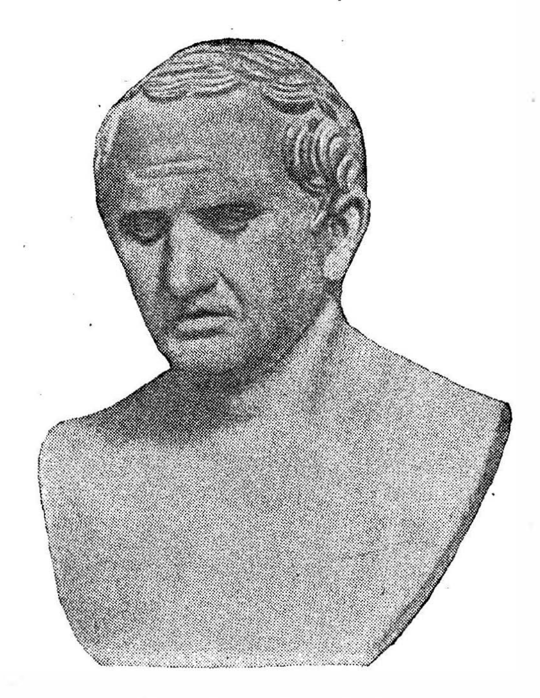
Выступление Спартака за освобождение рабов означало борьбу за разрушение рабства и, следовательно, рабовладельческой собственности. Более значительных задач рабы в тех условиях, конечно, не могли ставить и не ставили.

Нам остаются неизвестными в деталях те задачи, которые выдвигал Крикс в борьбе с Римом. Из источников видно, что Крикс не ставил себе целью разрушение рабовладельческой системы хозяйства. Поход на Рим, захват земель, экспроприация богатств являлись решительными мерами борьбы за землю разоряемых мелких крестьян. Однако эта революционная война крестьянства, возглавленная Криксом, вовсе не предполагала изменения основ хозяйственного строя.

Из разногласий, бывших между Криксом и Спартаком, можно заключить, что предводитель крестьянства не был согласен с конечной целью и задачей вождя рабов — достигнуть полного освобождения от рабства. Крестьянство на данной ступени исторического развития ещё не представляло себе, что разрешение аграрного вопроса

---

[1] Маркс и Энгельс, Соч., т. V, стр. 468.

Марк Тулий Цицерон.

не отделимо от задачи ликвидации рабовладельческой системы хозяйства, ликвидации рабства.

Именно это обстоятельство мешало в то время тесному союзу восстания рабов с аграрной революцией крестьянства.

Но так как единственным классом, способным упорно бороться за своё освобождение, были только рабы, то вполне естественно, что выступления последних носили всегда революционный характер и выдвигали рабов на роль гегемона в революциях того времени.

Поставленные Спартаком в ходе революции задачи освобождения рабов превращали его в «истинного представителя античного пролетариата» (Маркс).

Важно отметить, что, несмотря на гибель Спартака, борьба рабов продолжалась ещё долго, восстания ещё горели в ряде мест юга Италии, готовые вновь превратиться в зарево громадного пожара.

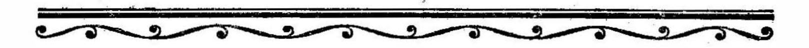
Греческие и римские авторы прекрасно представляли себе всё огромное значение спартаковской освободительной борьбы и как представители интересов рабовладельческого класса умалчивали о некоторых моментах развития этой героической борьбы. В частности, у них почти совершенно не освещён последний период спартаковской революции, не освещены героическая борьба остатков спартаковской армии и обстоятельства гибели Спартака.

Только у некоторых древних писателей, например у оратора-публициста Цицерона, сохранились кое-какие небольшие и притом косвенные свидетельства, которые могут помочь нам восстановить картину заключительного периода борьбы остатков спартаковских войск, периода, тянувшегося целые годы.

ПОСЛЕДНИЙ ПОХОД СПАРТАКА И ЕГО ГИБЕЛЬ

Спартаковское восстание рабов в древнем Риме — одно из наиболее красочных и драматических событий античного мира. Спартак стоял, «подобно Ганнибалу, у ворот Рима»; своими походами он изрезал территорию Римской республики вдоль и поперёк, наводя повсюду ужас на рабовладельческие слои населения.

Историки и публицисты рабовладельческого мира войну со Спартаком считали «ужасной и опасной для Рима войной», они сравнивали её с Серторианской и Митридатовой войнами, а древний историк Саллюстий посвятил ей даже часть своего большого исторического труда.

Римские историки не могли скрыть широту размаха спартаковского движения и социальное значение его.

Классовая предубеждённость, крайняя ненависть к Спартаку, сквозящие в отдельных свидетельствах, небрежность в установлении последовательности и точности событий, связанных с восстанием Спартака, — всё это, конечно, мешало историкам и публицистам рабовладельческого Рима оставить полноценные и точные сведения о Спартаке.

Среди вопросов, не получивших ещё разрешения, следует выделить вопрос о последнем походе Спартака — в Брундизий — и обстоятельствах его гибели. К этому нас обязывает в особенности появление нового документа — фрагмента стенной живописи, найденного в Помпеях во время раскопок в 1927 г., дополняющего материал о гибели Спартака.

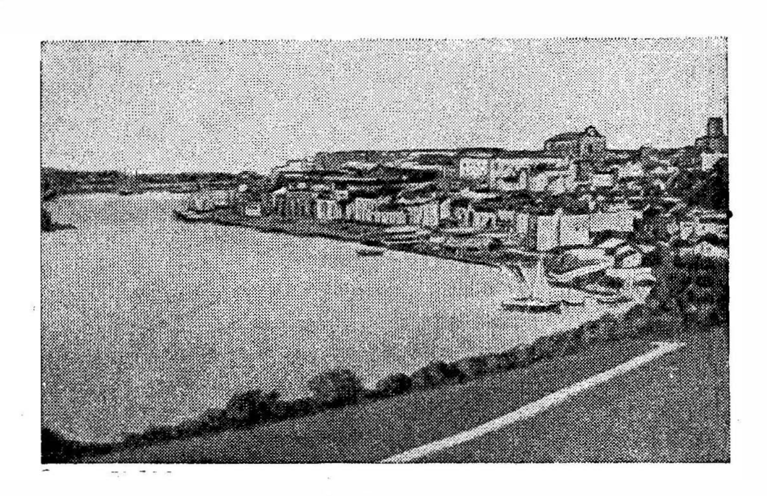
1. ПОХОД СПАРТАКА В БРУНДИЗИЙ

Несмотря на героические меры, принимавшиеся Спартаком для переправы восставших рабов из Региума в Сицилию, а оттуда к себе на родину, этого сделать не удалось. Как мы уже говорили, буря помешала осуществить переправу на самодельных плотах, и Спартак выработал новый план — прорваться через укрепления Красса в Брундизий.

Брундизий был большим портом на Адриатическом море, с прекрасной гаванью, которую посещало множество греческих кораблей. При всяком ветре гавань была удобна для кораблей и являлась ближайшим пунктом связи с Грецией через порт Диррахий, находившийся на расстоянии всего 175 римских миль, на другом берегу Адриатического моря, в Иллирии. Кроме того, Брундизий через Капуанскую дорогу был связан с Римом. Значение захвата этого чрезвычайно важного пункта для переправы рабов в Грецию было совершенно очевидным. Там можно было использовать греческие корабли, оттуда было кратчайшее расстояние до Греции, а самая гавань являлась чрезвычайно важной в стратегическом отношении, как связующий пункт между Грецией и Римом. Всё это, очевидно, было учтено вождём восставших рабов, и он, по выражению Аппиана, «решил пойти на риск и направился в Брундизий».

Каков был маршрут этого третьего похода и как протекал поход? По неполным данным, имеющимся в наших источниках, мы всё же можем восстановить отчасти картину похода в Брундизий.

Прежде всего перед Спартаком после неудавшейся переправы в Сицилию стояла задача — вырваться из вражеского кольца. Для этого были мобилизованы все силы, и тут было проявлено необычайное упорство, исключительная смелость и находчивость. Мы уже знаем, как рабы,

Порт Брундизий.

забросав вырытый Крассом ров, выбрались из «бруттийской ловушки» и разбили наголову первые встретившиеся им отряды Красса.

Эта блестяще проведённая военная операция была тщательно подготовлена.

Командовавший римскими войсками Марк Красс, мечтавший одним ударом завоевать лавры победителя, почувствовал, что он не в силах справиться с восставшими рабами, и попросил сенат выслать на помощь Лукулла из Фракии и Помпея из Испании. По сообщению Аппиана, римский сенат, побуждаемый позорным для него ходом войны с гладиаторами, назначил Помпея, только что вернувшегося из Испании, вторым главнокомандующим войсками, направленными против рабов.

Рабы, вырвавшиеся из ловушки и разбившие авангард крассовского войска, могли бы беспрепятственно двигаться на северо-восток, по пути в Брундизий, если бы не наступили снова раздоры и разногласия в их среде. Это были, как ранее с Криксом и Эномаем, разногласия по поводу дальнейшего плана похода.

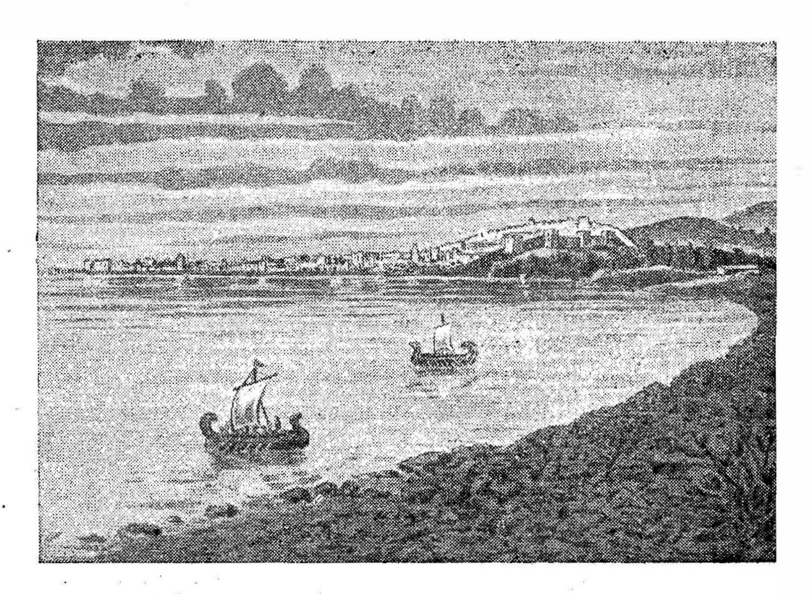
Часть войск под руководством Ганника и Каста стала отходить от Спартака, очевидно, не разделяя плана похода в Брундизий и требуя наступления непосредственно на Рим.

В результате всё более и более разраставшихся разногласий между Спартаком, с одной стороны, и Ганником — с другой, поход на Брундизий осложнился на первом же этапе. Отделившаяся от Спартака часть войск расположилась самостоятельным лагерем вблизи Луканского озера. Этим воспользовался Красс и стал теснить войска Каста и Ганника; но на помощь подоспел Спартак и остановил бегство охваченного паникой отряда.

Красс, видя замешательство в стане рабов, торопился закончить войну до прихода Лукулла и Помпея, которым он не хотел уступать лавров победителя над Спартаком. Так как Спартак уверенно шёл в Брундизий, а отделившиеся части его не поддерживали, Красс решил в первую голову расправиться с войсками Каста и Ганника. Войска Красса подошли незамеченными к их лагерю, и хотя крассовские отряды были всё же обнаружены двумя женщинами из стана рабов, было уже слишком поздно. Сражение закончилось полным поражением Каста и Ганника: в бою пало свыше 12 тысяч рабов. Только двое, рассказывает Плутарх, были ранены в спину, т. е. во время бегства, остальные все до единого погибли в бою.

Спартак после этого поражения временно отступил, по свидетельству Плутарха, к Петелийским горам, чтобы, собравшись с силами, решительно двинуться в Брундизий. Помощники римского главнокомандующего сочли это за слабость Спартака. Квинт, один из легатов Красса, и квестор Скрофа пытались даже преследовать Спартака по пятам, но Спартак успел перестроиться. Он повернул свои силы и двинулся прямо на римские войска. В результате натиска рабов римляне обратились в паническое бегство. Квестор Скрофа был ранен, и его едва успели унести. Спартак мог теперь свободно двигаться в Брундизий через Луканию и Апулию. Однако и в этот очень благоприятный для похода момент вновь наступили разногласия, которые роковым образом сказались на дальнейшей судьбе спартаковского похода.

Плутарх сообщает следующее об этом драматическом эпизоде: «Этот успех погубил Спартака, так как беглые рабы чрезвычайно возгордились. Они не хотели и слышать об отступлении, не повиновались начальникам и с оружием в руках заставили их идти назад через Луканию по направлению к Риму».

Диррахий — греческий порт против Брундизия.

Главным пунктом разногласия среди войска рабов продолжал являться вопрос о направлении похода. По мнению Плутарха, Спартак и начальники отрядов как будто хотели предпринять дальнейшее отступление, а рабы требовали похода на Рим. Странно, конечно, предполагать, что Спартак после своей блестящей победы над римлянами хотел отступать. Следует считать, что этот момент придуман Плутархом в целях драматизации последних, решительных для Спартака событий. У других авторов этот мотив отсутствует. Но совершенно правильно схвачен другой момент — требование рабов идти в Луканию, по направлению к Риму. Отходившие от Спартака войска всегда ведь требовали непосредственного похода на Рим.

На этом собственно и основывались все разногласия со Спартаком, державшимся другого плана, направленного на вывод рабов из Италии.

Спартак двинулся в Луканию, но, очевидно, лишь для того, чтобы потом через Апулию направиться в Брундизий. Это, конечно, ни в какой мере не разрешало разногласий, и часть рабов снова потребовала похода на Рим.

Можно предполагать, что, именно учитывая сложившуюся тяжёлую обстановку и зная, что Помпей из Испании направляется на помощь Крассу, Спартак, желая выиграть время, предложил ему вступить в мирные переговоры. И только после того как Красс отверг мирные переговоры, для Спартака оставался один выход — не теряя ни одной минуты, стремительно двинуться в Брундизий. Так Спартак и сделал. По сообщению Аппиана, «Спартак решил пойти на риск и, так как у него было достаточно всадников, бросился через окопы и бежал по направлению к Брундизию». Аппиан прибавляет, что у Спартака была тогда ещё большая армия рабов, и если трагическая развязка скоро наступила, то она объясняется особыми обстоятельствами, а не необдуманным риском.

Дело в том, что преследуемая Крассом армия Спартака довольно быстро достигла Апулии на пути в Брундизий. Но, очевидно, недалеко от Брундизия Спартак вдруг узнал, как это свидетельствует нам Аппиан, что в Брундизий уже прибыл Лукулл, наместник Македонии, готовившийся дать здесь бой Спартаку. Чтобы не допустить объединения сил Красса и Лукулла, Спартак дал решительный бой сначала Крассу. «Произошла, — говорит Аппиан, — грандиозная битва, чрезвычайно ожесточённая вследствие отчаяния, охватившего такое количество людей». Силы восставших были надломлены походами и длительной борьбой. Войска Спартака не выдержали натиска римлян. Рабы героически сражались, отбиваясь от римлян, пока не погибли все. Их погибло так много, что Аппиан говорит о невозможности их сосчитать. Спартак сражался в первых рядах, он убил двух римских центурионов и, раненный в бедро, опустившись на одно колено, продолжал сражаться, пока не был изрублен в куски, так что потом его труп нельзя было найти.

Даже враги, относившиеся с презрением к рабам, вынуждены были отметить необычайную храбрость Спартака и величие его героизма.

Но победа Красса не была ещё окончательной победой над Спартаком. Остатки войска Спартака, отступив на юг, в крестьянские районы и к городам, где господствовали долго беспокоившие Рим шайки пиратов, продолжали ещё долгие годы дело спартаковской освободительной борьбы.

Победивший в открытом бою Красс оказался неспособ-

ным, как говорят источники, уничтожить остатки отступавших войск спартаковской армии.

Рассеянные по югу Италии уцелевшие спартаковские отряды продолжали ещё долго держаться, и римским полководцам стоило большого труда подавить последние вспышки спартаковской революции.

2. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ГИБЕЛИ СПАРТАКА

Об обстоятельствах гибели Спартака существуют самые разноречивые версии.

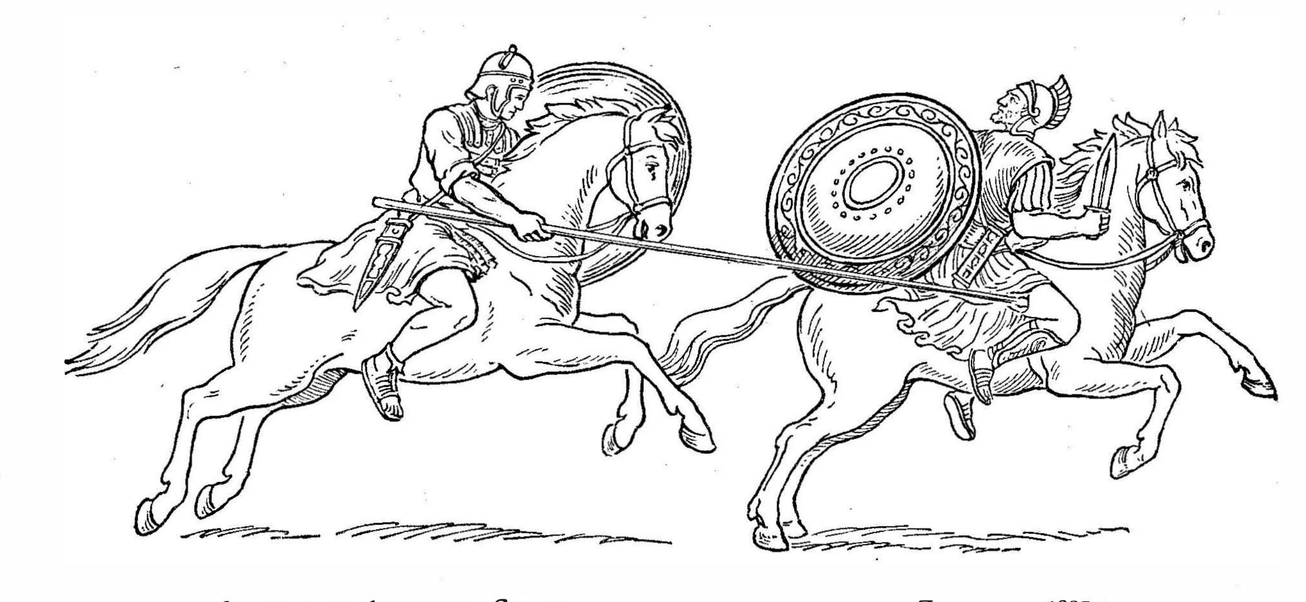
Обратимся сначала к вопросу о том, где погиб Спартак. По этому поводу мы имеем различные показания двух писателей — Орозия и Евтропия. Первый свидетельствует, что лагерь Спартака стоял у истоков реки Силара; здесь и напал на него Красс, который нанёс поражение рабам. Если только принять эту версию, то, следовательно, трагическое событие произошло в области Лукании. По Евтропию же, войска Спартака потерпели поражение в Апулии, т. е. вблизи Брундизия, куда стремился Спартак. Разноречивость этих поздних свидетельств говорит о том, что авторы их или пользовались разными источниками, или путают некоторые факты. Нам представляется, что вопрос о месте гибели Спартака можно разрешить лишь при учёте сведений других, более надёжных источников. Например, по Плутарху, известно, что Спартак действительно отправился в Луканию. В Луканию он направился не только потому, что рабы хотели идти по направлению к Риму, но и потому, что путь из Бруттия в Брундизий лежал только через Луканию. Но совершенно неправильно отсюда делать вывод, что здесь-то именно и произошёл последний бой, повлекший за собой гибель вождя. Орозий, указывая на «истоки Силара», т. е. на область Луканию, несомненно, путает основные войска Спартака с отделившимися отрядами Ганника и Каста. Последние действительно стояли около Луканского озера и потом, оттеснённые Крассом, расположились, очевидно, как раз у истоков Силара. Эти войска были действительно здесь разбиты. Но ведь все источники указывают, что это поражение Ганника и Каста в Лукании предшествовало той битве, в которой погиб Спартак. Тот же Орозий говорит, что только после этого Крассу удалось поразить и Спартака. Следовательно, когда Ганнику и Касту было

нанесено поражение в Лукании, Спартака и его войск здесь не было. И, очевидно, Спартак находился на достаточно далеком расстоянии, иначе он принял бы участие в битве против Красса, оказал бы помощь Ганнику и Касту и не допустил бы их поражения.

Куда же направился Спартак, где он в это время находился? На этот вопрос отвечает Аппиан, указывая на то, что, видя опасность создавшегося для рабов положения, вождь восстания решил ускорить продвижение к Брундизию. Спартак учитывал опасность отпадения части его войск с Ганником и Кастом; кроме того, Спартаку стало известно о намерениях Помпея прибыть на помощь Крассу или, во всяком случае, о письме Красса римскому сенату с просьбой прислать на помощь Помпея. К этому времени также выяснилось, что мирные переговоры с Крассом кончились неудачей. Спартак учёл всё это, и так как выбора уже не было, то он, по выражению Аппиана, «бросился со всем своим войском через окопы и бежал по направлению к Брундизию».

То обстоятельство, что совершенно точно указывается направление, в котором стремительно отступали рабы, означает, что события разыгрывались, несомненно, вблизи Брундизия. О том, что события эти происходили именно неподалеку от Брундизия, говорит и то, что Спартак уже был поставлен в известность о прибытии в Брундизий Лукулла. Едва ли это могло стать известным так быстро при тогдашних условиях связи, если бы Спартак находился далеко от Брундизия, например в Лукании. Именно то обстоятельство, что Спартак находился как раз под Брундизием и оказался там под перекрёстным огнём, с одной стороны — прибывшего Лукулла, и с другой — преследовавшего Спартака по пятам Красса, заставило вождя рабов принять бой раньше, чем он сумел к этому подготовиться. Прежде чем могли соединиться обе вражеские армии, Спартак начал бой. Таким образом, бой должен был произойти, безусловно, под Брундизием. Поэтому прав не Орозий, а Евтропий, который свидетельствует, что роковая для рабов битва произошла в Апулии. Здесь именно и пал Спартак.

Обратимся к другому вопросу: при каких обстоятельствах был убит сам Спартак? К сожалению, и по данному вопросу также существуют разногласия в источниках.

Фреска с изображением Спартака, открытая при раскопках в Помпеях в 1927 г.

Все источники единодушно свидетельствуют лишь о героической смерти Спартака. Так, например, Аппиан говорит о необычайном героизме вождя рабов в последние минуты его жизни. Раненный в бедро, Спартак опустился на колено, выставил щит вперёд и продолжал драться с нападавшими, пока не пал вместе с окружавшими его. Героизм Спартака отмечает и Плутарх. По его свидетельству, неустрашимый фракиец «устремился на самого Красса, но из-за массы сражавшихся и раненых ему не удалось добраться до него. Зато он убил двух вступивших с ним в бой центурионов». Даже Флор, описывавший всеиталийское восстание с нескрываемой злобой и горечью за перенесённый Римом позор постоянных неудач в борьбе с гладиаторами, вынужден был отдать дань уважения исключительному героизму Спартака. Вот что он говорит: «Сделав вылазку, рабы погибли смертью, достойной храбрых людей, сражаясь не на жизнь, а на смерть, что было вполне естественно в войсках под начальством гладиатора. Сам Спартак, сражаясь в первом ряду с изумительной отвагой, погиб, как подобало бы только великому полководцу» (quasi imperator).

Если так писали о смерти «великого полководца»-раба греческие и римские авторы, которых отнюдь нельзя было заподозрить в каких-либо симпатиях к Спартаку, то, следовательно, геройство это являлось столь очевидным, что оно не могло быть ни в малейшей степени подвергнуто сомнению. Единодушное свидетельство мы имеем относительно самого характера этого последнего боя. Все авторы подтверждают, что инициатива боя была на стороне Спартака и что рабы дрались с необычайным ожесточением.

О последних минутах жизни Спартака Плутарх рассказывает: «Подскакав к римскому лагерю, рабы завязали бой... Спартак вынужден был построить всё войско в боевом порядке. К нему подвели коня. Вытащив меч и сказав, что в случае победы у него будет много прекрасных вражеских коней, а в случае поражения он не будет в них нуждаться, Спартак заколол коня. Затем он устремился на самого Красса, но из-за массы сражавшихся и раненых ему не удалось добраться до него. Зато он убил двух вступивших с ним в бой центурионов. Наконец, свита Спартака бежала, а он, окружённый большим количеством врагов и мужественно отражая их удары, в конце концов был изрублен».

Эпизод с конём Плутарх вводит, очевидно, для литературного оживления описания этого последнего для Спартака боя. Расставание с конём как бы подчёркивает обречённость Спартака. Такова версия Плутарха. Но литературные украшения скрывают от нас реальную картину битвы и последние минуты великого полководца. Кажется весьма странным, что в то время как рабы выстраиваются в боевом порядке и вступают в бой «правильным строем», к тому же ещё при наличии достаточной конницы, Спартак закалывает своего коня и во главе армии сражается пешим. Это заставляет сомневаться в правильности изображённого эпизода.

Другую версию последних минут жизни героя мы находим у Аппиана. Последний передаёт следующее: «Спартак решил пойти на риск, и, так как у него было уже достаточно всадников, он бросился со всем войском через окопы и бежал по направлению к Брундизию... Но, когда Спартак узнал, что в Брундизии находится Лукулл... он двинулся на Красса со своей большой ещё тогда армией. Произошла грандиозная битва, чрезвычайно ожесточённая... Спартак был ранен в бедро копьём; опустившись на колено и выставив щит вперёд, он отбивался от нападавших, пока не пал вместе с большим количеством окружавших его... Тело Спартака не было найдено». Так заканчивается рассказ Аппиана. Аппиан не упоминает прямо о том, что Спартак был на коне, но это отчасти подтверждается термином, употреблённым Аппианом для обозначения копья противника Спартака — «доратион». Дело в том, что доратионом в позднюю эпоху в Греции, а потом и в Риме пользовались главным образом всадники, ибо по длине и весу такое копьё было удобно для конницы, но не для пехотинцев. В борьбе Спартака с поразившим его противником оба, очевидно, находились на конях.

Однако несколько неясным у Аппиана остаётся то место, где говорится, что поражённый копьём в бедро Спартак опускается на колено. Дело в том, что на колено опуститься он мог лишь сойдя с коня, но об этом у Аппиана ничего не сказано. Таким образом, если версии Плутарха мы не можем доверять как маловероятной, то более естественная и близкая к реальной картине версия Аппиана всё же остаётся неясной.

Едва ли мы смогли бы разрешить этот вопрос, если бы в 1927 г. у нас в руках не оказался интересный археологический документ, пока что единственный для истории спартаковского движения. Это уже упомянутый фрагмент стенной живописи в Помпеях, найденных при раскопках учёным Майури, директором Неаполитанского музея.

Что он собой представляет? Позволим себе остановиться на нём несколько подробнее. Прежде всего эта находка представляет интерес не художественностью исполнения, а своею древностью, своим содержанием и своеобразием композиции. С этой точки зрения подойдём и мы, подчеркнув только, что для нас этот документ интересен и как единственный археологический памятник о Спартаке. К сожалению, он дошёл до нас в плохом состоянии.

В каштановых тонах одноцветно набросанными мазками изображена боевая схватка. Эта картина была нарисована на светлой облицовке стены одного дома в Помпеях. Учёные полагают, что фрагмент изображает одну сцену. С нашей точки зрения, здесь налицо две сцены. Первая сцена — на правой половине картины, вторая — на левой. Действие протекает справа налево, точно так же следует читать и надпись над правой частью, ибо она написана по-оскски, как это и установил Майури. Древние оски, туземцы Кампании, писали справа налево; очевидно, таким образом они располагали и предметы в перспективе. Возможно, что у осков в изображениях вообще отсутствовала перспектива, как это можно наблюдать на рисунках у многих народов древности (например у египтян).

С правой стороны видна слабо сохранившаяся фигура трубача, который даёт сигнал. Наличие здесь трубача должно подчёркивать собой или начало битвы всадников, или же опасность для одной из сражающихся сторон, вероятнее всего, для всадников справа. Основной интерес в этой сцене представляют, конечно, два сражающихся всадника. Над головой одного (справа) сделана надпись «Спартакс», над головой второго всадника, преследующего первого, — не сохранившаяся целиком надпись (она сделана, как уже отмечалось, в обратном порядке — справа налево). Итальянский археолог Майури расшифровал её — «Felics Pompejans», т. е. Феликс из Помпей (или помпеянец).

Повидимому сцена изображает битву Спартака с каким-то Феликсом из Помпей, возможно, центурионом римской армии. Это подтверждается рядом соображений. Прежде всего совершенно невероятно, чтобы имя покрывшего себя славой вождя рабов могли приписать кому-нибудь другому. Кроме того, фракийское имя Спартака едва ли встречалось в Италии. Бросается в глаза и то, что, в то время как Спартак называется только по имени, подчёркивается, что его противник — уроженец Помпей или происходит из какого-то рода помпеянцев. Из этого можно сделать следующий вывод. Перед нами изображены знаменитый вождь рабов Спартак и некий Феликс из Помпей как победитель Спартака. Эта сцена подчёркивает содержание картины, которая в целом должна изображать гибель Спартака. Едва ли преследовалась какая-либо другая цель при изображении на картине свободного римского гражданина рядом с рабом-фракийцем. Да и изображение достаточно ясно показывает это. Ударом копья Феликс из Помпей ранит Спартака в бедро. Это изображение вполне согласуется с тем местом у Аппиана, в котором последний говорит о том, что Спартак был поражён именно в бедро. Вождь рабов продолжает, повидимому, драться с противником и щитом, как это видно на картине, защищается от удара, который наносится ему сзади.

Вторая сцена, изображённая на левой стороне картины, передаёт, с нашей точки зрения, второй этап борьбы. К сожалению, надпись на этой части картины не уцелела, и её не представляется возможным восстановить. В глубине сцены изображён воин. Изображение это дошло до нас в плохо сохранившемся виде. Но и тут два момента не вызывают сомнения. Во-первых, воин в глубине картины не имеет каски, очевидно, в схватке она была сбита и потеряна. Следовательно, этот воин принадлежит к побеждаемой стороне. Во-вторых, поза воина весьма неестественна, и это заставляет предположить, что воин, раненный в бедро или ногу, вынужден был сражаться с врагом, находясь в тяжёлом состоянии.

Эта деталь снова наводит нас на мысль о том, что эта вторая сцена изображает, очевидно, Спартака в последние минуты его жизни. Мощная фигура нападающего на него римского легионера в каске вырисовывается на переднем плане сцены. Вероятно, ударом меча легионер поражает

Спартака, на коленях продолжающего отбиваться от своих врагов.

Таким образом, вся картина изображает последовательно две сцены из этой последней битвы Спартака, причём обе вполне согласуются с данными Аппиана. Очевидно, его версия гибели Спартака являлась господствующей, и поэтому именно она оказалась отображённой на данной картине.

Из картины мы узнаём, кто был прямым убийцей Спартака. Стремление увековечить смерть Спартака скорее всего должно было быть у того, кто его убил. Поэтому правы те историки, которые говорят, что и дом, в котором была найдена при раскопках эта историческая живопись, вероятно, принадлежал убийце Спартака, Феликсу из Помпей. Это подтверждается древностью этой живописи. Картина имеет надписи на древнеоскском языке и была обнаружена на нижнем штукатурном слое, покрытом (как это показывают следы) уже в начале Империи новым штукатурным слоем. Следовательно, эта живопись может быть отнесена непосредственно ко времени конца спартаковского восстания.

Очевидно, тотчас же после победы над Спартаком Феликс из Помпей увековечил себя как победителя в стенной живописи. Но одну деталь не мог скрыть художник в этой картине: нападение на Спартака осуществляется сзади. Очевидно, принять открытый бой с фракийцем-гладиатором римский центурион не решался. Встреча лицом к лицу со Спартаком была опасной для всякого, кто решился бы напасть на него.

Фрагмент стенной живописи, между прочим, помогает нам выяснить вопрос о последних минутах Спартака. Дело в том, что если Спартак, как это показано на рисунке, был сильно ранен в бедро, он не мог продолжать борьбу на коне. Пока он не был ранен, у него обе руки были свободны для борьбы с врагом. После же сильного ранения в бедро он должен был держаться за коня рукой (как это и показано на рисунке). Одна рука была уже занята, и он не мог успешно продолжать борьбу. Поэтому Спартак вынужден был расстаться со своим конём. Именно этот момент, вероятно, и имеет в виду Плутарх, когда передаёт эпизод с конём. Тогда становится совершенно понятным сообщение Аппиана, что вождь рабов, будучи ранен в бедро, опустился на колено. Сойдя с коня, он отражал на-

падение врагов, что вполне согласуется, таким образом, и с живописью.

Тит Ливий в своих эпитомах (сокращениях глав) также упоминает об обстоятельствах гибели Спартака. «Затем в окончательном бою, — говорит Тит Ливий, — Красс сразился со Спартаком, вырезав (изрубив. — *А. М.*) вместе с ним самим 60 тысяч человек».

Указания этих трёх авторов раскрывают нам господствовавшую и, повидимому, наиболее популярную версию смерти Спартака. Необычайная отвага, с которой вождь рабов бился в последние минуты, хорошо, очевидно, была известна римскому населению. Это могло быть известно благодаря тем потерям, которые понесли от Спартака римские командиры, в гущу которых он врезался, желая отыскать самого Красса и сразиться с ним.

О «великой отваге» вождя освободительного движения рабовладельческие писатели Рима говорили в связи с теми потерями, которые понёс Красс в последней схватке со Спартаком. Ведь не для оказания почестей вождю рабов старались отыскать его труп; но Спартак предпочёл, повидимому, быть изрубленным в куски, нежели достаться римлянам, хотя бы даже мёртвым.

Так погиб герой, о котором потом складывались легенды. Имя его покрыла неувядаемая слава, и благодаря своим подвигам он занял место среди героев, равных легендарным Прометею и Гераклу. Если первым мифологическим образом бунтаря был Прометей, то первым историческим Прометеем, великим бунтарём за социальное равенство людей явился Спартак.

БОРЬБА СПАРТАКОВЦЕВ ПОСЛЕ ГИБЕЛИ ВОЖДЯ

Вопрос о судьбе остатков революционной армии Спартака мало изучен. Отрывочные сведения источников единодушно устанавливают, что со смертью вождя борьба спартаковцев не кончилась. Сведения эти, во всяком случае, позволяют нам установить три следующих основных факта: 1) продолжительность борьбы рабов после смерти своего вождя; 2) связь спартаковцев с рабами Сицилии, где в это время также происходили вспышки восстаний; 3) союз остатков спартаковской армии с пиратами на юге Италии.

Обратимся непосредственно к первому факту. Что устанавливают здесь источники?

Аппиан рассказывает, что после известной битвы с Крассом и гибели Спартака «большое число спартаковцев ещё укрывалось в горах, куда они бежали после битвы». Интересно в этом отношении и свидетельство Плутарха, который, излагая биографию Помпея, говорит о его заслугах в борьбе с остатками армии рабов уже после крассовской битвы. «Судьбе, — говорит Плутарх, — хотелось всё-таки сделать Помпея некоторым образом участником и этой победы. Пять тысяч рабов, успевших спастись после

сражения (с Крассом), встретились с ним и были истреблены все до последнего человека, вследствие чего Помпей написал в сенат, что Красс разбил гладиаторов в открытом поле, он же, Помпей, вырвал самые корни войны».

Об этих заслугах Помпея, продолжавшего преследовать спартаковцев уже после того, как Красс разбил их в Апулии по пути в Брундизий, Плутарх вспоминает ещё и в другом месте. В биографии Красса, написанной Плутархом, он ещё раз подчёркивает, что победа Красса была лёгкой и неокончательной, хотя она и повлекла за собой гибель самого Спартака. Помпею пришлось вмешаться в борьбу с остатками спартаковской армии. «Он окончательно, — говорит Плутарх, — уничтожил попавших ему в руки рабов».

О борьбе Помпея с рабами сообщает нам и Цицерон, указывающий, что Италия вынуждена была на борьбу с рабами вызвать с далёкой чужбины, т. е. из Испании, Помпея, где тот, как известно, вёл длительную борьбу с Серторием. Далее, историк III в. Ампелий, написавший «Книгу воспоминаний», называет даже место, где Помпею пришлось столкнуться в сражении с остатками спартаковской армии. Последние отряды рабов были разбиты, говорит Ампелий, консулом Помпеем в Этрурии. Это замечание интересно для нас с двух точек зрения. Во-первых, с точки зрения указания местонахождения отрядов рабов. Весьма вероятно, что в Этрурии осталась часть армии Спартака со времени его северного похода. Во-вторых, интересно упоминание Ампелия о Помпее как о консуле.

Как известно, Помпей был избран в консулы в 70 г. до н. э. И если ему пришлось столкнуться с пятитысячным отрядом рабов в Этрурии в период своего консульства, т. е. в 70 г., то это означает, что спустя почти год после смерти Спартака отряды его армии продолжали ещё держаться даже на севере. Не приходится говорить уже о юге Италии, где в горах, по сообщению Аппиана, спартаковцы продолжали скрываться долгое время.

Всё это позволяет нам установить, что остатки спартаковцев, рассеянные в различных концах Италии, продолжали ещё дело великого освободительного движения.

Характерно, что косвенные указания других авторов античности раскрывают то обстоятельство, что сами римляне хорошо сознавали значение крассовской «победы» и

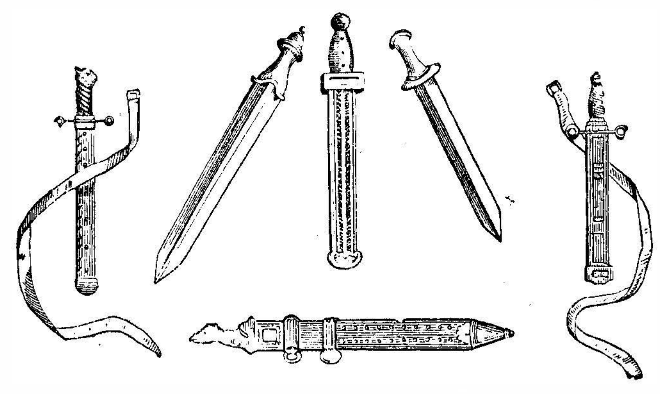
не самообольщались ею. Так, например, два автора древности — Плиний Старший и Авл Геллий — сообщают, что Красс в результате своей «победы» над Спартаком не оказался всё же достойным получить триумф, а был удостоен всего лишь оваций, т. е. малого триумфа. За победу над внутренним врагом не полагалось большого триумфа; лишь за победу над врагом внешним можно было рассчитывать на высшую награду. Борьба же с рабами считалась даже позорной для истых римских полководцев. Крассовская победа не покончила, однако, с армией рабов, в этом была её неполноценность.

Орозий рассказывает о ряде выступлений, которые приходилось организовать «под начальством многих военных вождей», прежде чем удалось окончательно расправиться с остатками войск Спартака. В числе этих военных вождей были довольно видные римские деятели. Тому же Помпею, когда он в 67 г. воевал с пиратами, несомненно, пришлось иметь дело и с рабами, ибо Цицерон, например, совершенно определённо говорит о связи морских разбойников с рабами. Нам известно также из данных Светония, биографа римских императоров, что с остатками войск рабов сражался позднее отец будущего императора Августа — Гай Октавий, которому по чрезвычайному поручению римского сената пришлось отправиться на юг Италии для ликвидации остатков «спартаковских банд».

«После претуры, — говорит Светоний, — он (Гай Октавий. — *А. М.*) по жребию получил в качестве провинции Македонию. Направляясь туда, он, действуя в силу чрезвычайного поручения сената, уничтожил остатки банд Спартака и Катилины — беглых рабов, захвативших область Фурий... Ребёнком Август (сын Октавия) получил прозвище Фурийского либо в память происхождения предков, либо же потому, что его отец вскоре после его рождения уничтожил в области Фурий шайку беглых рабов».

Это свидетельство Светония представляет для нас большой интерес. Во-первых, оно совершенно определённо устанавливает, что даже после рождения Августа (в 63 г.) и заговора Катилины на юге Италии целая область Фурий находилась ещё во власти спартаковских отрядов.

Можно предполагать, что оперировавшие в горах на юге Италии спартаковцы, пользуясь затруднениями Рима

Формы римских мечей.

в связи с заговором Катилины, захватили область Фурий. Вероятно, спартаковцы представляли тогда ещё значительную силу, если римский сенат снарядил против них экспедицию Гая Октавия.

Ещё раньше в южных областях Италии спартаковцы захватили ряд городов, держали в своих руках прибрежные районы и не один раз разбивали римские войска.

Об активизации спартаковских отрядов в связи с внутренними междоусобиями в Риме говорит не только Светоний, но и Саллюстий, который указывает, что в самый разгар подготовки Катилины к выступлению на юге Италии происходили новые волнения рабов. О выступлениях рабов в Бруттии и Апулии Саллюстий говорит дважды, причём в отношении Апулии прямо устанавливает, что там подготовлялось новое восстание рабов. Если у Светония мы узнаём о захвате спартаковцами области Фурий, то Саллюстий свидетельствует, что в их руках находилась вся область Апулии и даже Бруттия. Едва ли эти сведения можно считать преувеличенными, ибо известно, что это восстание рабов на юге Италии потребовало активного вмешательства Рима, пославшего для подавления восстания карательную экспедицию Квинта Метелла Критского.

Можно предполагать, что экспедиция Метелла (в 63 г.) была неудачна, ибо на следующий год пришлось посылать новую экспедицию Октавия, который должен был довершить подавление спартаковцев.

1. СПАРТАКОВЦЫ И СИЦИЛИЯ

Обратимся теперь к другому вопросу — о связи спартаковцев с Сицилией. Если мы не можем ввиду неполноты источников говорить о конкретных формах связи спартаковцев с сицилийцами, то кое-какие данные позволяют ответить положительно на вопрос о наличии такой связи.

Прежде всего обращает на себя внимание то место у Плутарха, где он говорит, что после неудачи с переправой в Сицилию Спартак из «бруттийской ловушки» выводит только третью часть своих войск. Куда же девались остальные войска Спартака? Что они делали?

Из всех сообщений древних авторов совершенно точно явствует, что спартаковские войска стремились добраться до Сицилии во что бы то ни стало. Из фрагментов Саллюстия видно, что рабы работали днём и ночью над сооружением плотов для переправы. Если киликийские пираты обманули Спартака, а буря разбила самодельные плоты и не дала возможности переправиться туда, то из этого ещё не следует, что некоторой части рабов не удалось осуществить такую переправу несколько позже. Развитие пиратства у берегов юга Италии и Сицилии, положение в самой Сицилии, наконец, вспышки восстаний рабов — всё это даёт полное основание предполагать, что искры спартаковской освободительной борьбы были занесены и в Сицилию.

Обратимся снова к древним источникам, среди которых основным по этому вопросу является Цицерон. В своём изложении знаменитого дела претора Верреса Цицерон рисует картину его безобразного хозяйничания в Сицилии в период 74—70 гг., т. е. в тот самый период, когда спартаковское движение в Италии было в полном разгаре.

На процессе Верреса, привлечённого к ответственности судом римского народа, Цицерон, произнося обвинительную речь против этого сицилийского наместника, раскрывает картину произвола, вымогательств, разложения и вызванного этим общего упадка хозяйственной жизни Сицилии.

«Ты утверждаешь, — говорит Цицерон, — что твоею доблестью Сицилия спасена от невольнической войны. Эти слова заключают великую похвалу тебе и производят отличное впечатление, всё же скажи, что это была за война?»

Частичная переправа спартаковцев в Сицилию, а так-

же выступления рабов в разных местах Сицилии, о чём Цицерон знал, давали ему полное основание опровергнуть Верреса, считавшего, что он своей доблестью предупредил восстание рабов на сицилийских равнинах.

«Что же касается заразительности невольнической войны, то объясни мне, почему ссылаешься на неё именно ты, а не наместники всех прочих провинций. Потому ли, что в Сицилии были раньше невольнические войны? . .» — говорит дальше Цицерон.

Указание Верреса на заразительность спартаковского движения для Сицилии даёт Цицерону повод сделать вывод, что именно Сицилия в преторство Верреса представляла благоприятную почву для вспышки восстания.

Весь этот материал о восстаниях рабов, о ряде вспышек и заговоров в Сицилии именно в то время, когда Италия была объята пламенем спартаковской революции, Цицерон собрал во время своего длительного пребывания в Сицилии, где он, подготовляясь к процессу Верреса, заслушивал на месте показания очевидцев и собирал по городам документальные данные.

И Цицерон обращает этот материал против своего противника.

«Итак, спросите вы, утверждаю ли я, что в пропреторство Верреса не было никаких волнений среди сицилийских рабов, никаких заговоров? Насколько известно римскому сенату и народу, насколько можно судить по официальным письмам, посланным Верресом в Рим, никаких... Тем не менее я подозреваю, что там и сям в Сицилии было некоторое брожение в невольнической среде (разрядка моя. — *А. М.*); я заключаю это не столько из открытых мною фактов, сколько из его действий и распоряжений. Обратите внимание на мою предупредительность: я сам намерен познакомить суд с теми данными, которые желает удостоверить он, данными, о которых вы до сих пор не слышали».

Какие же факты приводит Цицерон? Он приводит их несколько. Начнём с первого факта, который мы передадим словами самого Цицерона:

«В Триокальской области, уже раньше занятой было беглыми рабами, группа рабов одного сицилийца, некоего Леонида, была заподозрена в заговоре. Донесли наместнику; тот немедленно, как и следовало, приказал схватить указанных ему рабов и привести к нему в Лилибей. Хо-

зяину было приказано явиться в суд; следствие состоялось, и подсудимые были признаны виновными. . .»

Триокальская область издавна являлась местом восстаний рабов. Теперь, в период спартаковской освободительной борьбы, она снова стала ареной заговоров, вспышек и восстаний. Следствие и суд установили виновность арестованных участников заговора, в силу чего они подлежали смертной казни. Но Веррес, о чём сообщает с негодованием Цицерон, освободил участников заговора за взятку.

Если учесть ту силу возмущения, с которой Цицерон сообщает об этом факте, то приходится сделать вывод, что дело шло, очевидно, о подготовке крупного, массового выступления рабов в связи с освободительной борьбой Спартака.

Далее Цицерон сообщает другие факты, из которых видно, что в Сицилии неоднократно вспыхивали попытки к восстанию и серьёзные заговоры, которые Веррес использовал для наживы. Узнавая, в чьих имениях готовятся заговоры, наместник оказывал всяческое давление на хозяев, замешанных в заговорах рабов, чтобы путём вымогательства получить от них взятку.

Это забвение общественных интересов во имя личных (забывать об опасности движения рабов ради личной наживы) вызывает резкое осуждение Цицерона как представителя рабовладельческого Рима.

Цицерон приводит показания свидетелей, которые воссоздают картину крайне тревожного положения в Сицилии.

Далее он сообщает случай с Гавием, уроженцем города Консенции, заставляющий нас сделать предположение об организационной связи спартаковцев и сицилийцев. Гавий обвинялся в том, что он являлся шпионом, посланным из Италии вождями рабов (Спартаком и др.).

«Консенец Гавий, о котором идёт речь, был вместе с другими римскими гражданами брошен Верресом в тюрьму; не знаю как, только ему удалось тайно бежать из каменоломен, и он достиг Мессаны. Здесь, видя перед собой на столь близком расстоянии Италию и стены Регияума, города римских граждан, наслаждаясь светом свободы, вдыхая хоть издали атмосферу законности после столь долгого пребывания среди страха смерти и мрака, он почувствовал себя как бы вновь ожившим и воскрес-

шим: он начал открыто жаловаться, что он, римский гражданин, был заключён в тюрьму; говорил, что отправляется прямо в Рим и что Верресу придётся увидеться с ним, когда он вернётся из провинции. Бедняга не знал, что нет никакой разницы, говорит ли он это в Мессане или во дворце самого наместника... Гавия тотчас отправляют к мамертинским властям. А так как в этот самый день случайно в Мессану приехал Веррес, то ему и доложили, что тут есть какой-то римский гражданин, жалующийся на заключение его в Сиракузах в каменоломни... Веррес... объявляет ему (Гавию. — *А. М.*), что он — по «достоверным сведениям» — шпион, отправленный в Сицилию вождями невольников... и приказывает сечь его по всему телу без всякого снисхождения».

Какие выводы можно сделать из этого сообщения? Цицерон прежде всего обращает внимание на превышение власти Верресом. Римский гражданин Гавий без суда и следствия, совершенно якобы без всяких улик подвергается наказанию розгами, которое унижает достоинство римского гражданина. Цицерон не решает вопроса, был виновен Гавий или нет, ибо его не это в данном случае интересует.

Между тем можно предполагать, что для обвинения существовали какие-то весьма реальные мотивы, так как обвинять Гавия с целью получения взятки не имело смысла ввиду его бедности. Гавий прибыл из Консенции, когда юг Италии, в том числе и город Консенция, находился в руках спартаковских войск; он долгое время находился в сиракузских каменоломнях, откуда бежал; наконец он попал в Мессану, откуда думал направиться в Региум, находившийся в это время (в период 73—70 гг.) во власти рабов. Всё это говорит за то, что Гавий не был постоянным жителем Сицилии, прибыл сюда с временной миссией и оставаться в Сицилии после бегства из каменоломен не считал для себя возможным. Эти обстоятельства наталкивают на мысль, что у Верреса могли быть основания арестовать Гавия и предъявить ему обвинение в том, что он был шпионом, посланным спартаковцами в Сицилию, чтобы поднять там восстание. Несмотря на гибель Спартака, отряды спартаковцев, как это было замечено выше, долго оперировали на юге. Часть армии осталась в районе Региума, пытаясь, очевидно, переправиться в Сицилию. Другая часть, уцелевшая в сражении, скрывалась в горах.

Следует ещё сказать, что ряд городов и областей юга перешёл в руки восставших. При таком положении вполне вероятны не только отдельные, единичные связи с сицилийскими рабами, но и более значительные и массовые объединения.

О том, насколько крепко держались рабы на юге, сообщает опять-таки Цицерон в связи с двумя фактами: событиями около Валенции, которой угрожали спартаковцы, и «темесанской неудачей», в результате которой спартаковцы заняли город Темесу.

Цицерон рассказывает, что недалеко от Валенции (Вибона) отряд рабов захватил город Темесу. Весьма вероятно, что это был большой отряд спартаковцев, если они, захватив этот город, долго там держались и дали успешный отпор римским войскам. Рабовладельцы и власти расположенной неподалеку Валенции были крайне встревожены этой «темесанской неудачей».

Претор Веррес ответил отказом депутации города Валенции на её просьбу взять на себя командование экспедицией, снаряжённой против надвигающихся спартаковцев. Очевидно, этот город был потом взят рабами, иначе никакого смысла не было бы Цицерону вспоминать этот факт как порочащий Верреса, тем более в связи с «темесанской неудачей».

Материал, приведённый Цицероном, представляет для нас необычайный интерес, так как в отдельных упоминаемых им эпизодах вскрывается борьба, которую продолжали вести спартаковцы уже после смерти своего вождя.

2. СПАРТАКОВЦЫ И ПИРАТЫ

Нам остаётся теперь выяснить вопрос о связях уцелевших отрядов спартаковцев с морскими разбойниками, или пиратами. Морские разбойники долгое время оперировали у берегов Сицилии и Италии. Они нападали на торговые суда, захватывали добычу, грабили богатое население прибрежных городов, уводили в плен людей и были совершенно неуловимы. Позднее даже создалась целая держава морских разбойников с центром на Крите. Пиратские гнёзда находились в различных местах Средиземного моря, в том числе и около Сицилии и в некоторых пунктах самой Сицилии.

Кто такие были морские разбойники, откуда они вербовались? Основное ядро пиратов составляли киликийцы, народ юго-западного берега Малой Азии. Но, несомненно, позднее к пиратам примыкали беглые рабы. Убежавшие от господ рабы не всегда достигали своей родины. Добывать себе средства к жизни такие рабы могли только путём грабежей. Впоследствии эти грабежи приняли организованный характер в виде экспедиций морских разбойников, в среде которых объединялись и рабы, и преступники, и авантюристы.

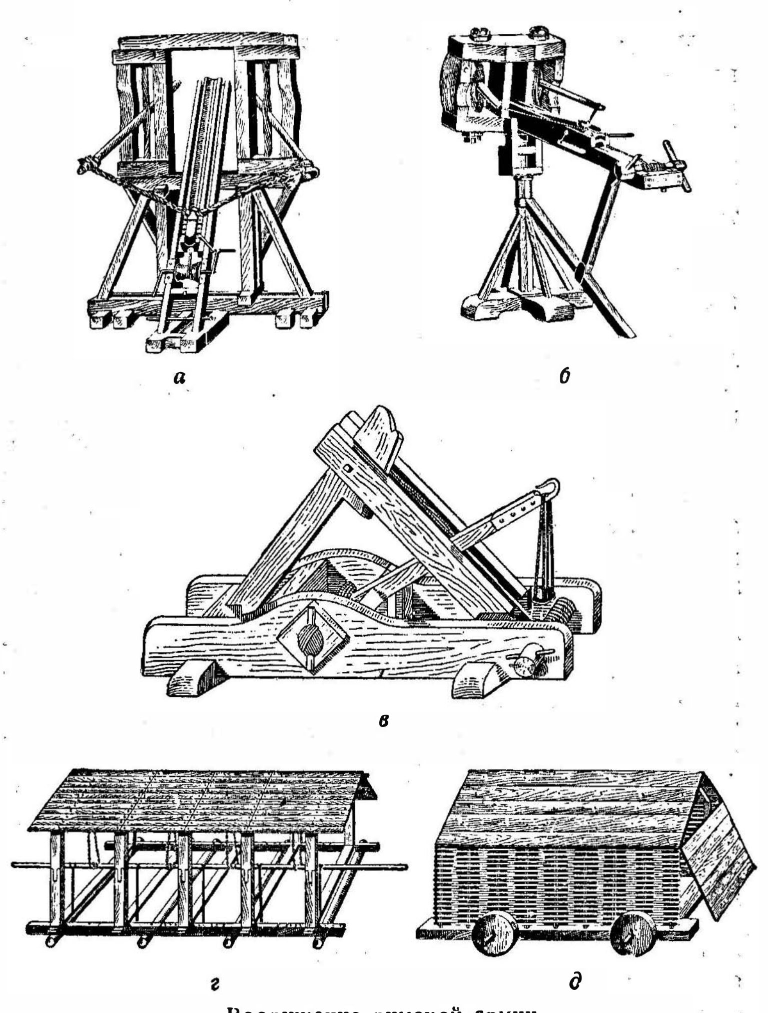
Относительно участия рабов в этих разбоях мы находим свидетельства у Диодора Сицилийского. В описании первого сицилийского восстания рабов Диодор прямо говорит о том положении рабов, в результате которого они должны были заниматься грабежом и стать разбойниками. Рабовладельцы «держали пастухов, но не кормили их, а предоставляли им жить грабежами. При такой свободе, данной людям, которые по своей силе могли совершать всё, что решили, людям своевольным и праздным, принуждённым вследствие недостатка питания заниматься различными рискованными делами, — при таких обстоятельствах скоро начали увеличиваться разного рода бесчинства... Имущество грабили, а пытавшихся сопротивляться убивали... Большая часть рабов жила грабежом, и была масса убийств, всё равно как если бы разбойники, подобно армии, рассеялись по всему острову».

Как относились власти к росту грабежей в Сицилии?

«Римские преторы не осмеливались прибегать к наказаниям рабов из уважения к силе и влиянию господ, которым принадлежали рабы-разбойники, и поэтому были вынуждены допускать ограбление провинций». Так Диодор Сицилийский описывает рост грабительских тенденций ещё в период первого восстания в Сицилии. Пиратство от берегов далёкой Киликии распространилось до берегов самой Италии.

Известно, что Цезарь на пути в Родос был захвачен пиратами, которые продержали его пятьдесят дней и отпустили лишь за большой выкуп.

Голод 75 г. способствовал ещё большему развитию пиратства. Неудивительно, что в критический для Рима 74 год, когда на востоке произошло восстание малоазийских племён, объединившихся с Митридатом, на западе — восстание во главе с Серторием, а в самой Италии — вос-

Вооружение римской армии.

а — баллиста; *б* — катапульта; *в* — прибор для метания камней; *г*, *д* — деревянные прикрытия.

стание Спартака, в этот момент пираты господствовали на море. Весьма вероятно, что Митридат пользовался посредничеством именно пиратов для заключения союза с Серторием, о чём нам сообщают Саллюстий, Плутарх и отчасти Цицерон. О том, что Крит — главная база пиратов — был

очень силён, говорит снаряжённая Римом экспедиция Марка Антония, в результате которой римский флот был разбит и Антоний погиб.

Цицерон в ряде своих речей против Верреса прямо говорит, что Сицилия превратилась в гнездо морских разбойников. И это обстоятельство умело используется обвинителем Верреса:

«Вы скажете: «Пусть это так, пусть он (Веррес) не приобрёл славы в этой — действительной или воображаемой — невольнической войне... зато он содержал в исправности флот для военных действий против пиратов и вообще обнаружил в этом деле величайшую заботливость, так что он всё-таки оказался превосходным защитником провинции». Я могу рассказать вам, судьи, такие вещи об этой войне с пиратами, такие вещи о сицилийском флоте, что вы убедитесь в справедливости заявления, с которым я приступаю к этой части моей речи, заявления, что в одной этой сфере его деятельности сосредоточены величайшие из его преступлений: и алчность, и государственная измена, и безумная страсть, и безумная жестокость. Рассказ мой будет краток; прошу выслушать его с таким же вниманием, как и всё прежнее».

И Цицерон рассказывает, что когда римскому флоту посчастливилось захватить пиратский корабль, нагружённый добычей, то Веррес больше думал о захваченных ценностях, чем о расправе над пиратами. Он долго скрывал главного пирата, не предавая его казни, в надежде получить за него богатый выкуп.

Всё это до такой степени развязывало руки пиратам, что они смело входили в сицилийские порты и господствовали на море у самых берегов Италии. Тот же Цицерон говорит об очень удачной операции вождя пиратов Гераклеона, который у Пелорского побережья разбил весь сицилийский флот и предал его пламени.

Успешно выполнив эту операцию, Гераклеон увеличил свои силы за счёт примкнувших к нему рабов и двинулся теперь прямо в Сиракузы. Некоторое время он держал город в своих руках, вызывая изумление и негодование римских центральных властей.

Приведённые факты указывают на связи рабов с пиратами Сицилии.

Спартак был связан с пиратами во время своего пребывания в Региуме. Нам известно, что вождь рабов дого-

Римские военачальники призывают к расправе над врагом.

варивался с пиратами о переправе в Сицилию. Пираты, по имеющимся сведениям, обманули Спартака: взяв подарки, они скрылись. Означает ли это, что у спартаковцев больше никаких связей с пиратами не было?

Косвенные указания источников позволяют прийти к выводу, что эти связи, несомненно, продолжались. Оставшаяся часть армии Спартака, после того как он вывел из «бруттийской ловушки» только треть своей армии, продолжала, очевидно, добиваться возможности переправы в Сицилию. И конечно, без помощи пиратов она не в состоянии была это сделать.

Цицерон в одной из своих речей против Верреса обвиняет его в том, что вся западная прибрежная область южной Италии, от Вибона до Велии, оказалась во власти рабов и морских разбойников. И когда после объезда Сицилии в августе 70 г. Цицерон возвращался в Рим, ему пришлось пережить некоторые «дорожные приключения», поскольку все области, через которые следовало ехать, оказались занятыми рабами и морскими разбойниками.

«Ведь если бы, — говорит Цицерон, — обвиняемого можно было осудить в отсутствие обвинителя, мне не-

зачем было бы ехать на крошечном судёнышке из Вибона в Велию, пробираться между оружием беглых рабов, морских разбойников и твоим собственным, когда причина всей моей поспешности, соединённой с опасностью для моей жизни, заключалась лишь в опасении, как бы твоё дело не было снято с очереди, если бы я не поспел к сроку в суд».

Как видно из этого отрывка, весь район от Вибона до Велии в то время (лето 70 г.) находился во власти спартаковцев и морских разбойников. Поэтому великому оратору и знаменитому обвинителю Верреса пришлось ехать на плохоньком «крошечном судёнышке» морским путём от Вибона до Велии, откуда уже можно было пробраться в Рим сухопутной дорогой.

Таким образом, то обстоятельство, что вся западная часть юга Италии находилась во власти спартаковцев, и то, что Цицерон вынужден был констатировать здесь хозяйничание одновременно и рабов и морских разбойников, заставляет нас сделать вывод, что и те и другие находились между собой в определённой связи.

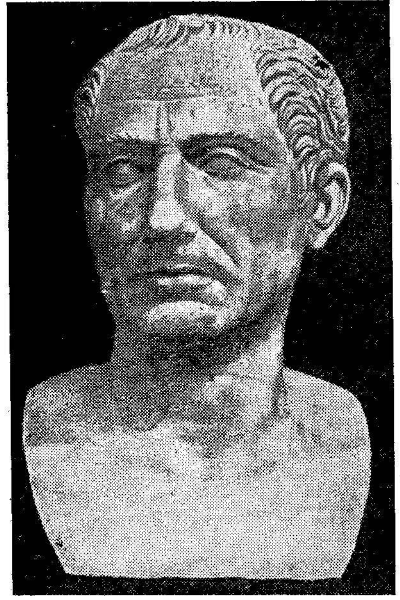
Последующие события начинают всё более подтверждать это положение.

Пиратство было настолько ощутительным для Рима, что он вынужден был послать в 67 г. на борьбу с морскими разбойниками столь известного полководца, как Помпей.

Об активности пиратов в этот период Моммсен в своей «Римской истории» говорит следующее: «Эти бессовестные преступники не уважали уже более даже священной почвы Италии: из Кротона пираты похищают храмовые сокровища лаконской Геры; они причаливали в Брундизии, Мизене, Кайете, в этрусских гаванях, даже в Остии; брали в плен самых знатных римских командиров, в том числе предводителя флота при киликийской армии и двух преторов со всей их свитой, с их грозными секирами и прутьями и всеми атрибутами их сана; они похитили из одной виллы при Мизене сестру высланного для уничтожения пиратов старшего адмирала Антония; они уничтожили в остийской гавани военный флот, снаряжённый против них под предводительством одного консула. Латинский поселянин, путешественник, странствовавший по Аппиевой дороге, знатное лицо, лечившееся водами в Байях, про-

званных земным раем, — никто ныне не был спокоен за свою жизнь и имущество».

В 67 г. Помпею пришлось потратить 3 месяца, чтобы сломить сопротивление пиратов. У западных берегов Италии Помпей боролся с пиратами 40 дней, чтобы изгнать их из италийских гнёзд. И потом 49 дней Помпей преследовал их у Крита и Киликии.

Гай Юлий Цезарь.

В то время как пираты были изгнаны с побережья юга Италии, отряды спартаковских ополчений долго ещё сохранялись в глубине южной Италии.

Спартаковцы ещё в начале 62 г. захватили всю область Фурий и долго держали её в своих руках. Узнав о выступлении в Риме Катилины, рабы заволновались, и среди них было много таких, которые хотели использовать создавшуюся ситуацию, чтобы двинуться на Рим.

И только в 61 г. посланный Римом отряд Гая Октавия уничтожил последние остатки спартаковской армии.

Так закончилась героическая освободительная эпопея Спартака. Она подняла массы на освобождение от рабства и долго потрясала устои рабовладельческого Рима. Несмотря на своё поражение, она так подорвала рабовладельческий режим, что вызвала глубокие изменения в политическом строе Республики, предопределив тем самым её близкое и окончательное падение. Однако политика рабовладельцев всё интенсивнее направляется к сплочению всех прослоек рабовладельческого класса в борьбе за упрочение рабовладельческой системы. На этой почве происходит выдвижение ряда политических деятелей Рима, желающих иначе устроить государственный поря-

док в Римской республике. Через некоторое время после восстания Спартака усиливается борьба за установление строя рабовладельческой диктатуры. Рабовладельческая диктатура мыслится как ответная форма политики и становится действительной реакцией на происшедшие социальные потрясения в жизни Римского государства. После организации первого триумвирата в Риме к единодержавной власти в результате борьбы приходит Юлий Цезарь. С ним связано установление строя военной диктатуры, кладущей конец старым, демократическим порядкам Римской республики. В борьбе с революцией рабов рабовладельческий класс приходит теперь к новой форме своей власти.

СПАРТАК В ЛИТЕРАТУРЕ ВЕКОВ

1. ОБЛИК СПАРТАКА У ГРЕКО-РИМСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

СПАРТАКОВСКАЯ эпопея освободительной войны мало изучена и отражена в исторической литературе. Восстания рабов в древнем мире являются до сих пор недостаточно исследованной областью, так как буржуазная историческая наука этот вопрос сознательно обходила.

В общеисторической литературе Спартак занял столь незначительное место, что мы вправе говорить об отсутствии серьёзных исследований спартаковского движения.

Только в общих курсах по римской истории, как, например, у Друмана и Моммсена, делаются попытки более или менее полно охарактеризовать спартаковское восстание и воссоздать образ его героя. Восстания рабов не привлекали внимания исследователей, ибо эти восстания напоминали господствующим классам о восстаниях рабочих, о классовой борьбе пролетариата в эпоху буржуазного господства.

Поэтому буржуазная наука уклонялась от исследования этих проблем.

Но благородный образ Спартака рано обратил на себя внимание представителей художественной литературы. В романах, исторической драме, поэзии образ Спартака получил своё отражение.

Все сведения о Спартаке, которые дошли до нас, могут быть разделены на три категории: во-первых, непосредственные источники древних авторов, запечатлевших образ Спартака и его восстание в своих записях, являющихся для нас документами первостепенного значения; во-вторых, соответствующие характеристики Спартака и его восстания в исторических трудах исследователей нового времени, как, например, у Друмана, Моммсена, и, в-третьих, изображения Спартака в художественной литературе.

Среди этого материала данные первоисточников должны быть особо выделены как свидетельства современников эпохи Спартака, по которым можно судить не только о том, как сама эпоха спартаковской освободительной войны отобразила своего героя, но и о том, насколько правильны позднейшие характеристики Спартака и в какой степени они отклоняются от сведений, даваемых историческими документами.

Греческие и римские авторы много писали о Спартаке. К сожалению, не все эти свидетельства дошли до нас, а дошедшие материалы часто отрывочны и кратки. Но если только учесть, что более 30 древних писателей сочли необходимым отметить в своих записях движение Спартака, причём писали о нём на протяжении почти шести веков — от I в. до н. э. (Саллюстий, Тит Ливий) и до V в. н. э. включительно (Сидоний Аполлинарий и др.), то этого будет уже достаточно для того, чтобы говорить о значении движения, об его исключительном размахе, о выдающейся роли его вождя. Впечатление, произведённое героической борьбой за освобождение, и образ Спартака настолько были сильны и живы, что долго ещё сохранялись в памяти последующих поколений.

Но вспоминали эти события по-разному. Для рабов имя Спартака было символом революции; для рабовладельцев оно было страшной угрозой, заставлявшей их трепетать за свои судьбы. В глазах рабовладельческой

знати и её писателей Спартак всегда рисовался в образе страшного и неумолимого врага.

Как мы уже заметили, о Спартаке писали более 30 авторов древности. Обращает на себя внимание следующий интересный факт. Древние авторы, отражая в своих писаниях настроения, чувства и беспокойство рабовладельческого класса в моменты политических кризисов, вспоминали о грозном восстании рабов в Италии и о его великом вожде.

Вот как располагаются, например, древние свидетельства по столетиям: больше всего пишут о Спартаке авторы I в. до н. э. — современники италийского движения рабов и авторы IV в. н. э. — современники нового решительного подъёма восстаний рабов и крестьян как в самом Риме, так и главным образом на периферии Римской империи. Что касается свидетельств от I в. до н. э., т. е. периода спартаковской войны, то они дошли до нас в количестве семи (Саллюстий, Тит Ливий, Цицерон, Гораций, Диодор Сицилийский, Цезарь, Варрон, — фрагмент Харизия). Конечно, о Спартаке писали не только под непосредственным впечатлением движения рабов, как это было, например, с Саллюстием, Цезарем или Цицероном.

Спартака и его восстание отмечали анналисты (Тит Ливий, Диодор) в своих записях, несомненно, уже после освободительной войны, в конце I в. Поэт Гораций не мог не вспомнить Спартака в стихах в связи со своими замечаниями о гражданской войне в Италии. События гражданских войн конца I в., позднейшие вспышки восстаний рабов (например Секста Помпея в Сицилии в 36 г. до н. э.) продолжали ещё служить материалом для последующих воспоминаний не в меньшей степени, нежели самое восстание Спартака.

Из римской истории мы знаем, что I в. н. э. являлся повторным и не менее напряжённым по социальной борьбе, чем I в. до н. э. Рим перешёл к империи, к открытой диктатуре рабовладельческого класса, при которой некоторые республиканские учреждения хотя и оставались, но только для сохранения видимости демократии. Рабовладельческая диктатура ставила своей целью объединить все силы рабовладельческого общества и укрепить диктаторскими мероприятиями и методами открытого террора политическую власть господствовавшего класса про-

тив новых попыток восстаний и освободительных движений.

Но попытки эти, однако, не прекращались. Достаточно указать на восстание Такфарината в Африке в 22 г. против римского наместника Блеза. Тацит при описании этого движения не мог не упомянуть в связи с этим и Спартака. «Как Красс отказался вести переговоры со Спартаком, так и на попытки Такфарината, — говорит Тацит, — заключить договор с Римом сенат ответил отказом».

При Тиберии в Брундизии в 24 г. был организован обширный заговор рабов под руководством Куртизия, солдата преторианской армии. О том, что в этом районе в первой половине I в. н. э. было всё время неспокойно, говорит движение в южной Калабрии под руководством Домиции Лепиды, преданной смертной казни. Наконец, попытки восстания гладиаторов в Пренесте в 64 г. заставляют народ, «жадный, — по выражению Тацита, — до всяких переворотов», говорить снова о Спартаке, появившемся якобы опять под стенами самого Рима. А восстание батавов в 70 г. при Веспасиане, в котором приняли участие галльские и германские племена, свидетельствовало, что напряжение социальной борьбы было одинаково сильно как в самом Риме, так и на периферии.

Напряжение социальной борьбы за свободу в I в. заставило многих римских авторов вспомнить о Спартаке, имя которого ассоциировалось со всеми движениями, направленными против рабовладельцев. Веллей Патеркул, Плиний Старший, Фронтин, Лукан, а также Плутарх и Тацит, литературная деятельность которых падает главным образом на конец I в. до н. э., неоднократными замечаниями о Спартаке отражали беспокойную обстановку этого времени.

Во II и начале III в., в период, характеризующийся некоторой устойчивостью социальных отношений в Римской империи, писатели меньше пишут о Спартаке. Если под свежим впечатлением событий I в. пять писателей II в. вспоминают о Спартаке (Аппиан, Авл Геллий, Фронтон, Флор, Светоний), то в III в. только два автора — Афиней и Ампелий — оставили нам заметки об итальянской освободительной войне и её вожде.

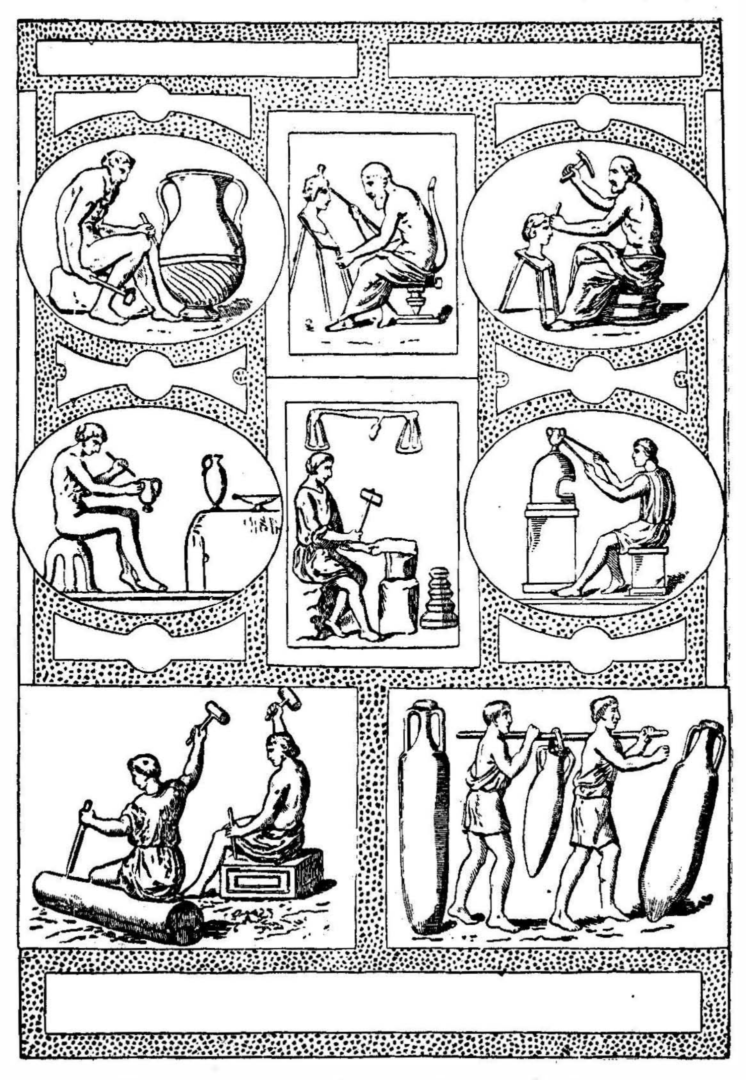
Новый этап в античной историографии о Спартаке начинается с IV в. С этого периода может быть прослежено

возрастание упоминаний греческих и римских авторов о знаменитом вожде рабов. Семь авторов IV в. отметили в своих записях спартаковское восстание. Повышение общественного интереса к личности Спартака являлось не случайным в обстановке внутриполитических событий Римской империи IV в. С этого времени начинается новый подъём социальных движений против системы рабства. Эти движения перерастают, как известно, в настоящую революцию рабов и крестьянства, которая окончательно уничтожила рабовладельческую систему эксплоатации, а вместе с ней и державный Рим. Эта вторая освободительная война рабов характерна тем, что она отличается единством выступлений рабов и крестьянства, причём это единство выражается не только в объединении рабов и колонов внутри Рима, но и в единодушных выступлениях против Рима «врагов внутренних» (рабов) и врагов внешних (галльских и германских племён).

Нельзя утверждать, что только сложившаяся в результате этих движений и нараставшей борьбы рабов обстановка внутри и вне Рима определила собой то, что о Спартаке заговорили Аммиан Марцеллин, Евтропий, Симмах, панегиристы: Пакат, Фемистий, Харизий и Юлий Капитолин. Но несомненно, что напряжённая социальная обстановка IV в. заставляла авторов обращаться к соответствующим аналогиям и сопоставлению спартаковского восстания с наблюдаемыми авторами событиями их времени. Об этом больше всего говорят записи авторов V в.

В самом начале V в., в 410 г., Аларих вторгся в Италию и захватил Рим. В этом ему оказали помощь массы рабов, переходивших на его сторону. В середине V в. в Италию вторгся Атилла, и, наконец, благодаря натиску германских племён был свергнут в 476 г. последний римский император Ромул Августул. Эти обстоятельства стали роковыми для дальнейшего существования Рима и заставляли римских авторов при описании их вспоминать всё то, что Рим претерпел за время своего существования.

В V в., именно в связи с роковыми событиями римской истории, о Спартаке сообщает ряд писателей древности (Синезий, Августин). Особо следует выделить «Блаженного» Августина. Последний, уделяя большое внимание Спартаку (в третьей и четвёртой книгах о «Граде божь-

Римские ремесленники и рабы за работой.

ем»), отразил чувства и настроения рабовладельческого класса в оценке вождя италийских рабов. Известно, что Августин все революционные выступления, начиная от Гракхов и Спартака, выводил, согласно своей философии истории, из того, что римляне поклонялись языческим богам и игнорировали единственного и настоящего бога, по Августину, бога христианского.

Таковы в основном главные моменты развития античной историографии о Спартаке.

Перейдём к другому интересующему нас вопросу: как именно изображали Спартака античные писатели?

Конечно, различные писатели древности изображали Спартака по-разному. Но были основные моменты, на которых останавливались все писатели древности. Это вопросы о размахе освободительной войны, её значении и о личности Спартака, его гуманности, благородстве и героизме.

Что касается первого вопроса, то здесь почти все авторы сходятся на том, что восстание рабов под руководством Спартака привело Рим к большой и опасной для государства «войне со Спартаком» (bellum Spartacium). Так, собственно, и называют это восстание Плутарх, Аппиан и Флор.

Ещё более интересным в этой связи является вывод Ампелия: из четырёх главных и самых опасных войн, которые он перечисляет, войну со Спартаком он ставит по значению на второе место. Авл Геллий указывает на то, что Красс при въезде в Рим после победы над Спартаком получил не триумф, а всего лишь овацию. Вряд ли Геллий недооценивал войну со Спартаком, в этом отношении все авторы были о ней одного мнения.

Поэтому указание и Геллия о получении Крассом только овации надо понимать не в том смысле, что он её недооценивал как войну рабскую, а в том, что Красс не сумел быстро расправиться с врагом до конца.

Интересно проследить изменение оценки спартаковского восстания по мере его развёртывания. Аппиан, один из наиболее авторитетных историков древности, свидетельствует, что на первых порах на восстание Спартака не обращали серьёзного внимания и относились с презрением к борьбе с какими-то гладиаторами. О том, что римляне вначале недооценивали значение движения как развёртывавшейся освободительной войны, свидетельствует

и Орозий, который заявляет, что римляне сначала лишь «просто наблюдали восстание», а не боролись с ним. И только после первых неудач римских полководцев в столкновениях со Спартаком Риму, «перенёсшему позор восстания рабов», как говорит Флор, пришлось иначе отнестись к этому восстанию.

На борьбу со Спартаком пришлось мобилизовать все силы Римского государства. Война стала, по выражению того же Аппиана, рисоваться теперь как самая «ужасная», а по словам Евтропия и Орозия, она уже представлялась как «война с Ганнибалом», ибо Спартак, подобно Ганнибалу, в своё время находился непосредственно у «ворот Рима».

Заслуживает внимания оценка римскими писателями личности Спартака, его индивидуальных качеств.

И в этом вопросе не все авторы древности проявляют единство взглядов. Остановимся на этом вопросе несколько подробнее.

Что говорят исторические документы? Прежде всего все источники определённо устанавливают фракийское происхождение Спартака. Вопреки Моммсену, утверждающему, что Спартак происходил из царского рода Спартокидов, они свидетельствуют, что Спартак был «варваром», родившимся в суровой обстановке Фракии.

Возможно, что сама династия боспорских царей Спартокидов, как думают некоторые учёные, связана своим происхождением с фракийскими племенами «спартов». Плутарх, произведения которого являются для нас основными источниками, прямо говорит, что будущий вождь италийских рабов рос не во дворцах, а на полях и в горах той Фракии, которую Рим своими военными походами предавал огню и мечу.

Все древние писатели отмечают необычайное благородство и героизм Спартака, проявленные им в борьбе с римскими войсками. Плутарх заявляет, что вождь восставших рабов Италии хотя и был номад, «варвар», но отличался необычайной силой, умом и гуманностью. Это отмечает и Диодор. Благородство Спартака как одну из его главных черт отмечает и Саллюстий, приводя примеры того, как Спартак боролся с бесчинствами недисциплинированной части рабов по отношению к населению. На эту же черту указывает и Плиний Старший, подчёркивая в ха-

рактеристике вождя рабов его крайнее бескорыстие и честность, выразившиеся в запрете употребления в его лагере золота и серебра, на что указывает одновременно и Аппиан, добавляющий, что добыча делилась среди рабов на строго равных началах.

Спартак участвовал в дележе наравне с другими. Это обстоятельство, как говорит тот же Аппиан, служило одной из предпосылок того, что у Спартака быстро собралась огромная армия.

Другой момент, на который указывает Аппиан, — это запрещение накопления богатства. Спартак приказал при расплате не принимать серебра и золота, а купцам, обменивавшимся с рабами, запретил предлагать золото и серебро.

Деление захваченного у рабовладельцев имущества поровну, регламентация обмена только в потребительских целях, наконец, запрещение накопления богатства (золота и серебра) — всё это говорит о некоторых идеях уравнительности и потребительского социализма. Эти идеи можно проследить в утопических взглядах представителей философии древности; особенное развитие они получили в древней Греции. Питательной почвой для этих идей являлись развитие рабства, разложение сельской общины и пролетаризация мелких производителей в связи с развитием торгово-ростовщического капитала. Мелкий производитель Греции или Рима всегда искал выхода из своего положения, создавшегося в результате развития рабства, в возврате к общинным отношениям, к строю своих отцов и дедов. Если в политической философии античности эти идеи не представляли ничего нового, то следует сказать, что на практике, в самых восстаниях рабов, эти идеи впервые выступают более или менее отчётливо только в спартаковской освободительной войне. Этот момент обращает на себя внимание в связи с замечаниями Аппиана и Плиния Старшего.

Наконец, много места отводится у греко-римских писателей изображению качеств Спартака как военного командира, полководца. Фронтин, описывавший в древности все интересные с военной точки зрения случаи борьбы и оставивший нам записи «военных хитростей» в своём произведении «Стратегеммы», отметил также и те «военные хитрости» Спартака, которые последний применил в

своей борьбе с Римом. Другой римский писатель — Марк Фронтон — в своих письмах ставит военное искусство Спартака выше искусства всех известных ему полководцев древнего мира. Когда в его время пытались превозносить военные доблести Траяна, то Фронтон в связи с этим в одном письме замечает, что едва ли кто может в этом отношении померяться со Спартаком. Заслуживает внимания то, что некоторые авторы (например Флор) называют Спартака «великим полководцем» («императором»).

Момент геройской смерти Спартака почти одинаково отмечают Аппиан и Плутарх.

Как мы видим, древние источники рисуют нам Спартака как человека огромной силы воли, исключительного военно-организаторского таланта, необычайной политической прозорливости, огненного темперамента и благороднейшего характера. Таким изображают этого первого великого революционера греческие и римские писатели древности.

2. СПАРТАК В ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Говоря о последующем развитии историографии, следует прежде всего отметить тот факт, что в период от VI и до второй половины XVII в. мы не имеем о Спартаке почти никаких работ. Трудно себе представить, чтобы в Западной Европе, в особенности в Италии, на юге её, в эпоху социальных движений средневековья совершенно не вспоминали о Спартаке. В устном слове — фольклоре — Спартак во всяком случае не мог быть забыт.

Только неисследованностью средневековых записей юга Италии и слабым знанием средневекового фольклора можно объяснить отсутствие средневековых материалов о Спартаке.

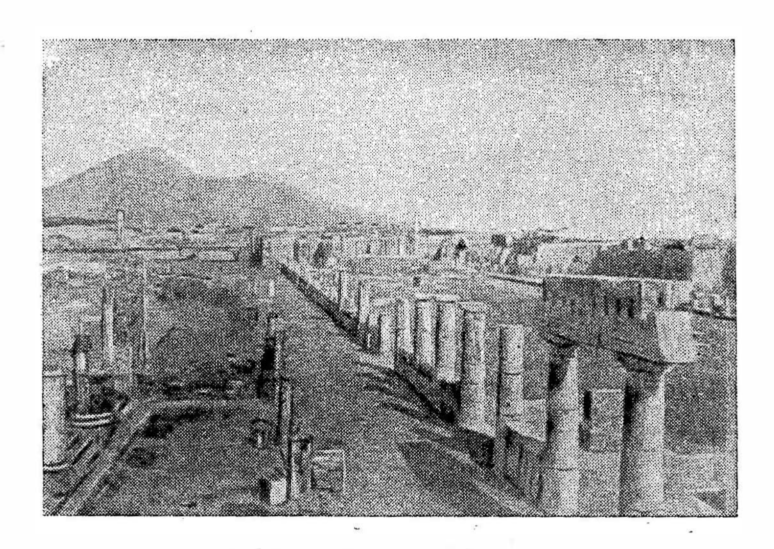
Среди работ нового времени мы не будем перечислять всех общих работ по римской истории, в которых Спартак упоминается в связи с общим обзором событий истории древнего Рима. Стоит только назвать поражающий своими размерами труд Ленана де Тиллемона, который вышел во второй половине XVII в. и в котором история восстаний рабов II—I в. до н. э., в том числе и восстания Спартака, была подробно рассказана впервые. Работы

последующих историков не уделяют внимания Спартаку в монографических исследованиях. Первую такую попытку можно проследить лишь в 1777 г. у Дебросса, но автор ставил скорее задачу восстановить Саллюстия, его фрагменты, чем специально писать о Спартаке. Однако автор не мог не уделить внимания и самому Спартаку. Фрагменты Саллюстия о Спартаке очень плохо сохранились и нуждаются в специальном восстановлении и комментировании, а этого, конечно, нельзя было сделать без соответствующей работы над восстановлением в целом истории спартаковского восстания. Дебросс не только впервые издал Саллюстия в соответствующей критической обработке, но и впервые восстановил его фрагменты о Спартаке, что, конечно, способствовало большему выяснению как политического облика Спартака, так и характера самого восстания.

Работа Дебросса увязала материалы Саллюстия о Спартаке с другими свидетельствами древних писателей, и это уже могло служить исходным пунктом для монографии о Спартаке. Но общая политическая ситуация того времени и специфические интересы придворных и клерикальных историков не способствовали сосредоточению внимания исследователей на личности Спартака и возглавленной им освободительной войне. Только изменение политической обстановки в результате Великой французской буржуазной революции направило интересы историков в сторону изучения восстаний и освободительных движений.

Первая монографическая работа о Спартаке была написана А. Г. Мейсснером в 1793 г. Интересно, что эта работа писалась в Праге, хотя и была потом издана в Берлине.

Раскаты Великой французской революции, донёсшиеся до Чехии, выступившей с национально-объединительными идеями, должны были создать определённую социально-политическую атмосферу, которая не могла не повлиять и на Мейсснера, автора небольшой монографии о Спартаке. Недаром Мейсснер в эпиграфе к своей книжке намекает на революционные события своего времени. Основная мысль его эпиграфа: «Короли летят с тронов, превращаясь в рабов, и, наоборот, рабы, освобождаясь, становятся королями». Революционные события своей эпохи Мейсснер невольно переносил в древность и по ана-

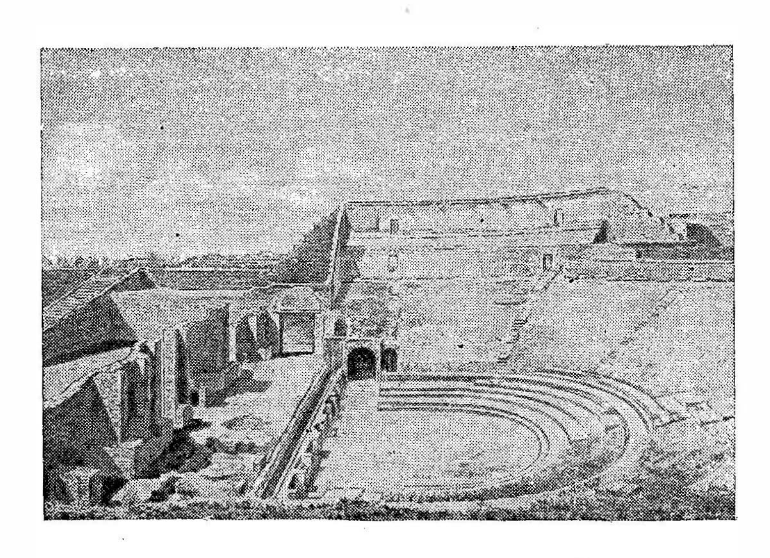
Остатки Форума в Помпеях.

логии с выступлением народных масс против королей во Франции мыслил себе революционное выступление рабов, поднявшихся против рабовладельческой деспотии древнего Рима.

В описании спартаковского движения и изображении политического облика его героя Мейсснер первым выступил с известного рода идеализацией. Спартак даётся им как благородный герой; он противопоставляется надменному, эгоистическому и кровожадному Риму.

После книжки Мейсснера более полустолетия никаких монографий о Спартаке не появлялось. Только в 1867 г. появляется в Германии небольшая брошюра Зейферта «О рабской войне». Она не представляла собой ничего выдающегося и являлась лишь доказательством возросшего под влиянием усиливавшегося в Германии социал-демократического движения интереса к социальным проблемам древней истории.

Эти небольшие исследования о Спартаке недостаточно вскрывали фактическую сторону и масштаб событий, а главное, мало содействовали правильному уяснению их смысла. Ни в общих курсах по римской истории, ни в энциклопедических изданиях на Западе великому вос-

Остатки театра для гладиаторских боёв в Помпеях.

станию рабов не отводилось соответствующего внимания и места. Если взять например, французскую «Большую энциклопедию» (т. XXX, стр. 360), то она уделяет Спартаку места не более, чем наш старый словарь Брокгауза, причём в приводимой маленькой справке даётся лишь краткое и голое перечисление данных о восстании по Плутарху и Аппиану, без малейшей попытки дать критику источников и увязать революционное выступление рабов с социальными вопросами римской истории.

Ещё меньше уделяет места Спартаку «Британская энциклопедия» (т. XXV, стр. 614). Там с педантичной точностью передаётся всё то, что о Спартаке имеется у Плутарха и Аппиана, но старательно обходятся все вопросы, связанные с происхождением восстания и значением его для истории Римской республики.

В этом отношении несколько особняком стоит известная энциклопедия древности Паули-Виссова-Кролль, в которой очередной том на букву «С» (вышел в 1929 г.) содержит интересную и солидную статью Мюнцера, давно интересовавшегося Спартаком. Но и Мюнцер не сумел с исчерпывающей полнотой охватить данные греческих и римских авторов и поставить спартаковское вос-

стание на соответствующее место в ряду исторических событий конца Римской республики. Бросается в глаза и то, что Мюнцер совершенно обошёл найденный при раскопках в 1927 г. в Помпеях новый материал о Спартаке.

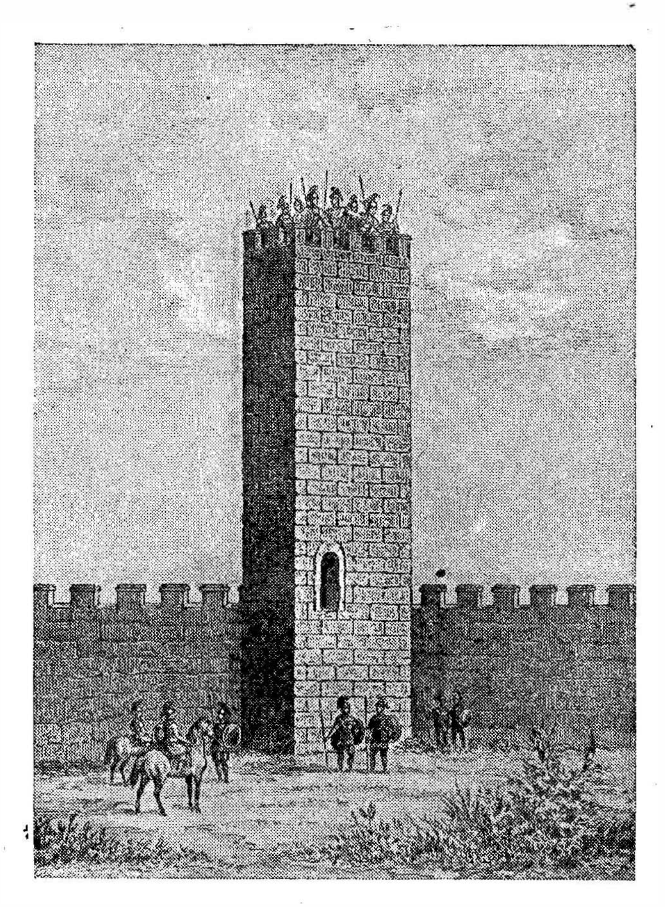
Из обзора небольших монографий о Спартаке, которые выходили главным образом в Германии, следует тот вывод, что хотя Спартак и занимал в определённые периоды внимание немногих историков, однако работы их не вскрывали ни политического облика вождя рабов, ни задач самого восстания. Поэтому неудивительно, что даже в Германии, где во второй половине XIX в. уделялось некоторое внимание Спартаку, никакого сдвига в историческом исследовании произойти не могло.

Таким образом, в буржуазной историографии мы не можем остановиться ни на одной работе, которая была бы посвящена всестороннему изучению спартаковской освободительной борьбы и которая выражала бы определённый комплекс взглядов по данному вопросу.

Приходится заметить, что с этой точки зрения не потеряли ещё значения высказывания Моммсена и Друмана как о характере, так и о значении великой освободительной эпопеи италийских рабов. Они интересны как раз потому, что эти историки выражают определённые и более или менее законченные взгляды на всё то, что в историографии XIX в. рассыпано в виде небольших замечаний о Спартаке. Кроме того, высказывания Моммсена и Друмана интересны постольку, поскольку они представляют взгляды буржуазных учёных на оценку спартаковского движения и его вождя.

Относительно точки зрения Моммсена следует заметить прежде всего, что прославленный буржуазный учёный, который способствовал выяснению ряда запутаннейших вопросов римской истории, оказался, однако, бессильным там, где надо было исследовать проблемы социальной борьбы древнего Рима.

Вся долгая и упорная борьба рабов против своих угнетателей в Риме, борьба, которая через ряд отдельных восстаний выросла до массового выступления италийских рабов под предводительством Спартака, была истолкована Моммсеном как разбойничьи мятежи. Политический вождь, организовавший борьбу за всеиталийское освобождение рабов, представляется ему всего лишь «великим разбойничьим атаманом», заставившим пережить

Римская сторожевая башня на границе.

Рим «все ужасы, которые только могут причинить победоносные варвары беззащитным цивилизованным людям, разнузданные рабы — своим прежним господам».

Подобная оценка является примером того, как и видный учёный бессилен понять социальные явления тогда, когда его взгляды на эти явления оказывались ограниченными субъективной идеологией буржуазного исследователя.

Интересно отметить, что, выражая подобную точку зрения, Моммсен к самой личности вождя вынужден был,

однако, проникнуться уважением и даже некоторым почитанием.

Спартак, по его представлениям, «замечательный человек» с «необычайным организаторским талантом». Таким отношением к личности вождя Моммсен пытается отделить Спартака от всей массы рабов, руководителем которых он являлся, не замечая, что при этом он допускает серьёзные ошибки исторического порядка. Виднейший учёный буржуазной науки выводит Спартака из «благородного» рода «Спартакидов», пользовавшихся во Фракии и в Пантикапее «царскими почестями», в то время как ни один из дошедших до нас источников не даёт ни малейшего материала для предположений такого порядка. Ту же цель противопоставления массы вождю преследует попытка выставить причиной разногласий среди рабов только национальную вражду. «Эллинский дух» Спартака Моммсен не может примирить с «варварской природой» рабов других национальностей. Отсюда их рознь, борьба и разногласия.

Эту точку зрения позднее развивал другой видный буржуазный историк — Ферреро. Последний Спартаку и восстанию рабов даёт различные оценки: «Спартак был гениальным человеком и делал чудеса, но его сбродная армия не могла сопротивляться без конца; раздоры, отсутствие дисциплины, дезертирства явились на помощь Крассу, который мог, наконец, выиграть битву, в которой Спартак пал».

И в этой характеристике Ферреро, как и Моммсен, «возвышает» Спартака, чтобы «унизить» движение рабов.

Иную оценку спартаковского восстания даёт другой, не менее авторитетный исследователь Рима — Друман. Последний видит в спартаковском движении целую эпопею борьбы италийских рабов за своё освобождение. Спартака Друман рисует политическим вождём, чуждым какой-либо корыстной цели и полным упорной воли к борьбе за освобождение многочисленных и отчаявшихся в своём положении масс римских рабов. К сожалению, приходится отметить только, что эта правильная оценка борьбы Спартака у Друмана не получила развития и научного обоснования.

Таким образом, оба виднейших историка древности — и Моммсен и Ферреро — дают только общую оценку интересующего нас социального явления, совершенно упус-

кая вопросы происхождения, подготовки и социального значения этого явления. Не представляли в этом отношении исключения и последующие историки Рима на Западе.

Спартак и его восстание так и не могли занять соответствующего места в буржуазной историографии.

Выше уже указывалось, как освещался образ великого революционера древности в марксистской историографии.

Ещё Маркс обратил внимание на выдающуюся фигуру Спартака. Занимаясь одно время изучением гражданских войн в Риме и перечитывая в связи с этим «Гражданские войны» Аппиана, Маркс отметил в своих записях впечатление, произведённое на него героической борьбой рабов под предводительством Спартака. Краткие замечания Маркса о великом революционере древности должны быть положены в основу исследовательской работы о Спартаке.

В таком же плане о великом народном вожде высказывался и Ленин. В своей лекции «О государстве» Ленин отметил не только личные качества героя восстания рабов, но и то значение, какое это восстание имело для Римского государства. Это замечание Ленина развивает и дополняет приведённое выше высказывание Маркса о Спартаке.

Большое теоретическое значение имеет при изучении спартаковского восстания известное высказывание Сталина о революции рабов в древности, хотя у Сталина речь не идёт непосредственно о Спартаке. В речи на I съезде колхозников 19 февраля 1933 г. товарищ Сталин сказал: «Революция рабов ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплоатации трудящихся». Этими немногими словами даётся отпор такому взгляду, согласно которому полагали, что для перехода от античности к феодализму не требовалось никакого «перерыва», скачка, революции. Высказывание Сталина имеет решающее значение для марксистского анализа проблемы падения античного мира. И хотя Сталин не говорит прямо о Спартаке, но совершенно очевидно, что Спартак находился на путях «к революции рабов», ликвидировавшей рабовладельцев. С этой точки зрения спартаковское движение стало изучаться советской наукой. Ряд исследовательских статей по этому вопросу и отдельная монография («Спартаковское восстание», 1936 г.) были написаны автором настоящих строк именно с целью раскрыть

то социальное значение, которое имели восстания, особенно Спартака, для судеб рабовладельческого Рима. Спартак и его восстание заняли своё место и в курсах по истории Рима.

Интересно отметить тот факт, что имя Спартака стало знаменем небольшой группы революционеров из немецких социал-демократов, которая в январе 1916 г. порвала с переродившимися социал-демократами, открыто ставшими на службу империализму. Какое социальное содержание вкладывали немецкие революционеры в слово «Спартак», видно из их директивы, которая была разослана 30 марта 1916 г. всем членам союза «Спартак».

«Долой всякую половинчатость и колебания! Долой компромисс и болото! Долой тех, кто не горяч и не холоден, долой мягкосердечных и слабосильных! Для них сегодня нет места! Они не годятся там, где надо принимать и наносить удары! Решительная борьба за партию началась. Она должна вестить без всякой жалости к отступникам, перебежчикам, к дезертирам социализма» (из Писем «Спартака», 30 марта 1916 г.).

Страстное желание революционеров бороться упорно и до конца воскресило в представлении революционных марксистов Германии имя Спартака — имя, которое тогда и стала носить организация революционеров, положившая основание Германской коммунистической партии.

3. СПАРТАК В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Хотя старая историческая наука не дала почти ни одной серьёзной работы, посвящённой Спартаку, это, однако, вовсе не означает, что широкое общественное мнение Европы в периоды социальных кризисов забывало фракийского героя.

Общественный интерес широких масс более всего отражается в публицистической и художественной литературе. Журналист и художник могут легче схватить и притом в более непосредственной форме отразить животрепещущие вопросы дня или даже целые социальные проблемы.

Большое количество исторических романов, драм и трагедий на тему о Спартаке говорит нам прежде всего о том, что широкая народная масса гораздо больше интересовалась судьбой знаменитого вождя рабов, чем пред-

ставители официальной науки в лице учёных историков и профессоров.

В каком же аспекте широкое мнение буржуазной Европы рисовало себе образ Спартака? Когда, в какие периоды и в каком виде выступал Спартак в произведениях художественной литературы?

Таких периодов в основном следует отметить три.

Первым из них мы считаем период Великой французской революции. Ещё в 1766 г. ставится в Париже знаменитая трагедия Сорена «Спартак». В предреволюционной Франции это произведение обращает на себя всеобщее внимание. Автор мастерски изображает идейную последовательность и благородство вождя рабов, который в борьбе за освобождение от рабства упорно отвергает все соблазны и приманки, предлагаемые ему врагом. Глубокое содержание и художественная отделанность заставили Вольтера сказать об этом произведении, что «оно сработано в мастерской великого Корнеля». Об успехе этого произведения достаточно говорит то обстоятельство, что трагедия Сорена в различных переработках обошла сцены всех крупных европейских столиц.

Несомненно, воссоздание образа Спартака являлось одним из моментов идеологического вооружения буржуазии в борьбе против феодализма. Ссылка на имена древних реформаторов и революционеров — Гракхов и Спартака — звучала аргументацией передовых мыслителей буржуазии в борьбе за новое историческое развитие, за смену феодальной тирании буржуазной демократией.

В этот же период лепит статую Спартака французский скульптор Фуатье (1827 г.). Эта статуя имела столь блестящий успех, что была даже выставлена в Тюильри, но ввиду необычайного наплыва зрителей правительство, ради сохранения общественного спокойствия, статую сняло.

До половины 40-х годов, кроме вышеназванных произведений, мы не имеем никаких других работ, относящихся к Спартаку. Затишье в литературе вполне соответствовало тому разгулу реакции, который наступил после Венского конгресса.

Резкое изменение наступает накануне 1848 г. Подготовка новых освободительных движений создаёт перелом в настроении масс, в умонастроении идеологов буржуазии, в публицистике и в художественной литературе,

Один популярный французский журналист писал в 1847 г.: «Сюжет на тему о Спартаке, конечно, один из самых прекрасных, самых трогательных, которые завещала нам античность; он привлекает к себе свободолюбивые сердца... В нём чувствуется биение жизни прошлой революции, и великое слово человечества звучит в нём с новым и новым блеском».

О Спартаке вновь заговорила художественная литература. В 1846 г. в Австрии выходит драма Вебера «Спартак». Парижская сцена ставит написанную Ипполитом Маганом и выпущенную в 1847 г. драму на эту же тему. Несколько позднее появляется ряд произведений о Спартаке в Германии, в которых по-различному трактуется Спартак и выдвинутая им социальная проблема освобождения.

Третий период развития творческой литературы о Спартаке начинается с 70-х годов. Новый подъём народного движения в Европе, рост политической активности рабочего класса, пропаганда революционного марксизма — всё это в совокупности необычайно радикализировало различные слои мелкой буржуазии, интеллигенции и представителей исторической и художественной литературы.

Этот период начинается изданием (1874 г.) романа Рафаэло Джованьоли «Спартак». Роман Джованьоли написан под непосредственным влиянием итальянских событий 60-х и 70-х годов.

Италия переживала в те годы процесс воссоединения всех своих областей, период вступления на путь консолидации капитализма и развития в стране отношений буржуазной демократии. Этот процесс связан был с войнами, с изгнанием австрийцев, с окончательным свержением светской власти папы и широким подъёмом национально-освободительного движения. Острая политическая борьба и развитие революционных событий выдвинули на арену политической жизни радикальных вождей — Мадзини и Гарибальди. Итальянский народ, шедший на битву с абсолютизмом, всесилием папской власти, против интервенции Наполеона III, был охвачен революционным энтузиазмом. И это революционное настроение не могло не отразиться в итальянской литературе.

Джованьоли выразил эти новые революционные веяния в серии своих исторических романов, в которых

основными персонажами выступали у него древние народные деятели и вожди (Сатурнин и Спартак).

Роман «Спартак» — самое известное произведение Джованьоли. В художественной литературе Западной Европы этот роман является как бы завершением всей предшествующей литературы о Спартаке (драм, трагедий, романов). От своих предшественников роман Джованьоли выгодно отличается большой исторической достоверностью. Надо отдать справедливость автору: его обширные знания в области древней литературы не подлежат сомнению. Благодаря этому ему удалось избежать тех исторических промахов, которые столь обычны у других авторов.

При всём том в романе Джованьоли имеется ряд несоответствий с данными литературных источников. Автор, например, объясняет причины разногласий между Спартаком и главными его помощниками — Криксом и Эномаем — любовной интригой. Творческой фантазией автора можно объяснить то, что Джованьоли допускает версии о сношениях Катилины со Спартаком. Даже Цезарь, будущий римский диктатор, оказывается, не только имеет дело со Спартаком, но и предупреждает последнего о раскрытии заговора рабов. Ещё менее соответствует действительности основная канва романа — любовь Спартака к жене Суллы, Валерии, и вставленная для романтизации любовь к Спартаку со стороны куртизанки Эвтибиды. Всё это, конечно, не имеет никакого подтверждения в литературных источниках.

При всех этих недостатках роман Джованьоли даёт яркую картину отношений, быта, настроений и нравов древнего Рима и на фоне этой картины увлекательно развёртывает основной сюжет — восстание Спартака.

Однако перечисленные произведения художественной литературы, являясь показателем общественного настроения широких слоёв публики, сами по себе ни в какой мере не выясняли исторически ни образа самого Спартака, ни характера его освободительного движения.

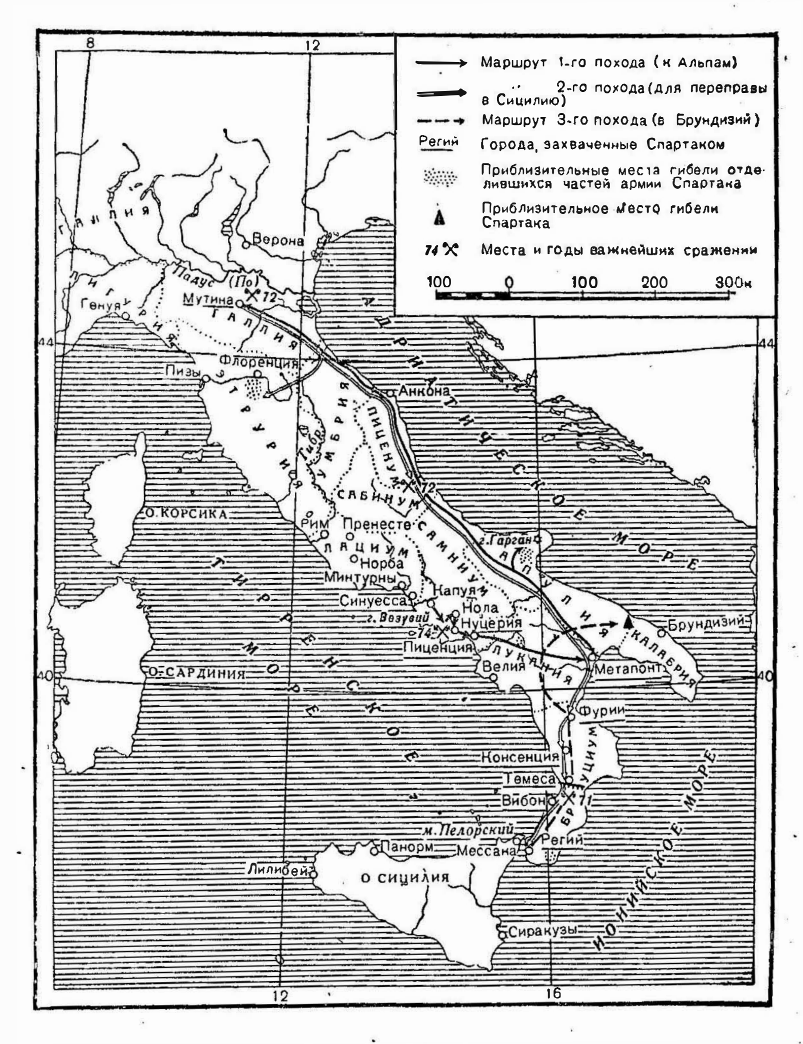
Ни один из драматургов и романистов, писавших о Спартаке, не мог чётко обрисовать вопрос о программе Спартака, о причинах разногласий в его штабе и обстоятельствах гибели вождя в сражении с Крассом. Вполне понятно, что на все эти вопросы чёткий ответ может дать лишь строго научное и всестороннее историческое исследо-

вание, вооружённое знанием всех дошедших до нас документов, относящихся к Спартаку.

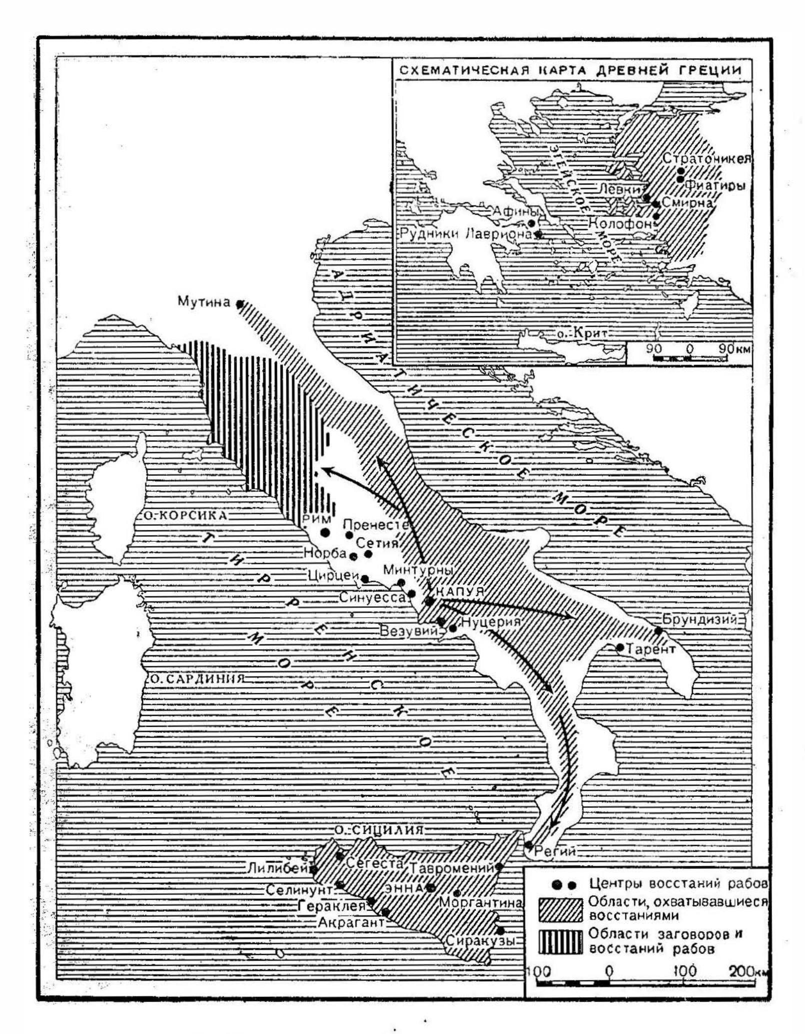
В настоящей книге была дана попытка представить образ Спартака и знаменитое движение рабов под его предводительством так, как это позволяют нам исторические документы. Установление подлинно исторической, правдивой картины освободительной борьбы Спартака поможет и в художественной литературе разобрать более правдиво облик знаменитого народного вождя в древности и героическую эпопею борьбы за освобождение от рабства.

Образ Спартака живёт и будет жить в искусстве и литературе веков. Героический облик Спартака приковывает внимание одновременно и учёного, и писателя, и художника, стремящихся в изобразительном искусстве, в литературе, в науке увековечить образ знаменитого фракийского героя.

Походы Спартака.

Восстания рабов в древности.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Редактор *В. А. Александров.*
Технический редактор *Н. В. Сахарова.*

А-06322. Подписано к печати 4/VIII 1950 г. Бумага 84 × 108 1/32. Бум. л. 2,31. Печатных листов 7,58. Уч.-изд. л. 7,61. Тираж 75 000 экз. Заказ № 658. Цена без переплёта 3 руб. 10 коп. Переплёт 50 коп.

2-я типография „Печатный Двор“ имени А. М. Горького Главполиграфиздата при Совете Министров СССР. Ленинград, Гатчинская, 26.